МИРА СОЛЬ
АКАДЕМИЯ
ВЗРОСЛЫХ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Несладко, когда тебя продали в рабство собственные родители. С одной стороны, ты выкрутилась и даже взяла кое-какую компенсацию. Противозаконно? Да, за это никто по головке не погладит. С другой, ты — ученица элитной школы, едва вставшая на путь артефактора. А что ждёт с третьей? Конечно же, Светлейшая инквизиция. Прошу, танцуй по лезвию бритвы очень аккуратно, ты же кошка.

18+

- Мира Соль
  - Глава 1. Сладкие грёзы
  - Глава 2. Три килограмма удовольствия
  - Глава 3. Похоть и Параллель
  - Глава 4. Грёзы
  - Глава 5. Жар выяснения отношений
  - Глава 6. Сочные оттенки предательства
  - Глава 7. Тварь
  - Глава 8. Благодарность
  - Глава 9. Медовая ночь
  - Глава 10. Ненасытная
  - Глава 11. Утренняя неразбериха
  - Глава 12. Волнующие воспоминания
  - Глава 13. Тени прошлого
  - Глава 14. Интимное знакомство
  - Глава 15. Страсти Синей библиотеки
  - Глава 16. Откровения в кабинете
  - Глава 17. Сбор ингредиентов
  - Глава 18. Примирение и правда
  - Глава 19. Кроваво-нежное блаженство
  - Глава 20. Карамельная пленница
  - Глава 21. Качели правды
  - Глава 22. Раз вопрос, два вопрос… Эротический допрос
  - Глава 23. Утро и кружевные трусики
  - Глава 24. Нет окна и дверь размыта
  - Глава 25. Ночной визит
  - Глава 26.Сон и Явь
  - Глава 27. Как с пользой прогулять пары
  - Глава 28. Схема, которая должна сработать
  - Глава 29. Побоище
  - Глава 30. Новый шаг

- Глава 31. Ава
- Глава 32. Неявный участник
- Глава 33. Оргия «чёрных»
- Глава 34. Стражи инквизиции
- Глава 35. Подготовка к вылазке
- Глава 36. Вынужденный союз
- Глава 37. Туман над Янцзы
- Глава 38. Город
- Глава 39. Ритуалисты
- Глава 40. Беседа с десятником
- Глава 41. Когда ты нравишься инквизиции…
- Глава 42. Обратная сторона

Мира Соль
Академия взрослых

Глава 1. Сладкие грёзы

— Ри, ну ты где? — послышался за дверью до мурашек мелодичный и нетерпеливый голос Лексы. — Опоздаем же!

Иди туда, иди сюда… Для чего это всё? Зачем я здесь?

Последний раз с ненавистью взглянула на расчёску: пушистый от волос кусок дерева покорностью не отличался. Ну что же, в который раз попытка уложить кудрявую львиную гриву не увенчалась успехом. Может, внимание отвлечёт короткая юбка?

— Иду, — снова вспомнив о занятиях, крикнула в ответ, подхватила сумку с конспектами и выбежала из комнаты.

Лекса окинула меня оценивающим взглядом, закусила губу и отвернулась, бросая через плечо:

— У нас ровно три минуты, чтобы не опоздать на итоговое занятие. Ты прекрасно знаешь, что нас ждёт, если не успеем.

— Тогда бегом!

В аудиторию мы ворвались за несколько мгновений до звонка, привычно бросив тетради на учебные столы. К приходу профессора я и Лекса — две примерных ученицы, готовые впитывать науку ментальных атак.

Нет, далеко не каждый ученик в классе имеет к этому способности, и я в их числе. Но теорию мы знать обязаны, как и уметь ставить защиту. Бездарности осваивают этот навык ровно к четвёртому году обучения. Если доживают…

Кстати, о дожитии. Кажется, в наш элитный загон попал очередной агнец. Лекса успела мне по пути все уши прожужжать. Один вопрос: где она информацию раскопала, если его перевели только вчера? Впрочем, это не так интересно. Подруженька почему-то уже неделю упорно делала вид, что ничего не было.

Пальцы на автомате выписывали витиеватые каракули, дублируя в конспекты сухой и неинтересный голос профессора Цукера. Мысли же витали вокруг Лексы.

Перед глазами стоял образ лучшей подруги: смущённая, пытающаяся спрятать высокие упругие груди за копной золотистых волос. Идеально пропорциональная: длинные стройные ноги, выразительные бёдра, тонкая талия… Я вспомнила вкус её губ: пряный, сладковатый, чуть терпкий. И вдруг почувствовала, как меня болезненно ущипнули. Захотелось вскрикнуть от боли, но тут же пришло понимание, что нахожусь не у себя в постели, а в аудитории.

Что-то я увлеклась. Почему все на меня так смотрят?

— Кошки, уважаемая Ри, просят любви не только по весне? —

профессор Цукер вперил в меня надменный остекленевший взгляд поверх очков.

Группа взорвалась тихими разнокалиберными смешками. У ворчливого и щедрого на наказания профессора ментальных наук на уроке не забалуешь. Я в недоумении уставилась на покрасневшую Лексу.

— Ты слишком громко стонала, — еле слышно, одними губами, с укором сказала подруга.

Ну, прости, дорогая, я не виновата, что ты ведёшь себя, как опороченная принцесса, — подумала я, но вслух ничего не сказала. Вместо этого тоже залилась румянцем до кончиков мохнатых ушек. И как мне выйти из такого неловкого положения?

Я поднялась из-за стола, виновато опустив голову на грудь внушительного четвёртого размера.

— Простите, профессор Цукер, я…. Плохо спала этой ночью и уснула на занятии.

— Да? — не поверил старый нудный хрыч моим словам.

Тут же я почувствовала, как мерзкие, осклизлые щупальца его магии проникают ко мне в голову.

«Не думать о Лексе, не думать о Лек…»

Мгновенно в голову пришёл образ полуночной ищейки из Имперских хроник, и я направила всю силу мысли в формирование этого образа.

Цукер хмыкнул, и приторно улыбнулся.

— Я ставлю вам в этом семестре «отлично» автоматом.

Группа ахнула.

— Уж слишком я люблю полуночников, — продолжил он. — Но вас, госпожа Ри, и вас, Лекса, я прошу прийти после занятий. Сегодня в семь вечера я буду в Синей библиотеке. Садитесь, — так же спокойно разрешил профессор. — Продолжаем лекцию. Итак, записываем. Вторым принципом отражения атаки нулевого уровня являются несимметричные узоры, подразделяющиеся на следующие категории. Список. Первое……

Я уткнулась в свою тетрадь и до самого окончания занятия не поднимала головы. Мечты ни до чего хорошего не доводят. Это же надо было так облажаться!

Звонок прозвенел сиреной спасательного корабля. Будто с меня сняли кандалы и пинком выкинули прочь из тесной клетки.

В конце концов, какая разница, что там подумают одногруппники? Кто они? Грязь под ногтями?

— Ну ты и учудила, Ри, — прошипела Лекса бархатным голосом. — Ты нас обеих подставила.

— Да что ты такое говоришь?! — огрызнулась я, понимая, что подруга права.

Может, извиниться перед ней? К чёрту! Она сама во всём виновата. Нечего было корчить из себя недотрогу всю последнюю неделю. Да и ладно бы, всё было как обычно, так нет! Весь арсенал собрала! И мои любимые духи с корнем валерианы, и нежно-розовую помаду, которая ей так идёт… Даже юбка, короче, чем обычно!

— Ты представляешь, что он с нами будет делать?! — не унималась Лекса. — На прошлой неделе он заставил Найса и Толлина мыть два этажа, цитируя поэмы двенадцатого века!

— Я в курсе. С тем же успехом он мог их заставить друг с другом трахаться. Всё равно отвратительно полы помыли, криворукие.

Лекса прыснула в кулачок, но тут же посерьёзнела, уставившись на кого-то за моей спиной.

— Ты бы выбирала выражения, кошатина…

А вот и Толлин явился — не запылился. Выскочка номер один нашей группы.

— Ты хочешь сказать, что вы хорошо помыли полы? Да ты вообще видел, что ты делаешь, белоручка?

Толлина перекосило. Двумя рывками он намотал мои локоны на кулак, больно дёрнув к себе. Я закусила губу, из глаз едва не брызнули слёзы. Но привычка взяла своё: сотворив кристалл, взорвала его прямо перед лицом нашего лощёного отличника. Тот завопил и отпрянул, стряхивая мои волосы, будто они всерьёз могли причинить ему вред. Часть одногруппников, которые не успели выйти из аудитории, из-за чего и остались наблюдать, грянула дружным хохотом.

Я выпрямилась, еле сдерживая себя, чтобы не вцепиться засранцу в лицо когтями.

— Я тебя запомнила, сучёныш.

Глава 2. Три килограмма удовольствия

— Ри, ну мы идём? — Лекса переминалась с ноги на ногу, не решаясь войти в мою комнату. Ещё бы! Наверное, хорошо помнит, чем всё закончилось в последний раз. Не решается.

— Смотрю, ты по Цукеру соскучилась? — сделала я намёк на выяснения отношений. — Сразу бы предупредила, что ты по старым хрычам прёшься. Не заставляла бы свою лучшую подругу страдать…

Лекса покраснела, промолчала, а я приблизилась к ней. Она вперила в меня испуганный взгляд ярко-зелёных глаз. Глупая, думает, сделаю что-то плохое. Я, конечно, одна из лучших бойцов «Серых коготков», да и репутация у меня не самая хорошая, но подруга — это святое. Лексе я никогда не причиню вреда. Никогда.

Плескавшийся в её глазах страх сначала обескуражил меня, но оступаться не собиралась. Обоняния коснулся запах духов, и я мгновенно потеряла голову. Привлекла её к себе, почти вцепившись в розовые сочные губки.

Лекса была в лёгком недоумении от происходящего и даже дёрнулась, но потом решилась ответить: пустила в ход свой проворный язычок и вихрем ввалилась в комнату, с силой прижав меня к стене. Её коготки впились мне в попку. Я почувствовала, как снизу вверх поднимается клокочущая лава возбуждения…

Она слегка отстранилась и ещё раз легонько прошлась язычком. Затем приложила палец к моим губам и обдала не менее горячим, чем она сама, шёпотом:

— Ничего не говори. Это наш с тобой секрет. Ты знаешь, как отнесутся к этому соклановцы.

Я молча кивнула. Любовь между двумя девочками приемлема лишь в том случае, если они из разных кланов: минус один у нас и минус один у вас. Никому не обидно. Но когда из строя выбывают сразу две продолжательницы рода, нас убивают… В школе этот вопрос решается так: на постоянной основе и я, и Лекса будем выходить на арену. И если у меня есть хоть какие-то шансы выжить, то у подруги с её зачаточными способностями вероятность дожития до пятого курса стремится к нулю.

Но что мешало поговорить чуть раньше и не мучить меня неопределённостью??! По всей видимости, весь спектр эмоций был написан на моём лице. Скрывать было нечего, и я раздраженно фыркнула:

— Ты сама знаешь о привилегиях нашего клана. Комнаты закрыты от наблюдения.

Клан «Серые коготки» имел одну особенность, выделявшую кошкодевочек из общей массы других зверолюдей: мы очень темпераментны. Молодых девчонок и мальчишек невообразимо легко вовлечь в драку. Хищное естество и гормональные передряги способствуют этому как нельзя лучше. Но хуже всего другое: энергия, которая нас переполняет. Она же является основным фактором расширения сосуда магической энергии.

В зависимости от фаз Лун мы хотим любви. Дружеской ли, сексуальной… Почти без разницы. Я так вообще являюсь эмоциональным вампиром и питаюсь практически всем, что имеет определённый порог интенсивности. Драка, сожаление, боль — лишь бы эмоция была достаточно сильной для усвоения. Именно поэтому школа для меня — неиссякаемый источник комфорта и астральной еды, которую, в свою очередь, я трачу на подавление своей вспыльчивости. Иногда это получается, но зачастую — нет.

Так как я была готова к походу в Синюю библиотеку, мы с Лексой не опоздали. Цукер вальяжно развалился в кресле, поигрывая тростью. Атрибут придавал старому хрычу некоторого лоска, а высокомерный взгляд аристократа дополнял общее впечатление. Но меня не проведёшь. Цукер — нудный, дотошный и неинтересный тип. Да и сукин сын ко всему букету в подарок. Редкая сволочь со скучными занятиями.

— М-м-м, а вот и мои любимые ученицы. Ри, Лекса. — Он посмотрел на часы. — Вы пришли ровно в срок. Это похвально, очень похвально.

Я ответила за обеих:

— Благодарим, профессор Цукер. Чем мы можем быть вам полезны?

— Сейчас посмотрим, девочки, — хищно улыбнулся Цукер, и я почувствовала, как его магия касается моего тела.

Лекса тоже напряглась, сцепив зубы. Она, по всей видимости, пыталась поставить блок.

— Тише, тише, девочки… — медовым голосом успокоил нас Цукер. — Я никому не расскажу о вашей маленькой тайне. Но взамен попрошу развлечь старика на старости лет. Успокойтесь, ничего плохого я вам не сделаю.

Голос профессора завораживал. Если бы я не питала неприязни к Цукеру, то впустила бы его в своё сознание более плавно. Но мне пришлось заставить себя поверить. Я прикрыла глаза, и он провалился в мои мыслеобразы.

И я, и Лекса оказались в пещере: стены отполированы до

зеркального блеска, в центре стоит большая кровать с горой подушек.

— Не верю, — шепчет мне на ухо подруга. Она больно вцепилась в мою руку. — Неужели мы в Параллели?

Параллель — предпоследний уровень астрала. Здесь самые приятные ощущения умножаются в пять раз, а негативные, наоборот, снижаются. Кошкам в Параллели делать нечего — ментальной магией такого уровня владеют единицы, — а приводить с собой людей может всего лишь какая-то сотня человек на всём материке. И Цукер в их числе.

— Ну как, девочки, нравится? — Я и Лекса подпрыгнули от неожиданности, но, как и предполагалось, это был всего лишь Цукер в кардинально ином обличье: высокий, спортивного телосложения юноша стоял в одних плавках. Самые интересные рельефы его тела скрывал огромный поднос с фруктами и другими соблазнительными сладостями.

— Поиграем? — Он подмигнул мне, отчего я почувствовала себя неловко. Неловко за то, что предпочитаю девочек. Но… если это Параллель — я готова попробовать изменить своё мнение…

Глава 3. Похоть и Параллель

Лекса, в отличие от меня, смутилась. В воздухе витало стойкое ощущение нереальности происходящего. И дело даже не в том, что Цукер здесь был молод и внешностью своей составлял предмет влажных фантазий многих моих однокурсниц. Единственное, чего не изменила в Цукере Параллель, — взгляд. Такой же колючий, внимательный и пренебрежительный.

И тут меня отпустило. Да он же нас обвёл вокруг пальца!

— Не подходите, — резко выпалила я, отодвигая за свою спину Лексу.

— Рийзе, — наставническим тоном произнёс Цукер, и иллюзия мгновенно рассеялась. — Я всего лишь прошу вас меня развлечь. Неужели это настолько большая плата за нарушенный ход лекции?

Он пошёл на диалог, а значит, дал слабину. Как я и предполагала, его действия были не совсем законными. Осталось применить навыки дипломатии, которых у меня никогда не было.

— Профессор Цукер, — начала я, нутром понимая, что в который раз за свою жизнь иду ва-банк. Лекса тянула меня куда-то в сторону, но ей, слишком хрупкой и не имеющей за спиной ни одной драки, это не удастся. Либо мы отстаиваем свою независимость, либо попадаем в секс-рабство к Цукеру ровно до тех пор, пока ему не наскучим. — … насколько я знаю, в правилах школы сексуальная связь между преподавателем и учеником недопустима. И я, и Лекса, — подруга вздрогнула, но перечить не решилась, — давали присягу. Подозреваю, что нечто похожее обещали и вы, устраиваясь на столь высокооплачиваемую работу.

Я выжидала. Цукер вперил в меня ненавидящий, приправленный страхом взгляд.

Попался.

— Однако же, — продолжила я и улыбнулась настолько обворожительно, насколько смогла. Затем подошла к нему вплотную и взяла из рук поднос со сладостями, о котором Цукер забыл, обескураженный моим наглым выпадом. — Мы сможем провести время с пользой, если вы в этой уютной обстановке расскажете нам некоторые тонкости защиты от ментальных атак… Наша с Лексой благодарность не будет иметь предела.

Одной рукой я подхватила тяжёлый поднос, моментально нащупав равновесие, другой слегка обняла опешившего Цукера и не забыла пройтись пушистым хвостом по его ногам, спине, шее и закончив резким взмахом у самой мочки уха, после чего прошептала:

— Думаю, слухи уже ходят. Не лишним будет письмо двух хорошеньких школьниц «Серого коготка» с горячими благодарностями за профессионализм, поддержку и понимание нужд учащихся. Лекса-то в вашей дисциплине не в зуб ногой, а здесь такая шикарная возможность.

Напоследок коснулась языком его шеи и, судя по тому, что он не отпрянул, Цукер мне доверился. Ну а я, в свою очередь, никогда не нарушаю договорённости, у «Коготков» с этим очень и очень строго.

Изогнувшись, поставила поднос ближе к краю, сама же растянулась так, чтобы рука могла дотянуться до очередной вкусняшки. Лекса разместилась где-то в полуметре от меня, приняв точно такую же позу. Ну а Цукеру мы предложили почётное место между нами, и тот, смущаясь, согласился.

Я не могла поверить, что этот хрыч ещё несколько минут назад стоял у нас за спинами в твёрдой уверенности склонить меня и Лексу к сексу. Ну уж прости, милейший, тройничка сегодня не будет.

Мы втроём прекрасно поместились на огромной кровати. Цукер, обнимая каждую из нас за талию, действительно рассказал очень много полезных вещей, кайфуя от того, что его, наконец-то, хоть кто-то внимательно и с интересом слушает. Антуража придавали и наши с Лексой пушистые хвосты, наглаживающие профессора всё это время. А сладости и вовсе были восхитительными.

Потом я прямо в ходе оживлённой беседы незаметно для себя заснула. Очнулись мы с Лексой в той же Синей библиотеке. Судя по всему, Цукер всё ещё пребывал в Параллели: глаза были закрыты, а по лицу блуждала счастливая, несвойственная ему улыбка. Через несколько секунд он очнулся, растерянно глядя на нас.

— Ну что же, госпожа Рийзе, не зря я расщедрился на автомат по моей дисциплине. Браво. И вам, — он обратился к подруге, — Госпожа Лекса, огромная благодарность. Так хорошо время я давно не проводил, жаль, мана закончилась.

Я прощупала свой сосуд. Мало того, что он увеличил ёмкость на пятую часть, так ещё и полон под завязку, хотя, когда мы пришли с Лексой к Цукеру, он был опустошён практически наполовину.

— Могу поделиться, скрывая внезапно окутавшее меня смущение за произошедшее, — сказала я.

— Спасибо, Ри, — уже без официоза в виде «госпожи» ответил Цукер. — Мне просто нужно хорошенько выспаться. И помните, что вы мне пообещали.

Я улыбнулась.

— Мы можем идти?

— Да, думаю, наша воспитательная беседа закончилась.

Цукер подмигнул мне, явно стараясь указать на то, что он доволен. Ну что же, мы с Лексой тоже остались не в обиде.

— Слушай, — наконец, начала разговор Лекса после долго молчания, задумчиво накручивая на палец золотистую прядь волос и мило дёргая ушками. — Как думаешь, то, что он рассказал нам о методах кривого обхода пространства, — правда?

Святая простота! Ей бы следовало озаботиться, не нажили ли мы себе врага в лице Цукера, но нет, она о высших материях решила рассуждать! И в этом была вся прелесть Лексы. Порой думаю, почему, такие как я всегда по самую макушку окунаются в грязь, а других все невзгоды обходят стороной?

Я обняла её, привлекая к себе. Вдохнула сладкий аромат и закрыла глаза. Подруга ответила, ещё крепче обнимая меня в ответ.

— Не знаю, — выдохнула я, чуть отстранившись и утопая в ее глазах цвета малахита. — Думаю, нам стоит проверить это на практике в самое ближайшее время.

— Ри… — Лексу колотило мелкой дрожью. — Что бы я без тебя делала.

Наши губы встретились в лёгком поцелуе, который постепенно перерос в страстные ласки, и я с нетерпением начала расстегивать её полупрозрачную блузку, обнажая великолепные, упругие и небольшие груди.

Вслед за блузкой настал черёд настолько влажных трусиков, что я поняла: времени, чтобы их снять, у меня нет. Рука скользнула под бархатистую ткань, нащупав нежную, светло-розовую киску. И через пару секунд из груди Лексы вырвался приглушённый, протяжный стон.

Глава 4. Грёзы

Проснулась я на два часа раньше обычного. Пытаясь доспать, перевернулась на другой бок, но грёзы не спешили снова посетить мою спальню.

Покоя не давали мысли о вчерашнем дне. Как поступит Цукер? Затаил ли он обиду?

Со стороны казалось, что всё складывается как нельзя лучше, но я нутром чувствовала неладное. Душ и война с непослушными локонами заняли несколько минут.

Чем бы заняться? К семинарам я подготовилась… А если попробовать метод искажённого пространства, о котором рассказывал Цукер?

По его словам, даже ментальных способностей иметь не надо — все манипуляции проводятся через сосуд с маной… Ух. Почувствовала, как начинают зудеть кончики пальцев.

И всё-таки я не удержалась. Самый нижний уровень астрала даже проводника не требует. Быстро достала из тумбочки тонкий пергамент для особых случаев, вывела короткую формулу и… пожелала оказаться дома.

Фокус не прошёл. То ли стены школы обрезали все пути, то ли стояла сильная защита, и мне было не по зубам совладать с заклятиями Высшего Совета. Обидно.

С другой стороны, конечно, выходить нам запрещено лишь за пределы территории школы. Интересно, а к парням в общежитие можно будет пробраться? Учуют ли преподаватели этот трюк с астральным переходом? Было страшно, но если оценивать ощущения с точки зрения чувств, аж ушки зачесались попробовать.

Я представила, как выверну жбан воды на Толлина и исчезну, губы тронула хищная улыбка. В конце концов, этот выскочка начал первым. Не стоило пытаться затевать со мной драку, ох не стоило.

Побежала в ванну за тазиком, набрала ледяной воды и, довольная, подошла к пергаменту. Короткая формула слетела с губ, мысли были заняты Толлином. Алые искры мелькнули перед глазами, осталось сделать пару шагов…

Получилось!

Оказалась в комнате, где лежали три тела, укрытые тонкими одеялами. Как и обещал Цукер, я даже равновесие не потеряла.

Осталось вычислить, кто из них Толлин. Ага, рыжие вихры не спутаешь ни с чем. Ну лови сюрприз, сучёныш!

Руки сами собой приподняли таз и дёрнулись, выворачивая

содержимое на кровать и её владельца. Тот подскочил, ошарашенно глядя по сторонам и изрыгая грязные ругательства. Кажется, он меня увидел. Но это не столь важно. Пару секунд, и вот я уже стою в своей комнате, дико довольная собой.

Может, на этот раз мне самой зайти за Лексой? Так и сделаю, тем более она пока ещё спит. Мысли о подруге и прошлом вечере снова засели в моей голове. Это было великолепно. Да и сама я чувствовала, как изголодалась по ней, причём вчерашнее приключение было всего-то лёгким аперитивом, а на закуску у нас будут утренние шалости… Если она не откажется.

Я поправила локоны, которые сегодня, против обыкновения, решили вести себя более чем прилично, ещё раз посмотрелась в зеркало и улыбнулась своему отражению. Пора.

Коридор девичьего общежития встретил безмолвием и сочащимся из больших окон солнечным светом. Лексу определили в другое крыло. Лучи светила обдавали теплом кончики ушек, и я готова была петь, танцевать, но так и не отважилась нарушить звонкую, пронзительную тишину коридора. Хорошо ещё, что тело позволяет передвигаться бесшумно. Будь я свинодевочкой, наверное, уже бы давно всех перебудила топотом и непроизвольным похрюкиванием от удовольствия.

— Мороз и солнце, день чудесный! — сходу ворвалась я в комнату Лексы, чтобы, наконец, вывалить на не обуревающее меня счастье.

— Ри, что-то сдохло в теплицах профессора Гримуа? Что случилось?! — начав сонным тоном, плавно перешла в наступление она.

Ну вот и познавай, моя сладкая, каково это, когда кто-то будит тебя раньше срока! Р-р-р-р-р!

— У меня две новости: хорошая и великолепная!

— Лучше скажи, который час? — зевая, ответила подруга. — У меня стойкое ощущение, что я недобрала со сном.

— Занятия ещё нескоро. Давай дуй в душ. Сейчас такое тебе расскажу! — атаковала Лексу я, попутно заворачивая её в одеяло и выталкивая в уборную. — Иди!

Она хохотнула, но сопротивляться не стала.

Я уселась на кровать и стала ждать. До дрожи в коленях хотелось ворваться к ней, под тёплые струи воды. Представила, как крадусь, потихоньку открываю дверцу. Лекса стоит спиной, вся в ароматной пене, и растирает себя мягкой, шелковистой мочалкой. Она не слышит, как к ней кто-то зашёл. Но понимает, что я рядом, когда мои руки аккуратно отбрасывают густую копну её светлых волос, а губы прикасаются к тонкой, изящной шее. Перенимаю мочалку и сама начинаю скользить бархатной пеной

по аристократически сложенному девичьему телу, особое внимание уделяя тем зонам, которые нравятся именно мне. Губы продолжают ласкать Лексу, опускаясь ниже шеи, горячим дыханием согревая и без того распаренную кожу. Светло-розовые соски мгновенно твердеют от моих прикосновений. Начинаю ласкать их языком, поочерёдно уделяя внимание то одному, то другому. Мои руки опускаются ниже, легко касаясь каждого сантиметра восхитительного тела Лексы. Она закусывает губы, чтобы не закричать, ведь перегородка с соседней ванной комнатой очень и очень тонкая. Я пользуюсь моментом: пальцы, полностью игнорируя сопротивление Лексы, скользят вниз. Начиная с лёгких поглаживаний, постепенно ускоряюсь. Подруга сдерживается из последних сил. Я тоже. Из груди рвётся стон. Одной рукой делаю приятно ей, другой — себе. Наши губы сливаются в долгом, страстном поцелуе в парах ароматных масел и под тёплыми, упругими струями воды.

— Ри, ты чего? — одёрнула Лекса, с недоумением глядя на меня.

— Ничего… Просто замечталась. — Мне почему-то стало стыдно перед ней, и я опустила взгляд в пол, чтобы не созерцать ладную, точёную фигуру, укрытую махровым полотенцем.

— Надеюсь, ты мечтала обо мне. — Ткань с тихим звуком упала на ковёр, а Лекса оказалась сидящей на моих коленях. Горячая, бесстыжая и весёлая.

— Раз у нас с тобой ещё в запасе около получаса, — водя пальцами по моих губам, сказала она, — времени поразвлечься в избытке.

Жаркий, страстный поцелуй Лексы меня обезоружил. Я обняла подругу руками за талию, и мы завалились в ещё не заправленную кровать.

Глава 5. Жар выяснения отношений

Как наши дикие сородичи, мы с Лексой прошли по коридору учебного корпуса, жутко довольные собой. Наверное, я была на порядок счастливее, потому что небольшое происшествие с Толином касалось только меня. А что может быть слаще мести?

Это, конечно, ещё не всё. У меня были полные рукава козырей. Если больше никто не сможет занять место бедолаги Толлина, он скоро сойдёт с ума. Могу поклясться шерстью на своих ушках!

Опа-а-а-а! А вот и парламентарии.

Три девчонки из клана «Рагнара» двигались навстречу, блистая не самыми радужными намерениями. Вилла — их лидер, шла с настолько серьёзным лицом, будто собиралась на смерть. У меня же выражение решимости на столь милом личике вызвало лишь смех, который я поспешила спрятать глубоко внутри. Ну что же, пора прикинуться дурочкой.

— Привет, Рийзе, — сказала она, нарочно называя меня по имени.

Подпевалы отошли чуть за её спину, да и шестёрки «великой и могущественной» Виллы меня интересовали мало. Я не боялась. Хоть мой сосуд с магией и пуст, потому что растратила его на утренние эксперименты с порталом, рук и ног мне вполне хватит, чтобы расцарапать её прекрасное личико.

— Здравствуй, Вилла, — хищно улыбаясь, ответила я. — Не помню, чтобы у нас с тобой были общие дела. Что-то случилось в твоём королевстве?

Она — девушка Толлина. Странно, но имея с ней договорённость о вооружённом нейтралитете, я постоянно так или иначе касалась её жизни. Два шутника, судьба и случай, постоянно сталкивали нас лбами. Причём всегда не в пользу Виллы.

На её месте я бы давно пересмотрела своё отношение к происходящему. Если ты от кого-то отгребаешь с завидной регулярностью, то лучше не попадаться ему на глаза. У Виллы же случилось ровно наоборот: как только мы находим хотя бы одну точку общих интересов, она с завидным упорством идёт озвучивать претензии, за что и получает. Засунула бы уже свой язык в какую-нибудь уютную норку да молчала. Нет же, лезет.

— Да вот, поговаривают, одна драная кошка утром пробралась в мужское общежитие. — Я еле сдержалась, чтобы не улыбнуться в ответ на её слова. — Да сделала это настолько топорно, что оставила не только клочья шерсти, но и свою вонь.

— Понятия не имею, о чём ты говоришь, Вилла, — пожала я плечами. — И совсем странно, что из трёх кланов кошачьих, ты выбрала «Серый коготок», а потом — именно меня. Может, ты неравнодушна?

Я сделала шаг вперёд, оказавшись вплотную к её несуразной фигуре со слишком широкими бедрами, и с придыханием прошипела на ухо Вилле:

— Ты точно уверена, что это была я? Докажешь? — и разразилась едким, глумливым хохотом, отступив назад.

Вилле ничего не оставалось, как наброситься на меня. К её несчастью, я была к этому готова. Куриные мозги королевны захудалого клана «Рагнара» никак не могли понять, что её откровенно провоцировали.

Я уклонилась от слабосильного кулачка, нежно взяла руками Виллу за уши и приложила о свою острую крепкую коленку. Она даже не закричала. Ещё бы! Позорище. Я толкнула её в сторону, и она мгновенно потеряла равновесие, ударившись спиной о стену, потихоньку сползая и прикрывая руками лицо. Кровь из разбитого носа хлестала изрядно.

— Ты! — не выдержала одна из подпевал Виллы.

— А?! — ответила я, будто удивилась, но на самом деле всё происходило вполне ожидаемо.

Не стала ждать, пока шестёрка решится. Пара ударов кулаками в челюсть вывели её из строя. Я дополнила впечатление локтями и вишенкой на торте отпихнула ногой к падшей королевне. Пусть сидят кучкой. Зато дружно!

Третья хотела было отстоять подруг, но мой дикий взгляд, по всей видимости, отбил у неё всё желание.

— Кыш отсюда, — шикнула я и повернулась к Лексе.

Той и след простыл. Чего она испугалась?

— Ри! — подбежала она, неожиданно вылетев из-за угла. — Пойдём! Там Ван опять бурогозит!

Цирк, да и только. Фе. Вот что меня ни капли не прельщало, так это драки парней. Как-то у них всё топорно, без капли изящества и коварства. И каждый шаг предсказуем. Тем не мене Лекса была без ума от Вана, хоть и боялась признаться в этом не только мне, но и самой себе.

Дело надо закончить. Повернулась к двум павшим воительницам.

— Вилла, — присела на корточки, чтобы видеть её глаза, — я никогда не желала тебе зла. Но ты откровенно напрашиваешься. Поэтому нечего обижаться. Тебе позвать Лию или кого-нибудь ещё из медперсонала?

Она замотала головой, пытаясь успокоить хлещущую из носа

кровь.

— Лекса, будь добра, помоги ей, пожалуйста, — я состроила такой жалостливый взгляд, что подруга не могла отказаться. С её тонких пальчиков посыпалась сияющая голубая пыльца, которая, сконцентрировавшись в облачко, осела на носу Виллы.

Убедившись, что у королевны клана Рагнара не наступит смерть от кровотечения, я пренебрежительно бросила в её сторону:

— А ведь мы, Вилла, могли бы быть с тобой подругами, — и, посмотрев на Лексу, пребывающую в печали, добавила: — Если бы ты не тронула её. Смотри, как забавно. Ты издевалась над теми, кто слабее, а сейчас ты самое худое и бледное звено цепи. Парадокс. Ну, пока, мне пора на занятия.

— Так ты пойдёшь смотреть? — одернула меня Лекса.

— Не-а, — ответила я, провожая глазами инструктора по фехтованию. — Боюсь, нам лучше не светиться.

— Да, кажется, они сейчас крепко получат, — выдавая волнение в голосе, сказала Лекса.

— У меня есть идея получше. Идём.

Мы спрятались в небольшой подсобке, где обслуга прятала уборочный инвентарь. Я украдкой поцеловала Лексу, старясь вырвать хотя бы ещё один кусочек удовольствия перед занятиями. Её сладкие губы сводили меня с ума.

Понимая, что у нас не так много времени, постаралась хорошенько раздразнить подругу, доводя до состояния желания. Мои пальчики уже отодвигали шелковистую ткань её влажного белья, когда прозвенел звонок.

Лекса с явным неудовольствием вздохнула, и мы побежали в аудиторию.

После занятий нас ждал очень неприятный сюрприз. Вывесили список на следующий сезон гладиаторских боёв для нашей группы. Фамилия Лексы стояла аккурат напротив моей. Это не могло быть ошибкой или случайностью. Первый звонок к взаимному уничтожению.

И какая сука нас выдала?!

Глава 6. Сочные оттенки предательства

Мы стояли с Лексой, ошарашенно глядя друг на друга. Я видела, как её трясло. В малахитовых глазах подруги был неподдельный страх, и что самое неприятное, сказать мне ей было нечего. Списки не обсуждаются, и меняются иногда в редких случаях. К кому обращаться? Где можно выяснить причину?

В прошлом году меня распределение участвующих на арене не интересовало. Я очень хорошо знаю, на что способна, и даже далеко не все старшекурсники рискнут выйти на честный бой. Почему честный? Да потому что подлостью можно и Высший Совет к предкам отправить, что уж там простую кошкодевочку.

Но из ситуации надо было выкручиваться, и чем раньше, тем лучше. У них всего два с небольшим месяца на подготовку, экзамены близко. Мало выучить объём материала по дисциплинам, главное — выжить. Будь ты сто раз отличница, если ты не смогла защитить свою жизнь на арене, — грош тебе цена.

Ни я, ни Лекса не выбирали школу для взрослых для дальнейшего обучения сами, хоть у подруги и была иллюзорная возможность пойти по другому пути. Лексе достались не очень заботливые родители. Более того, отец у неё человек. Этим и объяснялась её способность развивать ментальную магию, но и некоторые особые фишки кошкодевочек у Лексы были выражены совсем слабо.

Я не раз удивлялась, откуда неё такой тихий и спокойный нрав, а оказалось всё до печального просто. От отца ей передалась покорность, от матери — низкая самооценка, помноженная на многочисленные скандалы в семье. Странно даже, что внешне меланхолик и отличница Лекса выбрала столь тернистый путь избавления от родительской опеки.

Что касается меня, то здесь всё просто. Нас, трёх сестер, нищие родители продали, чтобы пошиковать на старости лет. В один прекрасный день в нашу нищую деревеньку на краю густого леса явились перекупщики, и родители, не раздумывая, выдавили за наши жизни всё, что им полагалось. Сестрёнок, как неприспособленных к жизни, распределили на невольничий рынок, а мне, старшей из всех, зубы поломать не смогли. Порой я думаю, что зря их от всего оберегала. Когда закончу обучение, то обязательно вытрясу из сластолюбца Олафа, кому он их продал. Эта мразь обязательно вспомнит пароли и явки. Я уж постараюсь.

— Ри, что мы делать будем? — еле слышно, с дрожью в голосе спросила Лекса.

Я не знала, что ей ответить. А что, блин, делать?! Заявиться в Совет? Убежать? Выйти в окно с колокольни?

Для начала было бы неплохо разнюхать, кто непосредственно составлял турнирную таблицу для нашего курса. Это даст некоторые зацепки, а потом… потом потянуть за ниточки трёх рукопожатий, уж до мелких сошек я вполне дотянусь.

— Я не знаю, Лекса. Не знаю, — старательно изображая смирение, ответила я. — Думаю, как-нибудь я этот вопрос решу.

Подруга, до этого грустно смотревшая под ноги, подняла на меня полный надежды взгляд.

— Думаешь, получится?

Ответить ей отказом не представлялось возможным, хотя шансы на успех моего предприятия стремились к нулю. Где я, а где Совет, ответственный за распределение гладиаторских пар? Нищенка и королевская знать, но попытаться всё-таки стоило. Максимум, что мне грозит — это удвоенная норма поединков. Может, поставят старшекурсников. Или исключат из школы, но это не так страшно.

Свою роль в моей жизни заведение сыграло: официально меня признали совершеннолетней и ответственной за свои поступки. Ну а мало ли дел найдётся для боевого мага в опасном, полуцивилизованном мире? На кусок хлеба и крышу над головой определённо себе смогу заработать.

Отвлёкшись от далеко ушедших планов, я кивнула. Лекса, будто выдохнув и мгновенно успокоившись, вымученно улыбнулась.

— Всё будет хорошо. — Еле сдержалась, чтобы не взять её за руку, но публичные проявления чувств в стенах школы далеко не приветствовались — требовалось сохранять приличия.

Когда на небо опустилась ночь, я, вызубрив очередной блок формул и правил, легла спать, но в дверь тихонько постучали.

Лекса? Она обычно ложится на час раньше… Чтобы не гадать и не тыкать пальцем в небо, я, подгоняемая любопытством, тут же выкрикнула:

— Входите! Открыто!

Потребовалось буквально мгновение, чтобы приказать замку впустить гостью. Ей оказалась Вилла.

Неплохо девчонку подлечили, но не полностью. Часть лица всё ещё имела припухлость. Под глазами едва видны изрядно пожелтевшие и сравнявшиеся с тоном кожи синяки.

— Я по делу, — отводя печальный взгляд в сторону, сказала Вилла. Потом, чуть помявшись, спросила: — Ты очень сильно

расстроена, что вас с Лексой три раза подряд в спарринг поставили?

Ну вот, уже и слушок понёсся. С другой стороны, не зря же Вилла перешагнула через свою гордость и пришла ко мне лично.

— Очень, — не стала я врать, но больше расстройства меня беспокоило бешенство.

Что эта тупая сучка знает? Или она пришла позлорадствовать?

— Ри, Лекса тебе врёт. И делает это постоянно.

После этих слов я округлила глаза — уж настолько фантастически прозвучало заявление Виллы.

Подруженька, тихий одуванчик, обманывает меня? Исключено.

— Я знаю, что ты мне не веришь, — испуганно наблюдая, как я меняюсь в лице, сказала Вилла. — Но попробуй сейчас связаться с Лексой.

— Она спит, — безапелляционно заявила я, но крохотный таракан сомнения всё же забрался в мою голову.

— Нет, — ответила гостья. — Она сейчас в зале боевой подготовки. Хочешь проверить?

Нужно ли оно мне? Наверное, да.

— И часто ли она там бывает? — спросила я, подозревая подвох.

— С тех пор, как гуляет с Толлином, — с горечью в голосе произнесла Вилла.

Ей было неуютно. Я сидела на кровати, а она стояла передо мной, будто провинившаяся ученица, повесив голову и что-то мямля.

Пронёсшийся перед глазами план дальнейших действий не заставил меня долго раздумывать. Поднялась с кровати, подошла к Вилле, коснулась кончиками пальцев её подбородка и заставила посмотреть в глаза.

Она трепетала как испугавшийся волка зайчонок, и это вовсе не страх. Неожиданно. Интересно, каковы на вкус её губы?

Страстный поцелуй Виллы подсказал, что я на верном пути. Как же сладко!

Она перестала стесняться, прильнув ко мне и обвивая руками шею, а я… Я стягивала с неё лишние тряпки, скрывающие упругое, изящное тело…

Глава 7. Тварь

Как и ожидала, Вилла была либо неравнодушной, либо хитрожопой. В какой-то момент я остановилась. Не время предаваться любовным утехам после таких новостей. И ещё одно моё любимое правило: сначала проверять, а потом уже делать выводы.

— Одевайся, пойдём, — сухо сказала я в ответ на молчаливый вопрос, почему всё прекратилось.

Я знала, что это очень некстати. Вилла была близка к пику, а тут такой облом. Ибо нефиг. Нечего получать удовольствие за пустословие и сплетни. Ну а если информация подтвердится — уж благодарности моей предела не будет. Отлюблю Виллу так, что ей с кровати будет сложно встать. В хорошем смысле.

От мыслей о том, что я могу с ней сотворить, низ живота сладко заныл, но мне удалось сдержаться. Успею.

— Ну?! — прикрикнула я, понимая, что Вилла и не торопится одеваться.

— Се… Сейчас. — Она ловко натянула на себя бюстгальтер, подобрала трусики, мгновенно впорхнула в юбку и рубашку и встала передо мной, закалывая назад шикарную иссиня-голубую шевелюру.

— Я готова, — с достоинством произнесла Вилла. — Пойдём. Глаза расскажут тебе лучше, чем тысячи горячих язычков, — и подмигнула мне. Хм-м-м, что-то это напоминает.

Что забавно, это не было Красной магией или выходкой с ментальщиной. Я бы поняла это по ощущениям после, да и лёгкое воздействие на чувства распознаю слишком хорошо.

Мы крадучись покинули мою комнату, хотя опасаться особо некого. Вилла на цыпочках, а я — как обычно, шли тихо, минуя комнату за комнатой в длинном коридоре общежития. Тихо. Слишком тихо для учебного дня. Наверное, списки вывесили не только на нашем курсе, и теперь студентки отходят от шока, а часть и вовсе забылась сладким сном — уж слишком сильная нагрузка на мозги в школе. Я бы даже сказала демоническая, но слово «демон» вслух употреблять нельзя. Ни в границах учебного заведения, ни за его пределами. Вряд ли этот мир устоит перед ещё одним нашествием.

Мы спускались в подвал, когда меня чёрт дёрнул изменить маршрут. Я решила пробежаться по второму этажу, там, где размещены старшекурсницы. Понятия не имею, зачем я это сделала. Наверное, из интереса: там так же тихо?

Как оказалось, да. Более ухоженный, с мягкими коврами и

растениями в кадках сектор старшекурсниц выглядел ещё призрачнее. Окна, выходящие на улицу, в свете ламп зияли тёмной пустотой, а пара дверей вдоль коридора и вовсе приоткрыта.

Я редко оставляю вход в свою комнату без присмотра. Помимо прочего, в прошлом году, когда нас только поселили, одна моя подруга, которая уже выпустилась, наложила на замок хитроумное заклятие. Тот, кто вошёл без спроса, никогда бы уже без моей помощи не смог бы выйти. А если я буду отсутствовать неделю, незваного гостя и вовсе вывернет кишками наружу. Моих сил хватало, чтобы составлять список из тех, кому разрешено находиться у меня в любое время, но и чёрный лист я не обошла стороной. К остальным вполне нейтральное отношение. Ну, посидишь, подождёшь, пока явится сиятельная Рийзе и спросит, какого хера здесь делаешь? Разве это страшно?

Из-за одной двери раздавался тихий спор. Вилла не обратила внимания, но я замедлила шаг и повернула ушки в ту сторону. Уж очень горячие высказывания лились именно оттуда.

— Он уже должен быть мёртвым! Я точно знаю, что делаю!

— Хватит. Он жив и снова лезет туда, куда не просят.

— Я сделала всё, что смогла! Можете больше — в путь!

— Решила, что всё сойдёт с рук?!

— Тихо… Кажется, кто-то идёт.

Дверь моментально захлопнулась, а мне до жути стало интересно, какие махинации проворачивают старшекурсницы. Комната двести девять. Надо запомнить. И пронюхать, кто там живёт.

— Всё нормально? — спросила Вилла, наверное, удивившись резкому повороту моих ушек в исходное положение.

— Т-щ-щ-щ-щ-щ, — приложила я палец к её губам, на что наглая девчонка высунула язык и медленно его облизала.

Я поджала губы. Неожиданный поворот. Лекса этим никогда не грешила. Эх, Лекса, что же ты так…

Когда мы дошли до подвала, где располагался тренировочный зал, Вилла остановилась, чуть замявшись. Я вопросительно на неё посмотрела. Мол, что ты хочешь этим сказать? Она покраснела и горячо зашептала:

— Понимаешь… Я не хочу, чтобы Толин меня видел. Я всё знаю очень давно. Позволь мне в его глазах остаться наивной дурочкой. Я уже не смогу отыграть удивление, а реагировать как-то надо.

Я задумалась… Что же, это право Виллы. Кивнула, открывая дверь в зал…

Девчонка не соврала. Толлин, по всей видимости, выпив

зелье перевёртышей, скакал, изображая меня, а Лекса… Лекса пыталась убить.

Эти двое были настолько увлечены, что не видели вокруг себя ничего.

— Ну… здравствуй, сладкая, — громко произнесла я, чтобы меня, наконец, заметили.

И тут я почувствовала, каким лютым страхом наполняется мой сосуд маны. Редкая вкуснота. Я даже была готова замурлыкать от удовольствия, если бы не ситуация. Пришлось держать лицо. Максимум, что я смогла позволить себе, — это хищно улыбнуться.

— Р-р-ри… — вырвалось из груди оторопевшей Лексы.

Толин же держался почти стоически: его боязнь выдавал лишь поток неиссякаемой энергии, перекочёвывающий в мой магический сосуд.

— Это не то, что я подумала, да? — издеваясь над уже бывшей подругой, спросила я.

— Я всё объясню, — Лекса бросилась ко мне, но я отступила в сторону, стараясь не касаться этой мерзкой двуличной твари.

— Знаешь, сладкая, думаю, это всё излишне. — Я обнажила клыки. — Ты, Толлин, арена… Столько совпадений в одном-единственном случае? Сомневаюсь.

— Ри, позволь я…

— Не позволю. — Сложно было удержаться от плевка ей в лицо, но у меня получилось. — Ты не просто обманщица, Лекса. Ты предатель своего клана.

Глава 8. Благодарность

Лекса в ответ на обвинение в предательстве поморщилась, будто её кто-то заставил выпить кадку уксуса. Страх сменился мрачным весельем, которое обычно сопровождает сильных личностей перед лицом неизбежного. А Лекса была не так проста, как я думала почти два учебных года. Чертовка просто прикидывалась беззащитной дурочкой. Но зачем?

Не став ломать голову лишними вопросами, я обратилась к Толлину:

— Ну а ты, доблестный рыцарь, чего молчишь? Я могу ещё понять, что Лекса — кусок подлости. Но ты вроде мужчина… Хотя, о чём это я, — не к месту вспомнив, как он накинулся на меня в аудитории, скривилась я. — Тебя же за километр видно. Трус.

— А ты, Ри, пришла такая вся, с короной на голове, — подала голос Лекса. — И давай сразу всех макушками в грязь макать. Я у тебя предательница, Толлин — подлец. Одна ты с нимбом и крыльями.

— Я хотя бы была с тобой честна. Как и со всеми остальными, — с достоинством произнесла я. — А теперь лови ещё кусок правды: Я ТЕБЯ УНИЧТОЖУ. И тебя тоже, — вперив взгляд в Толлина, добавила я.

Получив лакомую порцию, спровоцированную очередной волной страха, мне стало даже спокойнее. Всё нормально, просто две очередные порции дерьма. В одной из них некоторое время назад я даже ошиблась.

— Бывайте, неудачники. — Пусть теперь два оставшихся месяца трясутся по ночам.

Я развернулась и грациозно вышла из тренировочного зала. Хоть в этой схватке мне и удалось выйти с победным счётом, до окончания войны ещё около двух месяцев. Но если смотреть с другой стороны, противостояние обещает быть интересным до жути. Лекса далеко не дура, а интриги сродни игре в шахматы — здесь имеют место быть очень и очень интересные многоходовки.

— Ну как? — спросила Вилла, когда я уже значительно отдалилась от входа в зал.

— Как ни прискорбно это говорить, но ты оказалась права.

— Ты не расстроена? — взмахнув пушистыми ресницами, спросила она.

— А надо? — глупее вопроса я даже себе представить не могла.

Ещё с момента окончания занятий неудачный расклад

нарастал снежным комом. Вплоть до того, что Лекса, к которой я была очень привязана, и далеко не из-за моих сексуальных предпочтений, втихаря плела за моей спиной интриги. Я уже и вовсе не удивлюсь, что она смогла прямо или косвенно повлиять на распределение бойцов для участия в ежегодных экзаменационных поединках. Тварь.

Наверняка, она просто разболтала кому-то из девчонок о нашей связи. Ну а там дело осталось за малым: сплетня добежала до кураторов, а кураторы, в свою очередь, оповестили наш клан и Высший Совет.

Лекса сама нашла приключения на свою симпатичную попку. Интересно, а как Толлин удовлетворяет эту ненасытную кошечку?

— Вилла, мне тут интересно стало, — задумчиво произнесла я, когда мы поднимались по лестнице к себе на этаж. — Есть ли из-за чего привязываться к Толлину?

— Разве что ради плюшек по учебной части, — равнодушно ответила Вилла. — Ты знаешь, сколько времени он просиживает по библиотекам? И всё рыщет, рыщет лазейки, слабые места заклинаний. Думаю, из него получится очень мудрый наставник… Или тренер. Осмелюсь предположить, что если он тренирует Лексу, ждать тебе беды.

Я фыркнула. Вот ещё. Но интересно было другое. Вилла до сих пор официально с ним встречалась, а это значит — она вполне может быть засланным казачком.

— Даже не думай, — уже на пороге моей комнаты сказала она. Синеволосой воительнице предстояло идти чуть дальше, в другое крыло.

— О чём? — рассеяно поинтересовалась я.

— Пойдём в твою комнату, нас никто не услышит.

Открыла дверь. Попутно, зависнув над замком пару секунд, внесла Лексу в чёрный список, увеличив скорость действия заклинания. Три часа — и она будет трупом. А это… Это так расслабляет. Да и Вилле особо делать без меня здесь нечего. Пять часов срока. Вход для всех свободный.

Ставить на замки уничтожающие заклятия не воспрещалось. В конце концов, есть личная территория, на которой мы имеем право делать всё, что хотим. Островок независимости в жестокой системе. И ведь случись что — мои руки будут чисты. Допущения отработки боевых заклинаний вкупе с неприкосновенностью. От сладких мыслей о том, как может попасться Лекса, мои губы тронула улыбка.

— Что задумала? — не ускользнул этот момент от взгляда Виллы.

— Ничего. Так что, ты займёшься шпионажем на благо

«Серых коготков»?

— Нет, — придав себе независимый вид, сказала Вилла. — Я требую взятку!

— Хм-м-м. — Я приблизилась к ней и с силой толкнула на кровать. Она упала, раскинув руки и закусив губу. — Такая взятка тебя устроит?

— Вполне. — Она облизнулась, а я, предвкушая пряное развлечение здесь и сейчас, уселась на неё сверху.

— Хочу сыграть с тобой в одну игру. — Руки сами потянулись к коробке с мягкими добротными наручниками. — Ты даёшь своё согласие?

— Да!

— Стоп-слово: КОРИЦА. Усвоила? — Она закивала, послушно дозволяя мне застегивать на её руках бархатистые путы. — Могу переборщить, поэтому… останавливай.

Прежде чем зафиксировать её стройные ножки, я сняла всё лишнее: юбочку и трусики, оставив Виллу в блузке, чулках и подобии бюстгальтера, из которого аппетитно торчали розовые соски.

— Ну что, сладкая, ты готова? — аккуратно поглаживая пальцами её киску, спросила я.

— Да-а-а, — протяжно ответила Вилла, пытаясь дотянуться до моих рук.

Ну что же, игра началась.

Глава 9. Медовая ночь

Я созерцала, как Виллу пронизывает дрожь. Ей хотелось ещё, а мои пальцы, удовлетворяющие похотливую киску, были даже не аперитивом. Лёгкой разминкой. И я раз за разом прекращала, когда чувствовала, что Вилла доходит до пика. Не так быстро, моя сладкая, не так быстро.

Я смотрела на неё, такую горячую, часто дышащую, раскрасневшуюся и… Кажется, она меня стеснялась. Это поправимо. Поздновато я сообразила, как смести с девчонки оковы стыда. Чёрная повязка легла на её глаза. Голубые, бездонные, слегка прикрытые от захлёстывающего сладострастия. Так-то лучше.

Что там в арсенале? Для начала короткий стек с перьями, как вводное, чтобы взволновать, обострить её чувственность. Себя тоже не оставлю без внимания. Я почти такая же мокрая, как Вилла, и трусики на моём теле определенно лишние.

— Тебе нравится? — спросила я у притихшей, затаившей дыхание Виллы.

— Да… Немного щекотно. — Лёгкие пёрышки скользили по её телу, исследуя каждый уголок, сантиметр за сантиметром.

— А так? — хищно улыбнулась я, в ту же секунду приложив к её набухшей розовой горошинке вибратор.

Она закусила губу и изогнулась всем телом, а я продолжила гладить пёрышками, после чего неожиданно для неё ударила по бедру. Вилла на мгновение напряглась, но тут же расслабилась.

— Ри… — продолжая рефлексировать под вибрации, произнесла она.

Ещё удар, ещё…

Вилла выгибалась от боли, шумно выдыхая воздух.

В какой-то момент я поняла, что она вот-вот достигнет пика. Продолжать? Думаю, да….

Финал у Виллы был бурным. Я даже с лёгким неудовольствием отметила, что теперь придётся менять простыни.

— Ах ты дрянная девчонка. — Заигрывая пёрышками, я не дала ей расслабиться. — Ты знаешь, что тебя ждёт за осквернение нашего ложа?

Я зажгла массажную свечу. Держа её в одной руке, в другой зажала кубик льда и продолжила с ней играться. Горячий воск и холод, холод и горячий воск. Идеальное сочетание. Вилла, отойдя от острых ощущений, мило постанывала, но самое вкусное у меня ещё впереди.

Огромный леденец. Настолько большой, что его бы хватило на нас двоих, но сегодня его получит только Вилла. Я потерплю.

Поднесла леденец к её припухшим, розовым губкам.

— Облизывай тщательно, — приказала я, и Вилла высунула свой длинный, юркий язычок.

Мне тоже не терпелось получить свою порцию удовольствия. Глядя, с каким энтузиазмом она впилась в сладость, я начала изнывать от нетерпения.

— А теперь у меня есть для тебя кое-что повкуснее. — Не сдержавшись, я забрала у сладкоежки леденец и села на лицо.

Вилла, явно не ожидая, сначала остановилась в своих ласках, но потом, опомнившись, продолжила так же рьяно играть язычком с моей киской. Волшебно.

Не теряя времени, я аккуратно провела пальчиками вдоль её бархатной кошечки и аккуратно вставила леденец.

— От твоих стараний зависит удовольствие, которое ты получишь, — сдавленно, громким шёпотом сказала я, еле сдерживаясь, чтобы не сорваться на стоны.

Вилла ускорилась. Меняя направления, она творила чудеса. Я тоже не оставалась в долгу. Сладкая палочка, теперь уже пахнущая Виллой, скользила в её дырочке, набирая темп и силу.

Девчонка стала прерываться, постанывая от удовольствия, и я сбавила обороты, решив добавить остроты.

Вцепившись в её клитор, я продолжила трахать Виллу, как самую последнюю шлюху, временами срываясь на укусы и чувствуя дикое возбуждение от сладких подёргиваний упругого, гибкого тела.

— Ри! — вскрикнула она, вдруг с неожиданной силой впившись в мою киску, отчего я ощутила лютый кайф.

— Продолжай!

Слова были излишни. Я всем телом чувствовала, как она хочет кончить. Резко выдернув из её дырочки леденец, я с удвоенной силой вцепилась клитор. И тут же осознала, как целое море удовольствия растекается по шёлковой простыни.

Вилла ослабила хватку, а я, воспользовавшись лёгкой передышкой, ещё раз смазала леденец. На этот раз погуще, потому что ему предстоял путь в более тугую и чувствительную дырочку.

Но это уже занятие только для меня… Я слезла с Виллы, присев так, чтобы было видно её лицо, обильно блестевшее от моих соков. Да, детка, я тебя этим вечером вряд ли куда отпущу.

Округлый кончик леденца коснулся её попки, и Вилла резко дёрнулась.

— Не надо! КОРИЦА!

— Т-с-с-с, — успокоила я её. — Тебе не будет ни капельки неприятно. Ты занималась этим?

Вилла поджала свои розовые губки, будто бы не желала рассказывать. Тем временем я взяла порядком подтаявший кусочек льда и аккуратно провела им по закрытой маленькой дырочке. На её распухший от моих ласк клитор положила небольшую, но дико приятную вибрирующую игрушку в форме бабочки. Ей должно понравиться.

— Ну… У нас было с Толином пару раз, это… Очень больно, — сдавленно прошептала Вилла, подхватываемая волнами удовольствия, но всё ещё мне не доверяющая.

— Твой бойфренд, видимо, не только выскочка с маленьким членом, но ещё и садист.

Леденец коснулся её попки, аккуратно входя внутрь. Я начала медленно его двигать, слегка подкручивая, миллиметр за миллиметром отвоёвывая пространство для зоны удовольствий.

Вилла постанывала, сладко вздыхая, безгранично вверяя мне руководство над её телом.

Когда конфетка проникла на достаточную глубину, я добавила ещё смазки, добившись, чтобы она скользила не хуже, чем в киске. Пальцы свободной руки вставила в соседнюю дырочку, старясь двигаться в едином ритме. Сначала нежно и деликатно, и постепенно ускоряясь, через несколько минут уже перешла к хардкорному варианту.

Вилла, перестав стесняться, уже кричала, и я в который раз поблагодарила уже окончившую школу подругу за заклятие тишины.

Девчонка, неосознанно стараясь вырваться из пут, вовсю трепетала от удовольствия, щедро сдабривая комнату криками. О да, я же обещала, что тебе понравится. Меня саму трясло от дикого возбуждения, но я знала толк в ожидании — финальный оргазм по-любому будет за мной.

— А-а! — коротко вскрикнула Вилла, и я, убрав пальцы из её горячей дырочки, получила то, что ожидала. Простыня вымокла в третий раз, причём так, что уже, кажется, и сквозь матрас просочилось.

— У-убери … вибратор, — с придыханием сказала Вилла, и я сделала то, что посчитала нужным сама. Аккуратно достала леденец, а потом уже отключила волшебную бабочку.

Вилла лежала на постели полностью обессиленная. Я сняла с неё наручники, поочерёдно сначала отстегнув ноги, а потом руки. Мимоходом обратила внимание на слабозаметные синяки, появившиеся на её ногах от стека.

— А ты? — наконец, увидев пятно на простыни, спросила

Вилла.

— Сейчас отработаешь, — хищно улыбнулась я и протянула ей страпон. — Надевай.

Глава 10. Ненасытная

Вилла натянула на себя симпатичные кожаные трусики, а я слегка помогла ей с застёжками. Игриво поглаживая член, она прикидывала, в какую позу меня поставить. Я не стала на этот раз указывать. В сексе всё-таки участие должны принимать двое. Тем более мне уж очень хотелось ощутить мир её фантазий.

Вопросительно посмотрев на наручники, она робко спросила:

— Можно?

Я в ответ лишь улыбнулась. Едва почувствовала, как стянуты за спиной руки, тут же ощутила лёгкий толчок. Вилла властно прижала меня к стене, пройдясь аккуратными ноготками по попке. Положив одну руку мне на поясницу и придерживая у стены, пальцами второй она дала без лишних слов понять, что стоит всё-таки расставить ножки чуть шире, а потом начала нежно ласкать клитор, иногда опускаясь чуть ниже, в дырочку, неглубоко и нежно засовывая туда то один пальчик, то два.

Игра мне нравилась, но я предвкушала более активное развитие событий. Пока оставалось только кусать губы и ждать. Закончив с ласками, Вилла перешла к основной части программы. Она не стала использовать лёд или свечи. В тот вечер я узнала, кто из нас настоящая сладкоежка.

Она без труда нашла карамельный соус, который я прятала для особых случаев, и, недолго думая, пустила его в дело, поливая меня сладкой, пахнущей ванилью тягучей массой, и слизывая её, покусывая самые чувствительные зоны моего тела.

С огорчением поняв, что карамель закончилась, Вилла наконец-то перешла к более активным наступательным движениям. Снова жёстко поставив к стене, она аккуратно засунула в меня член. Неторопливо, но настойчиво, она протаскивала через весь спектр страстных ощущений, нарочно затягивая финал.

Медленно, быстро, снова медленно, она уверенно подводила меня к пику, но в последний момент отступала, дразня, чтобы ещё раз, уже после того, как я остыну, продолжить сладкую, изощрённую пытку.

— Я бы хотела, чтобы ты закончила вместе со мной, — прошептала на ухо Вилла, освобождая мои руки от бархатистых оков. — Как насчёт того, чтобы стереть этот леденец до самого основания?

Вилла протянула руку к игрушке, которой я совсем недавно имела её во все тугие дырочки прекрасного тела.

Мне затея понравилась. Мы отвернулись друг от друга,

упираясь локтями и коленками в пол. Нас разделял только огромный, длинный и сладкий леденец, который приятно вибрировал, едва мы соприкасались попками.

Я немного обманула Виллу, доставляя себе более яркое удовольствие, массируя изнывающий от возбуждения клитор.

— Ах ты чертовка, — постанывая, с придыханием возмутилась она. — Ах ты… О-о-о-о-о… — Пример моих действий явно пришёлся ей по вкусу.

Наконец я почувствовала это. Райская волна, погружающая в другое измерение, прошла от низа живота, разливаясь по всему телу, от кончиков пальцев до края ушек. Перехватило дыхание, блаженная дрожь пробила меня насквозь. Я растянулась на кровати, удовлетворённо прикрыв глаза, а Вилла, совсем рядышком, продолжала обрабатывать себя громадным леденцом. Какая ненасытная девчонка, надо же…

Перевернувшись на спину, я стала за ней с интересом наблюдать и в какой-то момент поняла, что непроизвольно поглаживаю себя по киске в такт резким движениям Виллы.

— Думаю, леденец для тебя сейчас немного маловат, — сказала я и, не отвлекаясь, машинально достала из коробки под кроватью прорезиненную рельефную насадку. — Смотри, сладкая, что у меня есть.

Вилла сопротивлялась, не желая отдавать мне леденец, но я всё-таки оказалась сильнее и выдернула конфету из рук. Потом заставила лечь на животик, а сама уселась сверху, поигрывая с её дырочкой так, как хотелось мне.

Насадка сделала леденец на три сантиметра толще. Вилла стонала так, что мне захотелось выпороть эту девчонку, но сейчас нельзя. Я посадила на её пухлую горошинку так полюбившуюся Вилле бабочку, и, начав медленно ворочать леденец, постепенно подводила её к хардкорному варианту. Да, сладкая, я хочу, чтобы от этого оргазма тебя просто размазало по ковру. На этот раз не буду останавливаться. И ещё одно маленькое дополнение: выпороть тебя всё-таки придётся — больно сладко ты стонешь, нельзя так.

Я взяла девятихвостку и вставила Вилле в аппетитную попку заглушку. Пробка ей обеспечит непередаваемые ощущения, я почти уверена.

За каждый слишком громкий стон хлестала её, ещё быстрее увеличивая темп рифлёного леденца, стараясь не закончить эту райскую пытку слишком рано.

— Ри! Ри! — кричала Вилла. — Стой, Ри!

Её пальцы цеплялись за ковёр, судорожно пытаясь найти точку опоры в молчаливом ворсе.

— Ри!

Шлепок.

— Ри!!

В два раза громче? Два удара.

— Ри-и-и-и-и-и-и-и-и-и!!!

О да, этот момент настал. Я убрала из её киски леденец, а моей бабочке-вибратору приказала работать на полную мощь.

Пик Виллы длился секунд десять: она выгибалась, жмурила глаза, царапала многострадальный ковёр и кончала, вымазывая вдобавок к кровати ещё и пол, после чего обессилено застыла, блаженно улыбаясь.

Пару минут мы молчали. Я подхватила все наши игрушки и пошла в ванную. Магия магией, а гигиена не лишняя.

Вернувшись, я обнаружила Виллу задумчиво сидящей на кровати и пристально изучающей мокрую простыню.

— Да, тоже придётся менять, — хихикнув, сказала я.

— Я не об этом сейчас думала, — мило улыбнувшись, ответила Вилла. — Знаешь… У меня такого не было ни с одним парнем.

— И не будет. — Эту закономерность всем девчонкам я уже устала повторять. — Они вас не чувствуют. А удовлетворить способен один из пятидесяти. Если не из сотни.

— Именно поэтому ты предпочитаешь девочек? — переспросила Вилла.

— Нет, я просто не хочу подчиняться людям, которые глупее меня.

— Могу я тебя отблагодарить за такое неземное удовольствие? — Вилла приблизилась ко мне, явно что-то замышляя.

— А спать? — довольно процедила я, уже чувствуя её влажные пухлые губы на своей шее.

— Одна ночь не считается…

Глава 11. Утренняя неразбериха

Виллу, еле стоящую на ногах, я проводила в её комнату. Всё произошедшее, мне, конечно, дико понравилось, но не до такой степени, чтобы я оставляла девчонку в своей постели. Уже как-то доигралась с Лексой, и повторять глупостей не собираюсь.

Интересно, а бывшая подружка шпионила за мной? Если да, то вряд ли это могло увенчаться успехом — всё запрещенное к хранению лежало далеко не в моей комнате. Но об этом чуть позже.

Уже после того, как я пришла от подружки, с гнетущей усталостью сняла простыни и бросила в бак для грязного белья. С матрасом надо было что-то делать. Не спать же на полу.

Изнеможение было настолько фееричным, что я даже не верила, что смогу сосредоточиться на простейшем бытовом заклинании. И всё же пришлось рискнуть. Для начала часть энергии осторожно слила для усиления концентрации. В голове прояснилось, стало свежо и более-менее упорядоченно.

Наложила сначала «Чистку», а потом и «Сушку» на ковёр и матрас. Спохватившись, что можно и простыни заодно привести в порядок, побежала в ванную. Эх, разошлась я что-то, видимо, переборщила с концентрацией.

Через полчаса комната сияла, будто после генеральной уборки. Собственно, это и была тотальная зачистка, только при помощи магии.

Обессиленная, я упала на кровать и, не успев толком завернуться в мягкое одеяло, мгновенно уснула.

Утро выдалось почти идеальным. За время недолгого сна сосуд с энергией успел наполовину восстановиться. Что больше всего меня раздражало в коротком времени сна — это песок в глазах. Веки набухали и не хотели открываться.

К счастью, жизнь с любимыми отцом и матушкой, которые при первой же возможности продали меня с сёстрами в рабство, имела и свои плюсы. Я всегда с интересом относилась к заклинаниям, которые могли значительно облегчить бытовые тяготы. Да и учитель нашёлся по соседству очень и очень неплохой. Наверное, он и остался для меня идеалом мужчины, которым управляла в первую очередь голова, а не похоть.

Он научил многому. Видя в диком пришибленном котёнке потенциал, он смог заставить меня сначала поверить в себя, а потом и в людей, которые меня окружают; быть заботливее по отношению к сёстрам и не принимать близко к сердцу ругань родителей.

Я уже на втором курсе, а до сих пор не могу поверить, что вырвалась из нашей нищей деревни. Еще бы сестёр разыскать….

По телу пробежала легкая дрожь, и я блаженно откинулась на мягкие подушки. Вот и в себя пришла. Жаль, что мысли сразу начали вертеться вокруг самой больной мозоли.

Интересно, что там Вилла думает? Будет так же по углам прятаться, как Лекса, и делать невинный вид?

— Ри, привет! — А вот и она как раз заявилась осчастливить моё утро.

Вилла стояла, держа в руках два огромных стакана с кофе. До моего носика донёсся аромат молока и пряных трав. Он настолько восхитителен, что я от удовольствия поджала ушки и зажмурилась.

— Ты не рада меня видеть? — в голосе Виллы чувствовалось неподдельное беспокойство.

— Нет. Если не ошибаюсь, ты принесла мой любимый кофе с голубой мятой?

— Банально, да? — смутилась она. — На теории секса нам говорили, что кошколюди обожают этот напиток в своём большинстве.

— Тебе повезло. — Спрыгнула с постели и подарила ей долгий, нежный поцелуй, попутно отбирая свой стакан. — Я принадлежу к большинству.

— Пойдём в душ, — неожиданно предложила Вилла. — Я так боялась, что ты проведёшь все утренние процедуры в одиночестве…

Нет, кто из нас сошёл с ума? На пару секунд я зависла, прикидывая, стоит ли приглашать её с собой. С одной стороны, отказываться от удовольствия не хотелось, с другой — уж слишком быстро Вилла приблизилась ко мне. Секс не повод для знакомства?

Но если объективно оценить все её признания…

— Вэл… Можно я тебя буду так называть? — Она кивнула — и бесенята, пляшущие в её глазах. — Скажи, а у тебя был когда-нибудь оргазм с мужчиной?

Глупый вопрос, но всё же. Кошкам в этом плане очень и очень повезло: они страстные и чувствительные натуры. У заюшек, например, если не уделить должного внимания ушкам, считай, как герой-любовник ты обречён на провал. С людьми же всё сложнее. У них очень многое зависит от доверия, от психологического комфорта, причём это касается только женщин. А Вэл — человек.

— Нет, — спокойно ответила она. — Мне даже немного стыдно, что на уроках секса ребята из-за меня получают только

«удовлетворительно».

— Они что, имели хамство предъявить тебе это? — горячо возмутилась я, едва не выплюнув кофе, которым поперхнулась от её слов.

— Да. — Вэл уселась на кровать и, грустно глядя на свои туфельки, отпила чай. — Даже отличники со мной проваливались, что их очень и очень расстраивало. Я на них не злюсь.

И действительно, обижаться на идиотов — себе дороже. Тем более на недоделанных мачо второго курса.

— Не грусти. Пойдём, что ли, в душ.

— Подожди. — Вилла аккуратно, с нежностью взяла меня за руку. — Я знаю, что наши отношения с самого начала складывались не очень хорошо. Может, для тебя это не будет открытием, но Лексу я ненавидела с первого дня знакомства. Не перебивай, сейчас я объясню почему. — Она подняла на меня взгляд, горящий двумя голубыми топазами. — Она постоянно врёт и выворачивается. Всем и везде. Я как-то спросила, зачем она так делает, когда увидела, что её действия повлекли за собой крупную ссору двух кланов. Лекса ответила: «Мне так комфортнее». Хуже всего, что она не замечает, что пытаясь подстроиться под ту или иную компанию, предаёт не только собственные интересы. Поэтому я её била. Понимаю, что это звучит очень глупо и не все кошки такие, но она — урод.

— Сама ты урод, — послышался презрительный голосок Лексы, стоящей в дверях моей комнаты. — Не слушай её, Ри. Она и не такого наплетёт, лишь бы понравиться тебе.

Хм. Кажется, у нас намечается очная ставка… Ну что ж, посмотрим, кто кого.

Глава 12. Волнующие воспоминания

Я уселась удобно на кровати, взяв в руки стакан с кофе и потихоньку его потягивая.

Взаимные обвинения нарастали.

— Ты только прикидываешься слабой! — кричала Лекса, ничем не обосновывая обвинения.

Вэл же, напротив, сыпала железобетонными доказательствами.

— В начале учебного года ты сорвала концерт хрюшкам, пустив слухи, что они будут использовать в работе ароматы фермы. Ты рассказала это сначала трём сплетницам из нашей группы, а потом дошло и до Высшего совета. И они запретили им выступать.

— Неправда! — визгливо возразила ей Лекса. — Я такого не говорила.

— Говорила, — вмешалась я, видя, что у бывшей подружки явный недостаток алиби, точнее, его полное отсутствие. — Ты и мне сказала то же самое, только ссылаясь на сплетниц Нушу и Беату. Это бесполезно отрицать, с моей памятью как раз всё хорошо. И вообще, меня очень утомил ваш спор. До занятий около получаса, а я даже в душ не ходила. В этом виноваты вы обе.

Вэл и Лекса притихли и растерянно на меня посмотрели. Нет, это конечно, очень увлекательно, когда воюют за твою благосклонность, но слишком длинный спектакль утомлял. Особо унылой была роль Лексы, которая мало того, что сочиняла всё на ходу, так ещё и сама спалилась на многих пакостях. Я наконец поняла, насколько была слепа в отношении к ней. Мне даже в голову никогда не приходило, что тихая и милая с виду Лекса может быть подпольной мегерой. С неё станется.

В мысли ко мне закралась отличная идея, как их помирить, держать на поводке видимой дружбы Лексу, не особо церемонясь с Вэл.

— Вы обе, — обратилась я к ним, — сейчас же уходите из моей комнаты. Я хочу тишины. Жду обеих после занятий. И не забудьте привести себя в порядок.

— Зачем? — обе подруги, бывшая и настоящая, хором задали интересующий их вопрос.

— За шкафом. Поняли меня? — Злостно переглядываясь, они кивнули. — Ну вот и отлично. Кыш отсюда!

Обеих будто смело ураганом. Шустрые девчонки испарились из комнаты, словно и не было их. Только звук захлопнувшейся

двери всё ещё стоял в ушах.

Я поплелась в душ. Поговаривают, что кошки воду не любят, но это не обо мне. Тёплые струи воды ласкали тело, путаясь в длинных волнистых волосах, струились, делая процесс ещё приятнее.

В памяти вертелись воспоминания прошлой ночи: Вилла, её горячий язычок и шаловливые пальчики, невинный, испуганный и будто бы удивлённый взгляд.

Массируя себя мочалкой, я с большим удовольствием представляла вместо мягкой губки нежные ручки Виллы. Плечи, ключицы, груди, животик… Когда нежное полотно коснулось особо чувствительных мест, я подумала, что к чёрту ждать вечера, если удовольствие можно получить прямо сейчас. Руки сами скользнули, куда требуется, а упругая струя, выбивающаяся из шланга, лишь ненамного уступала в ловкости язычку Вэл.

Только закрыть глаза и представить, как толстый клубничный леденец поначалу входит в узкую дырочку подружки. Затем выходит, раздразнивая, мимолётно касаясь распухшей от возбуждения горошинки, проходится по розовым лепесткам и опять медленно входит в аккуратную дырочку… Вэл вздрагивает от каждого прикосновения и удовлетворённо начинает постанывать, когда сладкая палочка начинает свой медленный, но напористый ход. Она начинает кричать, когда я уже без особых церемоний кладу на неё бабочку, а леденец, щекоча ноздри устойчивым клубничным запахом, доставляет ей неимоверное наслаждение своим движением. Тоненькие пальчики сжались в кулачки, оставляя на ладошках похожие на маленькую луну отметины. По четыре на каждой… Финальный вскрик.

О, да-а-а-а. Я зашипела от удовольствия и, не упуская такой редкий, короткий момент сладострастия, облокотилась на мокрую стенку душа.

Отдышалась, и уже через полминуты завернулась в полотенце. Вышла в комнату и ещё раз наложила на себя допинг концентрации. Оргазмы расслабляют, а мне это сейчас не очень нужно. Пара слов — и мокрые непослушные пряди распрямились, легли волосок к волоску. Осталось лишь ещё добить «Сушкой»… Ну вот, опять. Переборщила с дозировкой энергии — на голове образовалась плотная, жёсткая грива.

Деваться некуда. Время поджимало. Я стянула непослушные локоны тугой резинкой, подхватила сумку и выбежала в коридор. У лестничной площадки меня ждала Вэл.

— Кого-то высматриваем? — с улыбкой спросила я, хотя и без лишних вопросов знала ответ.

Она жила в другом крыле общежития, и было бы глупо

пропускать три лестницы подряд, чтобы спуститься во двор.

— Тебя. Я хотела переговорить насчёт Толлина. Вчера мы были очень заняты, а сегодня нам помешала Лекса.

— У тебя есть дельные соображения? — приподняла я бровь, высказывая некоторое удивление, спровоцированное её последней репликой.

— Да. Думаю, будет лучше, если я стану за ним присматривать. У него редкий случай мании величия, и это могло бы сыграть тебе на руку на гладиаторских боях. И… Не буду врать, меня он тоже тренирует. Хотелось бы пережить очередную весну.

Я задумалась. С одной стороны, это здорово, что есть такие, как Вэл. Двойной агент в стане противника мне бы ой как не помешал. Но и не стоит упускать вероятности того, что эти трое ведут игру против меня.

Срочно нужно будет изучить пару зелий, которые просто необходимы, если вокруг начинают плестись интриги. В прошлом году меня практически никто не трогал, за исключением редких потасовок, организатором которых была я сама.

Подозреваю, Лексе, Толлину и Вилле позарез нужен предмет, к которому я имею непосредственное отношение, но этим грязным засранцам ни за что не получить столь мощное преимущество. Рийзе далеко не наивная дурочка из деревни — это-то вы даже близко не просчитали.

Вслух же я сказала:

— Давай, Вэл. Будет здорово, если ты изобразишь горячую безусловную любовь к Толлину.

— Я думала, ты будешь против, — едва выдавила из себя Вилла, кажется, потеряв дар к связной речи.

— Нет. Просто не хотела на тебя давить. Такой ход, по моему мнению, будет самым приемлемым. Ведь выживать в школе надо всем.

Нет, я так не думала. Я искренне считала, что у каждой расы есть свои слабости и сильные места. Если ты не можешь пробить броню — надо искать зазор. Именно у расы, у противника, подмечая не только физические особенности, но и характер. Поэтому-то я и закончила первый курс. Сидя в библиотеке и изучая манускрипты о нашествиях, выписывая в блокнот общие черты, проявляющиеся даже в тактике и стратегии войн… Это было сложно, но вкупе с наблюдением и раскрытием собственного потенциала, я расправилась с каждым из трёх своих противников ещё в первом круге. Шансов у них не было, хотя общая статистика школы говорила совсем о другом.

Ну что, моя дорогая троица заговорщиков, вызов принят.

Глава 13. Тени прошлого

Мне не составит труда противостоять этим двум хитрющим девчонкам. Более того, они обе будут плясать под мою дудку до тех пор, пока у них есть надежда, будто я смогу дать слабину и вскрыть артефакт. Но этого не будет — уж слишком высокой ценой он мне дался. Даже если я его достану — древнюю магию обнаружат лишь единицы.

Единственное, чего я очень боюсь, это то, что на странные происшествия обратит внимание Инквизиция. Тогда мне станет не до игрушек и интриг. Вряд ли я достойно буду им противостоять. Скорее всего, придётся спасаться бегством.

Мой первый учитель из тех редких людей, которые ещё хранили секреты ушедших. Половина нашей деревни считала его сумасшедшим, вторая половина — никчёмным. Для меня же мастер Аарон был всем. Каждое из умений, которыми я обладала, когда-то упорным трудом и выматывающей практикой раскрыл во мне именно он.

Я шла по коридору, а перед глазами проносились сцены далекого, ещё относительно счастливого прошлого.

Вечер. На небе загораются первые звезды, ещё немного — и на синем шёлке их будут мириады, разных: белых и жёлтых, мерцающих и дарящих ровный, тихий свет.

Лето заканчивается. Я снимаю с огня чайник и завариваю мастеру Аарону напиток из двенадцати трав. Чтобы он наконец-то согрелся, чтобы ночью не мешали спать больные суставы, чтобы ровно билось сердце. Его вместилище Силы давно прохудилось и стало похожим на дырявый кувшин, который, как ни крути, никогда уже не наполнить под горлышко.

Аарон сидит в кресле-качалке, которое ужасно скрипит при каждом движении. Звук режет мой тонкий слух, но мастер под страхом отречения запретил касаться магией своего деревенского трона.

Он стар, очень стар. Однажды я спросила, сколько же лет он ходит по этой земле? Он лишь засмеялся, издавая странные, каркающие звуки, и ответил, что давно уже не помнит. Наверное, ему лет пятьсот. Или шестьсот. Это не настолько важно, куда большей значимостью для меня обладало обучение у Аарона. Тогда я не понимала, насколько уникальный шанс мне выпал в этой жизни. Только попав в школу, стало ясно: знатоков древнего диалекта Империи не так много, ещё меньше — тех, кто практикует основанную на нём магию. Ещё одним открытием для меня стала Инквизиция.

Мои руки бережно накинули плед на сидящего Аарона. Кажется, он задремал. Я аккуратно надела на его ступни тёплые носки из шерсти и так же осторожно завернула в край пледа ноги. Выпрямилась и бросила взгляд на чашку с травяным взваром, который дымился, распространяя пряный аромат по небольшой, бедной, но чистой лачуге Аарона.

— Ри, дитя моё, подай, — коснулся моих ушек сиплый голос мастера.

Я посмотрела на Аарона, чтобы убедиться, не спит ли он. Старик бодрствовал, намёка на дрёму, в которую он был погружён какие-то секунды назад, не было даже близко. Протянув ему чашку и удостоверившись, что сейчас у мастера нет приступа дрожи, уселась на коленки и склонила голову, ожидая, когда он закончит.

— Ри, ты мне очень давно служишь. — От усталости, скопившейся за день, Аарон говорил медленно, взвешивая каждое слово. — Я, конечно, научил тебя многим бытовым вещам, но теперь вижу, что ты готова к более серьёзным знаниям.

Я склонила голову ещё ниже, не желая прерывать монолог мастера пристальным взглядом или лишним словом. Мой жест старик расценил как почтение и продолжил:

— На полке стоит книга в зелёном переплёте. Третья слева, если не ошибаюсь. Принеси.

Я поднялась и сделала несколько шагов, отыскала ветхий фолиант, деликатно, чтобы ненароком не повредить, сняла его с полки и принесла, вручив в руки мастеру.

Он вздохнул и уложил книгу на колени.

— Подойди ещё ближе, так, чтобы я мог коснуться твоей головы.

Старческая ладонь опустилась на мою макушку. Лёгкая, тёмная от загара, испещрённая морщинами, с выдающимися венами и сухожилиями.

— Ты согласна познать большее, чем просто фокусы? — Молчаливый кивок. Мастер Аарон не ценил многословие. — Я наложу на тебя оберег молчания. Если ты доживёшь до ста пятидесяти лет, твоей мудрости хватит, чтобы выбрать себе ученика и передать ему знания. Поклянись, что нить не оборвётся.

— Клянусь.

Вторая рука Аарона схватила меня за горло, обдав лютым морозом, первая по-прежнему лежала на макушке.

Старческие губы тронула гримаса произносимого заклинания на незнакомом мне языке. Шею будто сковали кандалы, дикий холод не позволял сделать вдох, голову словно пригревало

солнце, тепло нарастало, превращаясь в иссушающий жар. Через несколько секунд всё закончилось, и я с наслаждением сделала глоток воздуха.

— Вот и всё. Теперь встань по правую руку, дитя моё.

Мы учили алфавит старейшего диалекта до поздней ночи, пока в дом Аарона не влетел разозлившийся и как всегда пьяный отец.

— Опять ты здесь! — заорал он, опасаясь бросать прямые обвинения в лицо мастеру. — Быстро домой!

Я поклонилась Аарону и поплелась вслед за папой, по пути выслушивая его алкогольный бред. Дома, скорее всего, меня будут ждать ещё и упрёки матери, вечно недовольной нашей жизнью. Но хотя бы сестёр не трогают, и это уже хорошо.

После нескольких тумаков от отца за то, что допоздна засиживаюсь у Аарона и дежурных вздохов матери «Ах, что же за чудовище мы вырастили!», я прошла в спальню.

Ушки сестрёнок, торчащие из-под одеял, мерно подрагивали в такт их дыханию. Я разделась и забралась в постель. Укрывшись с головой, щелчком пальцев зажгла миниатюрный светильник, достала небольшую тетрадь с записями и принялась читать. Спать не хотелось, а рукопись, ждавшая своего часа в укромном уголке комнаты, так и манила неизведанным.

Громкий школьный звонок бестактно выбил меня из пелены воспоминаний. Когда в голове рассеялся последний клочок иллюзии на прошлое, я поняла, что уже давно сидела в аудитории и с умным видом листала учебник по зельеварению, якобы повторяя материал. Смешки за спиной меня трогали мало. Гораздо хуже было бы то, если бы я держала книгу вверх ногами. Вот это был бы позор.

Первым в аудиторию вошёл заведующий по учебной работе. Наша группа, все тридцать с хвостиком учеников, мгновенно подорвалась в приветствии. Презрительный взгляд завуча, оглядывающий нас, по всей видимости, удовлетворился, и в аудиторию вошёл другой человек.

— Так, профессор Лемберт плохо себя чувствует, и очень нескоро вернётся к своим обязанностям. Это господин Жозеф Юнг, теперь он будет обучать вас дисциплине подбора состава и приготовления зелий. Итоговый опрос так же будет проводить он.

— Здравствуйте, профессор Юнг! — хором отозвались три десятка глоток.

Мужчина улыбнулся и кивнул, усаживая нас на места. Завуч учтиво попрощалась и вышла из аудитории.

— Ну что же, ребятушки… — задумчиво потянул Юнг, бегло просматривая журнал. — … Остановились вы на уровнях

воздействия лечебных микстур. Кто готов отвечать?

Руки потянули несколько девчонок, как мне показалось, уж очень активно. Препод и вправду был весьма миловиден, что незамедлительно оценили мои одногруппницы. Меня же интересовало совсем другое.

Какого чёрта этот Юнг так похож на мастера Аарона?

Глава 14. Интимное знакомство

— Да, — чуть не роняя слёзы, выдохнула Лекса, по всей видимости, стараясь вызвать жалость. — Рийзе может задать жару даже старшекурсницам.

Юнг, внимательно оценив обеих и вдумчиво сравнивая нас, обратился уже ко мне:

— Рийзе, подскажите, вы знаете, чем вызвано решение Высшего Совета поставить вас в пару на арене?

У меня отнялся дар речи. Спрашивать об этом было, во-первых, не в компетенции Юнга, а во-вторых, даже если бы он хотел прояснить ситуацию, то вполне мог сделать это наедине, не рискуя вызвать волну сплетен у учеников.

Я встала из-за стола, склонив голову в почтении, но в большей степени пытаясь спрятать недоумение.

— Решения Высшего Совета обсуждаются лишь в редких случаях. Согласно Уставу школы каждый ученик должен беспрекословно подчиняться решениям совета, иначе в столь узком кругу мы рискуем скатиться в первобытное общество.

Нет, а что он хотел? Чтобы я во всеуслышание начала полемику о роли Высшего Совета или выразила своё неудовольствие? Что желал, то и получил. А именно — дословно процитированные строки из Устава.

— Я вас понял, — сухо ответил профессор.

Я, кивнув, только успела присесть, как прозвучала трель звонка.

— Лекса, подойдите ко мне! — весело, с вызовом поглядывая на меня, прокричал сквозь гомон нашей группы Юнг.

Бывшая подружка, неопределённо фыркнув в мою сторону, направилась к нему, от которого так и веяло наигранным очарованием.

Я краем глаза наблюдала за ними, пока собирала в сумку вещи, но дальше дежурной вежливости дело не зашло. По крайней мере, пока я находилась в аудитории.

Собрав всё необходимое, поспешила на второе занятие. Одно из моих самых любимых. «Историческая роль рас» все два курса давалась мне легко, вызывая неявными хитросплетениями интриг неподдельный интерес. И мне нужна была не только база из плановых учебников. В прошлом году, например, перед гладиаторскими боями я сидела в библиотеках часами. И действительно, в некоторых авторских манускриптах было что почерпнуть.

Мы всей шумной толпой вломились в солнечную аудиторию.

Преподаватель, милая румяная женщина, заставляющая именовать себя не иначе как Теана, завидев меня, замахала руками, будто ей показали нечто непотребное.

— Ри, голубушка, вы опять здесь. У меня скоро язык отсохнет повторять, чтобы я вас не видела до конца третьего курса! Вы давно уже доказали своё блестящее знание дисциплины. Идите, милая.

Я учтиво поклонилась Теане и под завистливые взгляды сокурсников вышла. Впереди было два с половиной часа свободного времени. Я решила отправиться в Синюю библиотеку.

Убедилась, что библиотекарь на месте и, как обычно, прикидывается дремлющим. На самом же деле старый пройдоха, изображающий беспомощного, бдит, анализирует и записывает свои наблюдения в пухлую книжечку. Я, проходя, кивнула, чем вызвала непроизвольное почавкивание старика, и направилась к сектору, хранящему тысячи рецептов зелий, фолианты по теории, практике, истории применения снадобий и много чего другого.

Меня же интересовал определённый вид зелья — наводящее морок снадобье либо рецепт, каким-либо образом связанный с сокрытием сути. Без запаха, посторонние примеси в кофе и молоке я бы учуяла и… скорее всего, это было даже не зелье, а порошок.

Сегодня во время занятия я пристально смотрела на руки Лексы. У неё есть одно кольцо немного странной формы. До недавних пор я не придавала этому значения, но если хитрозадая кошатина не воздействовала на меня магией, то здесь определённо замешаны зелья. Артефакты я отмела сразу: во-первых, носить с собой и пользоваться на территории школы ими нельзя, а во-вторых, редкий предмет не создаёт заметный фон.

Пальцы скользили по ветхой бумаге. Свитки, тетради с рецептами, фолианты — содержимое полок будто отвечало на прикосновения рук, отзываясь то теплом, то холодом, то едва заметным свечением. Наконец одна из небольших записных книг отозвалась едким жаром и неприятно-красным мерцанием. Да уж, характер у создателя этого чуда был прескверным. Я внимательно посмотрела на свои руки и ещё раз проверила. Это была точно она.

— А вы, Ри, ещё и поиском, оказывается, неплохо владеете. Крайне полезный навык, — возник из ниоткуда бархатистый голос Юнга.

Я от неожиданности подпрыгнула, едва не выронив из рук заветную вещь. Но, сделав глубокий вдох и обернувшись к собеседнику, успокоилась.

— Вы же сами знаете, профессор Юнг, что «Поиск»

достаточно прост в применении. Несколько параметров — и всё, что нужно уже в руках. — Я хищно улыбнулась. — Главное — знать, чего хочешь.

— Вы точно определились со своими хотелками, Ри? — Он прижал меня к полкам и пристально посмотрел в глаза. — Ведь на занятии прекрасно было видно, что я пришёлся вам по вкусу.

Горячее дыхание у самого ушка щекотало нервы. Не сказать, чтобы сейчас он был мне неприятен. Скорее наоборот, внешность его располагала не только к светским беседам, но и к более интересным вещам.

Буквально несколько мгновений, и его губы уже оказались напротив моих, а рука шарила под юбкой, точно отыскивая самые чувствительные места. Пальцы Юнга настолько деликатно орудовали, что я сама не заметила, как быстро намокли трусики, а хвостик с ушками начали мелко подрагивать в предвкушении запретного удовольствия.

— Ри, я даже не представляю, где же у вас всё-таки есть уязвимые места. — Он уже не держал. Нависая надо мной будто сладкое облачко, Юнг вовсю резвился, напрочь игнорируя тончайшее кружево белья.

— Заткнись, — выдохнула я и приоткрыла рот навстречу поцелую.

Глава 15. Страсти Синей библиотеки

Юнг слишком упорствовал даже по моим меркам. Едва наше уединение прервали посторонние звуки, а именно — расшаркивание библиотекаря между стеллажей с фолиантами, у меня в голове будто перемкнуло. Сработал природный предохранитель, и я наконец поняла, что от Юнга дико фонит Красной магией.

Ах ты, подлец!

Еле удержалась, чтобы не залепить ему пощечину, здравый смысл перевесил.

Я отстранилась и чуть слышно прошептала:

— Профессор Юнг, вам не кажется, что вы перешагнули за предел своих полномочий? — Вопрос требовал максимальной деликатности, хотя внутри всё клокотало от бешенства.

— Смотрю, Рийзе, вы и Красную магию подавлять умеете? А ведь я взял вас на прицел ещё задолго до входа в библиотеку.

Так вот почему я не почувствовала фона! Юнг стоял, по-прежнему прижимая меня к полке с книгами. Ситуация скатывалась в неловкость, а ярость, захлёстывающая меня огненными волнами, могла вот-вот вырваться наружу. Этого допустить нельзя.

С присущей мне грацией ловко проскользнула под его рукой, на ходу подбирая тетрадь с рецептами и отряхивая её от несуществующей здесь пыли.

— Вы так и будете молчать, Рийзе? — уже более настойчиво переспросил Юнг, пожирая меня заинтересованным взглядом.

— А что нужно отвечать? — невинно, прикидываясь дурочкой, поинтересовалась я. — Да, я молодец. Но если б вы хоть раз имели дело с кошками, то знали бы, что мы очень чувствительны к любому проявлению магии.

— Даже древней? — неожиданно для меня спросил Юнг.

Я хотела съязвить и ответить утвердительно, но горло сковал невидимый ледяной ошейник. Оберег мастера Аарона. Мой пожизненный охранник царапал кожу мелкими впивающимися коготками, заставляя молчать. Я лихорадочно соображала, что ответить, но потом наконец поняла, как выкрутиться.

— Разве Красная магия так давно существует? — удивлённо захлопала ресницами я. — А нам на уроках говорили, что этому направлению не больше двухсот пятидесяти лет…

Напряжение мигом слетело с преподавателя, и он расхохотался.

— Нет, Рийзе, вам врут. Практике Красной магии на самом

деле больше десяти веков.

Я пожала плечами.

— Ну, значит, и древнюю чувствую. Да и вообще, почти всё, что нам преподают, отдаёт своим фоном.

— А как это у вас происходит? — Юнг упорно не хотел прерывать беседу.

Я решила взять ситуацию в свои руки. Юнг мне по-прежнему не нравился, а после того, как сработал оберег мастера, его присутствие и вовсе начало вызывать опасения.

— Простите, — скорчив страдальческую мину, медленно проговорила я. — Мне надо заниматься. Все наши особенности вы можете прочитать либо в атласе анатомии рас, либо выяснить непосредственно у преподавателей нашей школы, либо… Ну, с Лексой вы уже беседовали.

Прижав записную книжку неизвестного мага, которая, будто живая, ворочалась у меня в руках, я поспешила в читательский зал, молясь о том, чтобы поскорее избавиться от назойливого общества преподавателя.

Это было не так просто, как хотелось. Во-первых, его ноги, как ни прискорбно, на порядок длиннее моих. Быстрый шаг кошки и более спокойный и уверенный Юнга создавали довольно странный контраст. Когда я вылетела пулей в читательский зал, а следом за мной плавно проплыл Юнг, все взгляды находящихся там редких учеников были прикованы к нам.

Плюхнулась на стул и картинно закатила глаза. Он сел напротив, деликатно разворачивая какую-то книгу, которую, видимо, успел схватить по пути. Невозмутимо открыл её на двести девятой странице и начал читать.

Я толком не смогла понять, чем же меня коробил номер страницы, да и ситуация в целом не нравилась. Чтобы успокоиться, тоже углубилась в постижение рецептов зелий. В конце концов, что бы там ни было, знать, чем Лекса меня опаивала, жизненно необходимо.

Наконец я нашла искомое. Медленно переворачивая пожелтевшие от времени, издающие сухой шелест, страницы, Юнг украдкой поглядывал на обложку кожаной тетради, выбранную мной.

— И кого ты хочешь одурманить на этот раз? — раздался в голове настойчивый, успокаивающий голос.

— Я не давала разрешения! Уйдите! — завопила я, насколько это возможно. Сил, чтобы сдержать себя и нормально ответить, у меня уже не хватало.

— С удовольствием, но здесь запрещено издавать какие-либо звуки, кроме восхищённого придыхания перед вековой мудростью

и переворота страниц.

Я улыбнулась. Да, старик-библиотекарь и вправду мог отвесить ощутимый подзатыльник за лишний шум. Больше запаха бумаги, старой кожи и чернил. Похоже, он любил лишь тишину.

А что, если Юнг — ещё один игрок? Неизвестных оказалось на порядок больше, чем ожидалось. Но зачем в игру вступил этот хитрец?

Я внимательно смотрела на него. На союзника преподаватель похож мало. Можно провести чёткую параллель с лисом: красивым, хитрым, опасным. Да и лет Юнгу намного больше. Неопытные скажут, что ему от силы два-три десятилетия, но нет. Счёт здесь идёт крупнее. Сто двадцать, сто пятьдесят. Стариков всегда выдаёт взгляд. Он никогда не бывает весёлым или лукавым, даже если человек шутит. В этом проблема всех старых магов.

Мастер Аарон говорил, что если взгляд человека кажется безжизненным и неестественным, значит, так и есть.

«Бери поправку на последнюю войну или особо кровавый мятеж, максимум — на предпоследний. Это даст тебе приблизительный срок жизни».

С момента восстания ящеров прошло около ста двадцати лет, добавить ещё двадцать пять — период затяжной междоусобицы, когда наша школа была одним из рубежей, — и получаем искомое.

Но с Юнгом нужно всё-таки поиграть, слишком велико разочарование молодящегося преподавателя, когда его планы рушатся.

— Я ищу противодействие этому зелью, — покорно отправила я ему телепатический запрос и протянула тетрадь.

Канал держал Юнг. Я плохой менталист для создания подобных ресурсов, но пользоваться — совсем другое дело. Правда, больше, чем на час-полтора подобного разговора меня не хватит — слишком небольшая ёмкость у сосуда с Силой.

Преподаватель внимательно посмотрел на рецепт, и его лицо стало до боли серьёзным.

— Ты уверена, что нужно именно это зелье? Э-э-э-э, порошок?

Я молча кивнула.

— Через полчаса буду ждать тебя в своём кабинете. — Он поднялся и быстрым шагом вышел вон из Синей библиотеки.

Я, немного удивившись его реакции, продолжила листать тетрадь с записями. Рецепт сыворотки правды здесь тоже был, причём очень простой и с тем эффектом, который мне требовался. Даже если человеком хитро манипулируют, он об этом, сам того не зная, всё расскажет, а за кулисами останется

лишь личность марионеточника, а потом… потом подопытная мышь всё забудет. Идеальное преступление и великолепный рецепт.

Положив тетрадь на место, я вернулась мыслями к Юнгу. Отчего старый больной лис может быть так удручён обычным зельем, которое даже на третий уровень еле тянет?

События приобретали всё более и более интересный ход.

Глава 16. Откровения в кабинете

Я переписала нужный рецепт, выждала в Синей библиотеке ровно полчаса, вежливо попрощалась с изображающим дряхлость хранителем мудрости и вышла. Даже противно признаться в том, что Юнг напустил на себя откровенно лишний туман тайны. Возникшая ситуация вызвала во мне острый приступ любопытства. Но начинать надо всегда с того, что знаешь наверняка.

Единственное, что не вязалось в рецепте, — редкий ингредиент, который достать даже за пределами школы не так просто. Тем более такой разяве и ничтожеству, как Лекса.

Водоросли полярных шапок поставляются в лавки редкими охотниками, которые выживают в лютом холоде — от такого мороза порой не может спасти даже магия. Сильным колдунам идти за добычей тонких стеблей, сливающихся с ландшафтом, нет никакой надобности — им гораздо проще купить всё необходимое по своим, более специфическим каналам. Ибо час работы мага, способного нейтрализовать такой собачий холод, стоит в разы больше, чем эти пресловутые водоросли.

Но и я, и Лекса были низшими звеньями пищевой цепочки, а значит — на раз-два эту редкость нам не достать. Хоть для порошка и требовалось совсем немного, это количество надо где-то добыть. И на ум приходит только одна мысль: Лекса действовала далеко не в одно лицо. У неё был или есть покровитель. Возможно, кто-то из преподавателей, кураторов, Высшего совета. Всё чудесатее и чудесатее.

Мраморные стены равнодушно скользили мимо меня. Коридор, где располагались рабочие кабинеты преподавателей, обставлен ещё более роскошно. Я без особого труда отыскала дверь с табличкой, оформленной причудливой вязью:

> *«Кафедра подбора состава и приготовления зелий*
> *Профессор Жозеф Юнг»*

Какая прелесть. Он и среди своих умудрился выпендриться. Я даже на несколько секунд зависла, пытаясь разобраться в красивом, но нечитаемом почерке. У остальных дверей таблички больше для информации. Этот же решил показать свою утончённость и безвкусицу.

Пока я стояла перед дверью, размышляя о том, насколько Юнг тщеславен, по другую сторону раздалось деликатное покашливание, а следом прозвучал уже знакомый, будто

зазывающий, бархатистый голос:

— Рийзе, ну в самом деле, вы долго будете там ожидать?

Я толкнула дверь и ввалилась в кабинет, не преминув наморщить носик. Юнг к свиданию готовился или к беседе?

Его небольшая резиденция наполнена клубами резко пахнущего дыма, который люди по ошибке считали благовониями. Я бы назвала эту отраву гораздо короче: вонь.

— Ещё раз здравствуйте, профессор Юнг. — Учтиво склонила голову. — Простите, но по-другому я не могу.

Три хлопка в ладоши — и клубы удушающих паров мгновенно нейтрализовались, превратившись в свежесть весеннего сада. Я вздохнула с облегчением и виновато улыбнулась недовольному преподавателю.

— Простите ещё раз, профессор, но у меня очень чувствительное обоняние. Несколько минут в таком помещении — и я буду валяться без чувств.

— Ты можешь называть меня Жозефом. — Он поднялся с кресла и подошёл вплотную. — Тем более я просто без ума, если девушки при мне теряют сознание.

Я проигнорировала неумелый подкат. Если бы легендарный любовник Ромео слышал эти слова, он бы уже вертелся в своей урне волчком, вырабатывая Силу для освещения половины крупного города. Но неловкость нужно было как-то сгладить. Новоявленному знатоку женских сердец будет ой как неприятно понимание того, что его стрелы пролетят мимо цели, причём мимо от слова «совсем».

— Не могу, — настолько ласково и невинно, насколько это возможно, прощебетала я. — Вы же старше… Лет на сто, минимум.

Да, не сдержалась. Юнг поменялся в лице, потом нервно расхохотался.

— Давайте начистоту, профессор Юнг, — продолжила я, опасаясь, что он опять уведёт разговор в дебри вожделения и фантазий. — Вы сказали, что с рецептом что-то не то.

— Да. — Он резко посерьёзнел и вернулся за стол. — Давай, двигайся ближе, будем с тобой думать. — Профессор кивнул на стул и, дождавшись, пока я усядусь, продолжил: — Рецепт очень неординарный. Понимаешь… При очень небольших затратах порошка можно заставить отвести глаза всем в этой школе. Даже преподавателям и… Высшему совету. Молчишь? Я продолжу. Это свежая разработка одной из выпускниц. Имя ты наверняка прочитала в тетради. С магессой Кларой Войчек я не знаком, но её имя до сих пор на устах многих преподавателей звучит как проклятье.

Я кивнула. Клара была легендой. Заносчивая, мнительная одиночка терроризировала учеников и Высший совет долгие пять лет обучения. Что забавно, никто не мог с ней справиться законными способами. Да и тетрадь с её записями не могла обмануть — характер у магессы действительно был дрянной. Хотя, она скорее не магесса, а ведьма, потому что после получения диплома на службе у Императора её никто не видел.

— … Дело в том, что, судя по составу, за твоим, хм, отравителем стоит кто-то более серьёзный. Заменить водоросли полярных шапок в рецепте вряд ли сможет рядовой ученик, учитывая, что Клара была гением в зельеварении.

— Я это уже поняла.

— И с кем у тебя конфликт, позволь поинтересоваться?

Я задумалась. Промолчать, соврать или сказать правду? Если втираться в доверие к Юнгу, то нет ничего лучше, чем выдать все карты, которые у меня имеются, а потом уже играть на важных деталях.

— Лекса.

— Она ведь не была на арене в прошлом году, так?

— Да.

— А что по этому поводу сказали другие ученики? Насколько я знаю, у нас есть ещё одна подобная барышня… Лия, если не ошибаюсь. На неё нехорошо косятся.

— А с Лексой этот номер прошёл на «ура». Я тоже недоумевала, но не слишком долго. Она просила не затевать об этом разговоров среди учеников, сославшись на…

— На что?

— Я не помню.

Юнг подорвался с кресла и, заложив руки за спину, начал медленно прохаживаться по кабинету.

— Я тут не просто так, Рийзе. Думаю, от тебя не укрылась моя принудительная маскировка. Здесь, в школе, вовсю процветает злоупотребление служебными полномочиями. И если отец Лии официально платит взносы за пропуск арены, прошу заметить, немалый, то Лекса, стало быть, очень интересный персонаж.

— Вы из Гильдии Следователей? — Я в восхищении уставилась на Юнга.

— Не совсем. И прекрати корчить из себя невинность, Рийзе, это раздражает. С твоим личным делом я тоже ознакомился. Ты слишком рано повзрослела и уже не можешь испытывать таких ярких чувств, как твои одногруппники. Та же Лекса совершенно не умеет скрывать эмоции, а ты это делаешь с холодной расчётливостью.

— Спасибо за комплимент, — с натугой выдавила из себя я.

— Это скорее минус, чем плюс, Рийзе.

— Был бы плюс, вы бы поимели меня прямо в Синей библиотеке, профессор. Причём неоднократно.

Он криво усмехнулся.

— Исходя из всего сказанного, Рийзе, я бы хотел тебя предупредить. Не стоит играть с Лексой в открытую. Драться на арене — тоже. И, если ты доподлинно узнаешь, кто ей покровительствовал, я обещаю выполнить любую твою просьбу. Но только одну.

— Даёте слово?

Юнг кивнул, затем добавил:

— Честное инквизиторское.

Глава 17. Сбор ингредиентов

Я смотрела на Юнга, не пытаясь скрыть мучивший меня страх. Секунды тянулись ленивыми вереницами. Он молча смотрел. Выжидал? Оценивал реакцию? Или он меня изначально давно вычислил и просто прикидывался дурачком? Наконец Юнг прервал тягостное, затянувшееся молчание.

— Я даю тебе слово Инквизитора, Рийзе, и не отказываюсь от сказанного.

Над правой ладонью повис в воздухе алый знак печати самой жестокой организации Империи.

— … Братья и сёстры, станьте свидетелями моей клятвы. Я обещаю выполнить одну просьбу Рийзе, если это будет в пределах моих физических и магических возможностей, в обмен на имя покровителя Лексы.

Будто зачарованный кролик, я смотрела на сияющий знак. От слов Юнга он начал мерцать и, на несколько мгновений вспыхнув, быстро побледнел и исчез.

— Тебя такое обещание устроит? — щурясь, переспросил Юнг.

— Да, профессор.

— Я же просил, зови меня Жозеф, — с неудовольствием ответил он.

— Не могу. — И на этот раз лжи в моих словах не было. — Вы старше, опытнее. Очень тяжело ставить такого человека на один уровень с собой и называть по имени, особенно учитывая ваше положение в школе и…

— Службу в Инквизиции?

— Да. Позвольте обращаться к вам уважительно. И ещё не буду скрывать, но мне очень страшно.

Юнг расхохотался. Мерзкий, наигранный смех, отражаясь от стен кабинета, терзал мои ушки. Но сейчас лучшим вариантом являлось молчание. Пусть думает то, что хочет. Это ещё не раз сыграет мне на руку.

Отсмеявшись, он бросил на меня добрый, но по-прежнему почти бесцветный взгляд.

— Тебе нечего бояться, Рийзе. Инквизиция охотится за нарушающими правила магами. Ты ещё слишком мала, чтобы стать хранительницей знаний или артефактов. Поэтому не стоит при моём появлении так бледнеть. И ещё. Надеюсь, ты сохранишь в тайне мою основную профессию. Для тех, кто не умеет хранить секреты, в застенках Инквизиции существует особый подвал. — Юнг подмигнул. — Усвоила?

— Да. У меня есть два вопроса.

— Для тебя, Рийзе, хоть звезду с неба. Шучу. Только когда сдашь покровителя Лексы. Сейчас могу помочь совсем мелочью.

— Мне нужен порошок из голубой медузы. Я бы все выяснила сегодня, но за ингредиентом придётся отправлять посыльного в город. Денег у меня тоже совсем мало.

Юнг кивнул. Открыв большой журнал со списками составляющих на складах, он сосредоточенно начал искать. Найдя нужное, коротко осведомился:

— Сколько?

— Тройскую унцию. — Этого было даже много, но запас такой редкости у меня должен быть. Почему нет? Вдруг с первого раза не получится?

— Тебе принесёт посыльный прямо в комнату. Какой второй вопрос?

— Вы сказали, что охотитесь за секретами древнейших. Куда смотрела Имперская Служба Безопасности, когда принимала на работу или в Высший совет опасного мага? Или магессу?

— Видишь ли, Рийзе… Древнейшая магия не оставляет фона. Совсем. Сила не настаивается в магическом сосуде носителя, а потому не смешивается с энергетикой существа. Она как была чистой, так и остаётся. Вам, кошкам, не по зубам различить её. Нам — тоже. Ты представляешь, какая опасность может таиться в маге? Не надо иметь высокую ёмкость сосуда, не надо расти морально. Никаких возрастных ограничений. Даже если сам маг не будет представлять угрозы, он сможет научить этому какую-нибудь сопливую школьницу вроде Лексы. Империю может ждать гибель от рук вооружённых младенцев. Нахождение этого мага в школе опасно вдвойне. Это рассадник знаний. Сам Император не может предположить, чем это всё закончится, если пустить ситуацию на самотёк. Ты удовлетворена моим ответом?

Я замотала головой.

— А как вы обнаружили присутствие носителя знаний?

— Это уже, Рийзе, служебная тайна. Больше не спрашивай меня об этом, хорошо?

— Хорошо.

— Значит, нам пора прощаться. Кстати. — Юнг почти мгновенно оказался рядом со мной: тяжёлая ладонь опустилась на плечо, а его губы горячо зашептали, касаясь шёрстки на моих ушах: — Если ты вдруг надумаешь развлечься, приходи. Я буду очень и очень рад страстной кошечке на моём ложе.

Я фыркнула, дёрнув хвостом.

— Нам нельзя. У преподавателей есть Кодекс. Инквизиторам он может и не писан, но кто огородит от последствий меня?!

— Тс-с-с-с-с. — Юнг приложил палец к моим губам и продолжил. — Я же сказал: если вдруг надумаешь и вдруг разлюбишь девочек.

Я ошарашено посмотрела на него, преподавателя, который может втоптать меня в небытие этого мира. От которого зависит моя жизнь и смерть, человека, который жестоко играется чужими судьбами и спокойно убьёт неугодного, если тот вдруг задумает помешать планам Инквизиции. Чудовище. Если я и лягу с ним в одну постель, то только под страхом смерти. Но и это не будет мне оправданием.

— Иди. — Юнг ласково вытолкал меня из кабинета, и я оказалась в коридоре. Замешательство, вызванное неприятным разговором, рассеялось.

Я отправилась на склад компонентов. Курьер от Юнга мне не понадобится.

— Госпожа Ри? — Мальчонка лет двенадцати вырос на пути, как только я вошла в приёмную, чтобы оставить заявку.

— Да.

— Вам донести до комнаты или вручить здесь? — Парнишка был несколько озадачен, поняв, что цель — вот она, хотя требовалось сделать доставку в корпус женского общежития.

— Давай сюда. — Я вырвала у него из рук вожделённый пакет, обёрнутый сверх всякой надобности в несколько слоёв тончайшего пергамента. — Где расписаться?

— Профессор Юнг сказал, что не нужно.

— Хорошо. Спасибо, — запоздало проговорила я, наблюдая исчезающую среди многочисленных стеллажей с образцами спину курьера.

Итак… Очереди не было. На приёме сидела скучающая старшекурсница. Я быстро заполнила две заявки, намеренно перемешивая порядок ингредиентов.

— Для меня и подруги, — вежливо ответила я на вопрос временной кладовщицы.

Она скорчила ещё более скучающую мину и поплелась на склад. Прошло около пяти минут, и меня это начало порядком нервировать. Ну что там можно так долго делать?! Всего десять ингредиентов! Десять! Не пятьдесят или сотня, а она возится, будто декана на похороны собирает!

Наконец старшекурсница вернулась, смущённо протягивая мне ещё два свёртка. Я поблагодарила её и на всех парах понеслась к себе в комнату.

Единственный уютный уголок в сумасшедшей школе встретил меня скорбным молчанием. Расстраиваться не стоило, но всё же в комнате явно что-то изменилось. Чувство тревоги не

отпускало, заставляя меня лихорадочно сканировать каждый угол в поиске невидимого глазу подвоха.

Немного устав от безуспешных попыток обнаружить несоответствие, я села на кровать, пустым взглядом уставившись в окно. Зайти сюда никто не мог. В коридоре следов чужой магии тоже нет. Заклятий как было два, так и осталось: «Тишину» и «Хранителя» устанавливали при мне… Но что же тогда?

За окном виднелась весёлая зелень в окружении лазурно-голубого неба. Решение пришло в голову неожиданно. Да этот хитрец Юнг умудрился поставить слежку напротив окна! Когда только успел?

Я просканировала крохотный кусочек пространства за окном: ошибки не было. Улыбнувшись и послав «Оку» воздушный поцелуй, сердечно извинилась перед профессором Юнгом и уничтожила стандартное записывающее устройство. Потому что нечего подглядывать за кошками! У нас — кровью и мясом добытая привилегия!

Конечно, радела я не за «Серые коготки», а за себя, любимую. Но как пафосно звучит!

Глянув на часы, с сожалением поняла, что до занятия осталось около получаса. На скорую руку наведя порядок в комнате после погрома, я подхватила сумку и пошла на занятия. В любом случае, перед приходом Лексы и Виллы у меня будет около трёх часов свободного времени, успею ещё приготовить отличное зелье правды.

В предвкушении вечера моё сердечко сладостно сжималось. Это будет особый допрос…

Глава 18. Примирение и правда

Остаток дня прошёл как в тумане. Мысли вертелись вокруг Юнга, накидывая серую пелену страха на реальные события. Дураком инквизитор не является — это факт. То, что он похотливая скотина, — факт второй. Третий заключался в том, что если мне хватит мозгов, я оберну его участие в жизни школы себе на пользу. Но как это сделать?

Методы обнаружения древнейшей магии он мне не дал, прикрываясь секретностью. Артефактом я пользовалась и на первом курсе, причём без всякой опаски. Мастер Аарон и сам говорил, что артефактами, завязанными на знании древнейшего диалекта, можно управлять даже в толпе магов. И никто ничего не почувствует. Именно поэтому найти особый предмет — задача очень и очень непростая.

Я перебирала в памяти события, надеясь найти то, что могло бы кардинально повлиять на обнаружение спрятанного артефакта. Ничего не лезло в голову. Всё было как обычно, кроме… Параллель! Точно! Я зашла туда в самый первый раз и артефакт, скорее всего, оставил след. Если это не так, то более очевидной версии пока нет.

Немного успокоившись и освободив голову от мучивших образов расправы, я углубилась в повторное чтение рецепта зелья правды.

Изготовление снадобий и порошков — труд, который требует сильнейшей концентрации, иначе можно получить всё, что угодно, только не нужную микстуру.

Старшекурсница, которая накладывала на мою комнату охранное заклятие, в прошлом году, поделилась одним хитрым секретом. Так как освободить голову от мыслей во время смешивания и экстракции почти невозможно, можно петь или читать гимн Империи. Особенно это помогало, когда процесс планировался на час и больше. Хуже гимн не сделает, лучше — да.

… Славься Император, поднимем же щиты!

Четыре кристалла кварца, два грамма сухого молока ламы, смешать, произнести заклинание слияния. Губы сами зашептали нужные слова, память услужливо подкинула давным-давно заученное трёхстишие. На столе вместо двух ингредиентов оказался шероховатый кубик грязно-жёлтого цвета. В ноздри

ударил смолистый аромат.

… Истинный путь укажешь нам ты!

Пятую часть тройской унции порошка из голубой медузы смешать с половиной стакана морской воды, одной чайной ложкой листьев эльвиуэллы и кармином. Переждать, пока пройдёт реакция, поставить на горелку, собрать конденсат.

Вроде бы обычные природные явления, но до сих пор они воспринимаются мной как волшебство, только видимое невооружённым глазом.

Бесцветная жидкость медленно стекала по стенкам стакана. Резкий, терпкий запах наполнил комнату вместе с клубами красноватого дыма, отделяющегося от конденсата из-за соприкосновения с воздухом. Я открыла окно — стало слишком трудно дышать.

… Там, где солнце обходит землю в три круга…

— Эй, чем ты там занимаешься?! — Резкий, писклявый мальчишеский голос с улицы чуть не вырвал меня из лап концентрации.

А фигушки! Чуть-чуть совсем осталось. На всякий случай пришлось закрыть окно и надеть маску.

…Счастлив народ жить в мире без муки.

По мерной ложке желчи и крови таёжных собак. Пять чешуек карликового зелёного дракона, один аметист. Растолочь и вымесить в однородную массу.

На этот раз, к моему удивлению, получившийся пластилин напоминал кусок ярко-оранжевого теста и ничем не пах. Реакции не было.

… Кто не согласен — тому с плеч голова.

Соединить дистиллят и оранжевую смесь. Как только суспензия приобретёт голубоватый оттенок, по крупице добавлять остаток.

Я одной рукой болтала в пузатой ёмкости ложкой, краем глаза следя за метаморфозами, другой — раскалывала ножичком кубик из спаянных воедино кварца и сухого молока.

Амбре стояло такое, что я всерьёз задумалась о том, чтобы надеть ещё одну маску. Глаза щипало, слёзы лились, не переставая. Наконец момент настал. Я начала по одному закидывать крошки модификатора в суспензию. Смесь шипела, брызгала во все стороны и дымила. Но что может остановить упорную кошку?!

… Сам Император дал нам эти права!

Иссушить. На выходе осталось около пяти граммов белого порошка — ровно так, как описано в инструкции. Человеку достаточно совсем маленькой щепотки, чтобы выдать самые дикие и страшные секреты.

Немного напрячься, сварить кофе. До прихода девчонок у меня есть около часа. За это время нужно сходить в душ, прибраться в комнате и сбегать за ванильной эссенцией. Чтобы ни Лекса, ни Вилла не учуяли посторонний сладковатый запах.

И с чего же начать?!

… Трудитесь же, други, во славу Его,
Живите, любите, здесь нет никого
Кто может вдруг разом у вас всё отобрать,
На страже всегда Императора рать.

Наверное, для начала стоит заняться уборкой. Беречь Силу мне не нужно, а потому я лучше просто пройдусь заклинаниями. В конце концов, у меня сосуд всегда наполовину полон, нежели пуст.

Вилла и Лекса пришли практически одновременно. Их встретили подчёркнуто открытые красные коробки с игрушками и дымящиеся кружки с напитками. Для Лексы — классический капучино с плавающими на пенке ореховыми хлопьями и лимонным листом, для Виллы — классический чёрный, но очень сладкий напиток, в котором кокетливо лежала палочка корицы с нанизанной на ней оплавленной зефиркой. Да, я постаралась. Себе для уютной компании заварила излюбленный латте, для приличия покидав туда цукаты, кокос и сушёные цветки жасмина. Дикое получилось варево, но оставь я себя без праздничной порции, девчонки заподозрят неладное.

— О, какая прелесть! Ты нас на кофе пригласила? — съязвила Лекса, проходя в комнату, и, по-свойски прижимая чашку, плюхнулась в кресло.

— Ой, я уже хочу это! — с детским восторгом подпрыгнула

Вилла, забрала свою порцию и уселась прямо на ковёр напротив Лексы.

— Да, девочки, — решила я наконец вступить в разговор. — Думаю, пора перестать ссориться. В конце концов, втроём нам тоже может быть весело.

Виллу будто тапком припечатали. Улыбка мигом сползла с её лица, спрятавшись в дальнем углу комнаты. Зато Лекса просто сияла.

— Я с тобой солидарна, Ри. — Белокурая бестия в попытке изобразить искренность обнажила клыки.

Я повернулась к Вилле и подмигнула ей, намекая, что это всего лишь фарс. Казалось, голубоглазая воительница клана «Рагнара» мне не поверила, но предпочла оставить мнение при себе.

— Как вы уже поняли, нас ждёт Ночь Примирения, и ваша королева сегодня я.

— Но… — Взгляд Лексы застыл на раскрытых коробках. — Я думала, мы будем втроём.

— Нет, — отрезала я. — Вы будете вдвоём. Королева обозначена. А если, Лекса, тебе вдруг не нравится, так не держу… Гуляй на все четыре стороны, дорогая.

— Нет! — отрывисто, будто цепляясь за последний шанс, почти прокричала моя бывшая возлюбленная. — Я согласна на всё, лишь бы вернуть твою дружбу.

— Умничка. — Меня уже начало потрясывать от нарастающего возбуждения. — Вилла, не слышала твоего мнения?

— Для тебя, Ри… С тобой… Всё, что угодно. — Она подошла ко мне и впилась в губы долгим, нежным поцелуем.

Буквально через секунду, поигрывая белоснежным пушистым хвостиком, к нам с Виллой присоединилась Лекса.

Глава 19. Кроваво-нежное блаженство

Я начала раздевать Виллу, бархат кожи которой чувствовался даже через кружево нижнего белья. Лекса, оставшись чуть в стороне, продолжала упорно ластиться, обделённая вниманием. Я оставила девчонок в одном белье и окинула их удовлетворённым, полным желания, взглядом. Снежный вихрь и небесная лазурь.

— Чей эгоизм будем выбивать первым? — спросила я себя, но в итоге произнесла вслух.

Обе молчали, плохо понимая, о чём я говорю.

— Ты. — Я протянула Лексе руку, которую она ухватила будто спасательный круг.

Притянула светловолосую бестию к себе и развернула. Вилла же смотрела на нас с недоумением.

— Чего стоишь? — Кажется, впервые воительница клана «Рагнара» начала меня раздражать. — Неси повязку и наручники.

Она молниеносным движением оказалась у коробок с реквизитом и начала искать. Это могло бы занять длительное время, но я её одёрнула.

— Красные неси. А белые отложи — они на сегодня твои.

Лекса дрогнула, когда на глаза легла плотная повязка. И это только начало. Комплект для её обездвиживания с маленьким секретом: однажды, будучи в плохом настроении, я сотворила нечто, что вряд ли придётся по вкусу Лексе.

— Слова «СТОП» сегодня нет, девочки. Смиритесь. — Лекса уже стояла, привязанная к стене, когда услышала эти слова.

Она дёрнулась, но всё стало далеко не так просто, как ей могло показаться.

— Надевай. — Я бросила Вилле простейший амулет от ментальных атак. Она подхватила и без лишних вопросов послушно защёлкнула браслет на запястье.

Единственное, чем Лекса может защититься в текущем положении, — ничем. Во рту, за ровными белоснежными зубками, пряталось металлическое колечко, не позволяющее произнести ни одного заклинания. Как уже успела почувствовать Лекса, наручники тоже особые. За мягким пушком, выстилающим внутреннюю поверхность, таились шипы, которые больно впивались в кожу при малейшем неверном движении.

Я взяла Виллу за плечи и мимоходом покосилась на кружки: они так и остались недопитыми. На то и был расчёт.

— А теперь возьми из коробки всё, что нравится, и доставь

этой кошечке максимум удовольствия. — Я уселась в кресло, с удовольствием наблюдая смятение Виллы. В любовных играх она совсем новичок, а потому её стеснение и выступивший румянец доставляли мне ещё большее наслаждение.

Синеволосая кукла неуверенно потянула руку к трусикам, которые подразумевали своей конструкцией приятные ощущения для двоих.

— Тс-с-с-с, — одёрнула я её. — Сейчас ты доставляешь оргазм только Лексе. Или не доставляешь. — Я хихикнула и подмигнула уставившимся на меня кобальтово-синим поблёскивающим глазкам. — Себя ты права трогать не имеешь. Королева бдит.

С удобством устроившись в кресле с шикарной панорамой обзора, я стянула с себя насквозь промокшие трусики. Ну что же, осталось ждать, когда Вилла подберёт инструментарий, и завидовать зрелищности происходящего.

Воительница медлила, я решила её подтолкнуть.

— Лекса любит погрубее. Правда, дорогая? — Молчаливый кивок блондинки. — Используй любые зажимы, плети, но не забывай: сначала нужно её завести. Не жалей смазки.

— А сладкое можно? — Вилла покосилась на огромное блюдо с тягучими сладостями, которые были приготовлены специально для этого случая.

— Только осторожно. И начинай быстрее, а то я совсем заждалась. Да и Лекса тоже в нетерпении.

Хлопая длинными ресницами, Вилла быстро подхватила небольшой бутылёк со смазкой, девятихвостку, полюбившуюся ей с первого раза бабочку, нитку жемчужных бус и внушительных размеров член на длинной ручке.

Налив на изящную ладошку светло-синей жидкости, она решила зайти с крупных карт.

Кожаные хвостики скользили по телу Лексы, сначала едва касаясь и одаривая блондинку редкими, лёгкими ударами. Когда кожа из фарфоровой превратилась в подобие нежных лепестков пыльной розы, Вилла опустилась перед Лексой на колени и начала орудовать язычком, раздразнивая ту и играя с её особо чувствительными выпуклостями белого жемчуга.

Лекса изнывала, но ничего не могла поделать: я ещё с прошлого раза запомнила, что с Виллой главное — это терпение. Эта чертовка будет часами отодвигать пик ради самых мощных ощущений в конце.

Мне показалось, что моих пальчиков маловато для такой сцены, и я подошла к коробке, чтобы выудить оттуда что-нибудь поинтереснее. Впрочем, давно уже знаю, что мне по душе. Ярко-красный леденец сиротливо смотрел мне в глаза, и удержаться в

такие моменты очень сложно.

Когда я вернулась на мягкий трон, Вилла уже отпрянула от Лексы и сейчас со знанием дела садила на распухшую от возбуждения горошинку Лексы изящную бабочку. Блондинка издала протяжный стон и рефлекторно дёрнулась, но наручники своё дело знали. Я могла дать голову на отсечение, что без крови там сейчас не обошлось.

— Как же я тебя ненавижу. — Вилла разожгла на кончиках пальцев небольшую шаровую молнию и с удовольствием запустила Лексе в ногу. Светловолосая бестия вскрикнула, но тут же замолчала. — Мало того, что ты, двуличная тварь, устроила между кланами… — Второй грозовой шарик коснулся стопы. Лекса потеряла равновесие и повисла на наручниках.

Из-под кожаной окантовки выбилась токая, быстрая струйка крови. Вилла, будто того и ожидая, подошла к Лексе и слизала солоноватый, алый ручеёк, отчего Лекса начала дрожать всем телом.

— М-м-м-м, мне сказали, что кошечка любит пожёстче.

Удар плетью стал неожиданностью для Лексы, после чего во взмокшую, раскрасневшуюся и тугую киску вошёл член. В противовес жестоким ударам он двигался медленно, аккуратно, неспешно.

Завязав заклинание на бабочку, я приказала ей работать активнее — мне никак не удавалось настроиться на происходящее. Лекса начала не прекращая стонать. Член в руке Виллы ускорился, а плеть вошла с ним в чарующий, меняющий сознание ритм.

Леденец скользил по моей киске. С каждым шлепком Виллы он погружался в меня, с каждым выдохом Лексы — менял дырочку, и это продолжалось до бесконечности… Удар. Крик. Удар. Стон. Кровь, ярко-красный леденец. Стон — на этот раз уже мой.

Вилла была будто чужой на этом празднике наслаждения. Я чувствовала кожей, как она течёт от возбуждения, но ничего не может с этим сделать. Синеволосая, не выдержав пытки, отбросила девятихвостку и одной рукой, с силой сжав грудь Лексы, не удосуживаясь снять трусики, а лишь отодвинув их, устроила своей киске праздник, вставив туда член, до этого момента, принадлежащий Лексе целиком и полностью.

Стройные, тонкие ноги Виллы подогнулись. Она упала на колени, не переставая ласкать себя и оставив Лексу истекать под вибрацию бабочки, так уютно расположившейся на клиторе блондинки.

— Плохая девчонка. — Я подскочила к Вилле, на ходу

подбирая плеть и выбрав целью невинную, укутанную в сиреневые кружевные трусики попку Виллы. Хлёсткий удар — моментально порозовевшая кожа.

— А-а-а-а. — Вилла даже не заметила. Она всаживала в себя член, орудуя массивной имитацией с дикой скоростью.

Я поняла, что девятихвосткой Виллу сейчас не проймёшь. Взяв за волосы, в такт движениям начала наглаживать её мокрый, норовивший ускользнуть из моих пальцев клитор.

Стоны двух обезумевших от похоти девиц летали по комнате, услаждая мои ушки. Вилла была в таком диком раздрае, что мне без труда удалось распознать, когда она подойдёт к пику.

— Брось в Лексу молнию! — Вилла не повиновалась, но удар плетью привел её в чувство. — Давай! — Девчонка вздрогнула и быстро, не останавливаясь, выполнила приказ. — Так-то лучше. — Мои пальцы продолжали быстро скользить, бабочка на теле блондинки работала на пределе возможностей.

Спустя пару мгновений они обе протяжно взвыли, обессилено расслабившись.

Придя в себя, Вилла со страхом взглянула на Лексу: блондинке было всё равно, а вот меня синеволосой всё-таки стоило побояться.

— Ты. Нарушила. Правило, — сказала я, чеканя каждое слово и освобождая свою бывшую подругу от стягивающих запястья наручников. — Один-ноль в пользу Лексы.

Белокурая бестия, сняв с лица повязку и колечко, хищно улыбнулась.

— Кто будет наказывать? — Блондинка, кажется, предвкушала отмщение.

— Помнишь, кто здесь Королева?! — переспросила я Лексу, поигрывая плёткой.

— Да, — покорно ответила та. — Но ведь…

Я взяла Лексу за подбородок, заставляя посмотреть мне в глаза.

— Успокойся. Это было только прелюдией…

Глава 20. Карамельная пленница

— Лекса, почему ты так уверена, что я так просто тебе её отдам? — оскалилась я, пристально изучая прелести Виллы.

Синеволосая даже не пыталась подняться. Игриво положив голову набок, она наблюдала за нами и внимательно слушала.

— Но, Ри… — возмутилась белокурая нимфа. — Позволь мне тоже доставить ей немного радости.

— Ты разве не видишь, что она прекрасно справляется без нашей помощи?

Вилла и вправду, удостоверившись, что сейчас мы с Лексой заняты обсуждением её участи, воспользовалась ситуацией и решила, что мелкую шалость никто не заметит. Удар девятихвосткой привёл её в чувство, а крик от неожиданной боли заставил Лексу улыбнуться.

— У меня есть идея, — сказала я, разматывая верёвку. — Сейчас, так уж и быть, дам тебе волю. Лови.

Блондинка резво схватила один конец, потянув на себя и прикидывая, каким образом связать Виллу.

— Не забывай, что Королева любит эстетику, — предупредила я светловолосую бестию, усаживаясь на мягкий трон. — Совсем забыла…. У тебя на всё двадцать минут. Поторопись.

Песочные часы встали на стол рядом с креслом. Каждое мгновение, утекающее сквозь тонкую перемычку, заставляло Лексу поторапливаться. Как я и ожидала, она связала Виллу максимально унизительно: безобразно, подозреваю, даже болезненно стянутые за спиной руки, плотно прижатые к туловищу ноги и выставленные напоказ прелести в ложбинке беззащитной, покрасневшей попки. В завершение Лекса создала красивейшее плетение вдоль позвоночника. Она окинула взглядом свою работу и осталась довольна результатом.

— Не переживай, Вилла, я буду нежна.

Я приглушила свет — яркость в таких делах ни к чему. Вдоль стен комнаты начали по одной загораться свечи, делая таинство интимным, прячущим многие детали даже от нас — его участниц.

Воительница клана «Рагнара» безысходным ожиданием смотрела куда-то в угол: лежать таким милым личиком на полу, да ещё и в беспомощном состоянии ей наверняка страшно. Но Лекса своё дело очень хорошо знала, и, даже имея на синеволосую зуб, не стала причинять лишних неудобств.

Нежные пальчики блондинки прошлись по густой гриве Виллы, медленно, деликатно лаская острыми коготками каждый

сантиметр: голову, плечи, руки. Любую царапину Лекса сопровождала шёлковым поцелуем пухлых губ. Она чуть-чуть задержалась на упругой попке Виллы, заставляя синеволосую постанывать в ожидании и мучиться, не имея возможности подставить места, требующие особого отношения.

Лекса, хорошенько раздразнив свою жертву, наконец впилась во взмокшую, готовую к ласкам киску Виллы, вызвав у той непроизвольный крик. Лёгкие, будто сотканные из ветра, пальчики блондинки быстро сновали, готовя тугие дырочки к предстоящему блаженству.

Я встала, ногой подтолкнув к Лексе коробку с игрушками: обзор меня не устраивал, да и интуиция подсказывала, что разбавлять накал слишком долгими поисками нужного блондинка не собиралась.

Немного помедлив, а затем, снова набрав обороты, Лекса заставила Виллу перевернуться, и, встретившись с ней взглядом, хищно, с долей хитринки в глазах, улыбнулась. Синеволосая жаждала продолжения банкета.

— Ри, есть монетка? — невинно спросила Лекса, решив отдать выбор на волю случая.

Я молча бросила ей серебряную крону.

Белокурая бестия, не переставая ласкать Виллу, подбросила на ладони ценный кругляш.

— Решка, — с придыханием бросила Лекса. — Значит, сейчас мы будем трахать тебя в попку. — Голос звучал приторно, заигрывающе и… выглядел как угроза.

Синеволосая вздрогнула, испуганно косясь на меня, но… что может поделать Королева? Правильно! Контролировать, чтобы всем было хорошо, и ей в том числе.

— Поосторожней с ней, — предупредила я. — Она — новенькая.

— Да, Толлин рассказывал, — хмыкнула Лекса, по всей видимости, желая поддеть воительницу, но тут же добавила: — Хотя сам он мало что понимает в настоящем удовольствии, как и большинство парней. А вообще, все мы эгоисты, в большей или меньшей степени.

Смазка тягуче падала на член, обволакивая бездушную резину, оживлённую руками Лексы. Головка осторожно уткнулась в сжавшуюся, тугую дырочку Виллы. Лекса нежно подкрутила головку и начала отвоёвывать миллиметр за миллиметром нежной, розовой плоти. Вилла, закусывая губы, из последних сил держалась, но когда белокурая бестия, управившись с первоначальными препятствиями, задействовала язычок, воительница сдалась. Стоны, на которые провоцировала

блондинка синеволосую, отдавались в моих ушах сладостной мелодией. Да и вообще мне всегда нравилось, когда девочкам хорошо.

Я не смогла остаться в стороне и присоединилась, затыкая рот Виллы поцелуем. Её беззащитность делала ситуацию в разы пикантнее. Мои губы спустились к шее, ключицам, потом чуть ниже. Грудь из-за частого дыхания воительницы вздымалась: чем не повод поиграть с её аккуратными, твёрдыми сосками?

Покусывая, заигрывая губами, пальцами и леденцом с грудью Виллы, я вспомнила о её любви к сладкому.

— Как насчёт карамели, дорогая? — Восхитительно-приторная, густая карамель, падая на пол, легла плотным слоем на мою киску, делая её похожую на пирожное с тремя крупными спелыми вишенками внутри. Правда, чтобы их достать, Вилле придётся постараться.

Я встала на колени над синеволосой куклой, давая ей возможность удовлетворить её животную страсть к сладкому. Воительница, перестав стонать, вовсю увлеклась ласками и поглощением карамели, осторожно нащупывая местонахождение ароматных, кислых вишенок. Я прикрыла глаза, блаженствуя и наблюдая за тем, как Лекса методично и сосредоточенно трахает пленницу в попку, изредка уделяя внимание остальным местам.

Член скользил так пикантно, что я, блаженствуя от нежных губ Виллы, решила немного помочь белокурой. В прошлый раз леденец воительнице понравился. Почему бы не повторить пытку особо приятными методами?

Из груди синеволосой вырвался вскрик, когда головка леденца начала притрагиваться к киске и влажной, набухшей горошинке.

— Молчи! — Я плотнее уселась, чтобы Вилле было проще дотянуться до лакомых сюрпризов, и почувствовала, что через полминуты она потянула на себя первую вишенку.

На этот раз застонала я, в отместку вставив в Виллу леденец на всю длину, и толкая его в такт ласкам Лексы.

Белокурая потянулась ко мне, чтобы урвать поцелуй, в то время, как мои пальцы, поглаживая киску Виллы, утопали в её влаге. Липкие, тёплые, быстрые и такие … Деликатные.

В воздухе витал насыщенный, сладковатый аромат смазки.

Вилла вытащила вторую вишенку.

Я, чуть не потеряв равновесие от неожиданного блаженства, отстранилась от Лексы, но чертовка не хотела меня отпускать. Её зубки начли вовсю резвиться на моей шее, поднимаясь выше, потом снова опускаясь, пока не нашли самую чувствительную цель. Даже две… Попеременно то лаская, то касаясь острыми

клыками, Лекса доводила меня до истерии разными, слишком острыми ощущениями. В воздухе витал густой, щекочущий ноздри аромат пряной, с нотками мускуса, смазки.

Мои пальчики утопали в киске Виллы, поглаживая нежные, розовые губки, на грани которых двигался сладкий, красный леденец.

Синеволосая дрожала. Это чувствовалось даже в движениях её язычка, слизывающего с моей киски тягучую карамель. Ещё немного, и она кончит…

Я почувствовала, как Вилла, нащупав черенок третьей вишенки, медленно, растягивая удовольствие, потянула ягодку на себя. Взрыв где-то внизу живота, распространился пульсирующими волнами по моему телу. Я закричала. Лекса, ловя момент, прильнула ко мне губами, и мы слились в долгом, наполненном блаженством, поцелуе, сопровождающемся дрожью поневоле кончившей вместе со мной Виллы.

Когда я немного отошла, и будоражащий сознание туман отступил, заметила, что Лекса, вопреки правилам, тоже начала себя ласкать.

— Ну и что мне с вами делать, негодницы??!

Хотя, зачем я спрашиваю? Всё идет по намеченному плану…

Глава 21. Качели правды

Обе, как и предполагалось, любили нарушать правила, что напрямую говорило о том, что я для них авторитетом не являюсь. Обидно это осознавать, но всё же меня хотя бы совесть будет мучить на порядок меньше.

Я развязала Виллу, предупредив, что у них с Лексой есть несколько минут, чтобы сходить в душ или выпить кофе, после чего обе девчонки будут отрабатывать мелкие грешки.

Глядя на свитки и книги, хранящиеся на полке, я думала о том, что ведьма, создавшая порошок правды, на самом деле имела большое будущее. И что странно, к тетради с записями имели доступ почти все ученики.

Как уверяло пояснение к рецепту, после получения организмом достаточной дозы у допрашивающего будет около десяти минут ожидания и получаса шокирующих откровений, а потому настоятельно рекомендовалось составить список тем заранее.

Девчонки вернулись румяные и весёлые; розовые от горячей воды и ароматные от коллекции моих притираний, которых в ванной комнате находилось поистине царское изобилие.

— Продолжим? — спросила я, намекая им, что пора бы готовиться к следующему заходу.

— Ри, дай хоть кофе допить, — скривилась Лекса, протягивая руку к своей чашке.

Вилла промолчала, но повторила жест блондинки. После карамельного ужина ей явно хотелось пить. Опустошив свою порцию, я неспешно начала готовить следующий аттракцион. Расчертив на полу под недоумённые взгляды девчонок два круга, пустила по кольцу живые огоньки. Небольшие, но жгучие сгустки плазмы весело заплясали, закружились в беспорядочном хороводе. Они не смели выходить за границы дозволенного им пространства, но пусть бережётся тот, кто туда попал. Магия относилась к простейшей стихийной, но Вилла присвистнула. И это третьекурсница, которая априори должна была знать и уметь больше меня в разы!

— Ри, я за всё время наших с тобой стычек так и не поняла, что у тебя за специализация?

— Если мыслить широко, то я — артефактор. — Тут даже челюсть Лексы поползла вниз, не говоря уже о синеволосой. — Если тебя интересует боевая составляющая, то пока я умею только материализовать взрывные кристаллы, да и то с горем пополам. Далеко не всегда получается рассчитать силы. Ну и…

уши, когти и зубы. С моей физикой, Вилла, ты уже успела познакомиться.

— Ты ни разу не использовала на мне магию?

Я пожала плечами. Зачем рассказывать Вилле свою философию, которая будет скучна и не интересна?

Сосуд Силы может опустеть, а гибкость и реакция навсегда при мне. Да и случайно убить кого-нибудь в потасовке или на арене тоже не самые приятные вещи. Как бы я не презирала членов других кланов и людей в целом, но пока ещё от моих рук никто не погиб. Вылетел из школы — да. Был вырублен либо находился на грани жизни и смерти — вполне. Но не умерщвлён.

— А зачем? Настучать по голове я могу даже голыми руками, — ответила я, подвязывая две качели под самый потолок. Лекса и Вилла с придыханием следили за моими действиями. — Готовы?

На связывание у меня времени не оставалось. Прочтя простое заклинание, я заставила девчонок в несколько секунд взвыть от неожиданности, оказавшись скрученными на манер бельчат. Они плавно расположились на качелях, а в возможностях движений были очень ограничены: максимум, что могли себе позволить Вилла и Лекса — это коснуться друг друга кончиками пальцев либо коленками. Завершающими штрихами стали маски, заставляющие чувствовать партнёршу только на ощупь. Хотя вру: соски Лексы я обрамила милыми, но очень неудобными прищепками, цепочки от которых тянулись к колечку во рту Виллы. Одно неосторожное движение головой: и блондинка будет выть от удовольствия.

Огоньки, блуждающие по кругу, не позволят девчонкам сильно раскачаться. Как только попка или спина выйдут за границы дозволенного, их будет ждать сильный жар. Я потирала руки в предвкушении. Девчонки, которые не могли видеть моего настоящего выражения лица, дрожали, ожидая, что я с ними сотворю.

План очень прост. Первой, Вилле, беруши легли в симпатичные ушки. Лекса же осталась открыта к диалогу со мной.

Длинный, вибрирующий, полуметровый член лёг между девчонками. Они томно, в унисон вздохнули, а я взяла плеть, чтобы немного их расшевелить. Чем глубже член погружался в каждую из них, тем сильнее чувствовалась вибрация. Долго на одном месте они пробыть не могли. Заскучать или сфилонить не дам я, да и игрушка не заставит долго ждать результат. Если они обе застынут, то будут кончать каждую минуту, как две сучки, пока не потеряют сознание. Слишком далеко друг от друга они

тоже не смогут находиться: живые огоньки мигом накажут нарушителя границ.

— Ну что, Лекса, поговорим?

— Ты о чём? — Блондинка не подозревала, насколько она близка к выдаче всех паролей и явок.

— Ну, например, не хочешь рассказать мне о том, зачем ты здесь? — Удар плетью придал моим словам особый вес.

Лекса взвизгнула, но не в силах пошевелиться лишь оттолкнулась от ничего не подозревающей синеволосой, чтобы немного сбросить накал пульсирующего внутри неё члена.

— Мне страшно говорить тебе об этом.

Итак, порошок начал действовать. Сначала жертва начинает озвучивать свои эмоции. Согласно рекомендациям сейчас Лексе требуется разгон — пробный шар, способный потянуть за собой всё остальное.

— Как ты себя чувствуешь сейчас? — спросила я, поочерёдно охаживая лёгкими ударами обеих.

Девчонки ёрзали, не понимая, где же находится идеальная точка. Ответ прост: её не существовало. Ловушка моего собственного изобретения не предназначалась для отдыха. Чем ближе друг к другу, тем сильнее зверствовал член, чем дальше, тем горячее от блуждающих огоньков. Вилле сейчас достались тишина и покой лишь в формальном случае. Чуть сильнее оттолкнувшись друг от друга, чем следовало бы, они синхронно получили немного жара на свои округлые, беззащитные попки.

— Ай! — взвизгнула Лекса, тут же попытавшись остановить движение насовсем.

Естественно, ничего у неё не вышло.

— Ты будешь со мной говорить или нет?! — озлобленно осведомилась я.

— Буду! — выкрикнула блондинка, прижатыми к телу ладошками стараясь удержать Виллу от следующего толчка. — Что ты хочешь знать?!

— Расскажи мне, как ощущения? — улыбнулась я, удовлетворённая её ответом.

— Будто сейчас кончу…

Глава 22. Раз вопрос, два вопрос… Эротический допрос

— … Чувствую, будто сейчас кончу, — фальцетом пропищала Лекса.

Я подошла ближе и приобняла обеих так, чтобы они не смогли двинуться. Вилла, беспомощно перебирая пальчиками, закусывала губы и вертела головой, стараясь хотя бы ненамного уйти от таранящего их обоих члена. Колечко во рту синеволосой двигалось вместе с ней, увлекая за собой тонкие, но крепкие, серебряные цепочки, держащие соски Лексы.

Блондинка в отличие от воительницы, кричала в голос, сжимая руки до следов от коготков на ладонях и каждый раз кривясь, когда Вилла излишне резко дёргала колечко.

Напряжение нарастало. Я им немного помогла, раскачивая совсем немного, но достаточно для того, чтобы они получили максимум удовольствия.

— Ри, я не могу так больше! Отпусти! — взмолилась Лекса, но я сделала ровно наоборот.

Эта дрянь должна полностью прочувствовать эпичность момента и целовать мои стопы!

— Моей сладенькой Лексе не нравится? — Я краем глаза наблюдала, как корчится Вилла, стараясь слезть с члена. Девчонка дёргалась, доставляя неудобства не только себе, но и блондинке.

— Я прекращу, как только ты мне всё расскажешь.

— Что тебе нужно?! — с вызовом прокричала Лекса, подвывая, на особо острых моментах.

Я ударила её плетью. Нечего орать на меня на моей же территории! Светловолосая бестия дёрнулась, но всё поняла.

— Расскажи мне про своего покровителя, — начала я, ожидая, что всё окажется не так просто, как хотелось бы.

— Его нет. А-а-а-а-а! — Вилла опять потянула колечко, а Лексе осталось только страдать.

— Всё говори! — прикрикнула я, добавляя ощущений ударом девятихвосткой. Звук сочного удара отразился от стен.

— Нет у меня покровителя! Не было и нет! — Лекса начала плакать. Повязка на её глазах постепенно мокла.

— Тогда как ты избежала арены в прошлом году? Кто тебе помогал? — Мои пальцы мягко прошлись по её клитору, немного разбавляя боль острыми, чувствительными спазмами.

— Чёрные менталисты. Они пригласили меня стать членом

клана в начале прошлого года. — Голос блондинки дрожал, выдавая действенность моих приёмов.

Я мысленно присвистнула. Оказывается, в школе образовалась новая подпольная группировка. Без ведома Высшего совета? Сейчас и спросим…

— Вы не зарегистрированы? — Мой язычок после заданного вопроса прошёлся по шее Лексы, опустился в ложбинку между ключиц, затем прошествовал чуть ниже, к груди; края зубов начали на ощупь искать, куда бы укусить, чтобы выжать максимум правды.

— Нет, — коротко ответила Лекса, предвосхищая мои ожидания. — Не надо кусаться, прошу…

Так я её и послушала. Отметины моих острых зубов покрыли её белоснежную, с аккуратными розовыми сосками грудь. Лекса всхлипывала, но молчала, ожидая следующего вопроса.

— Тогда кто вас прикрывает? — Я с довольным видом оглядела результаты своих стараний.

Девчонки были прекрасны в своей беспомощности и сладких страданиях. Я приблизила их вплотную друг к другу, разгоняя хитрую игрушку между ними до предела. Обе руки деликатно коснулись их мокрых кисок, наглаживая розовые, отзывчивые губки.

— Сами члены клана стараются не распространяться о нашем существовании. Формально у нас круг по интересам, — выдохнула Лекса, изо всех сил стараясь оттолкнуть меня. Но много ли получится, если связана по рукам и ногам?

— А по факту? — Вилла продолжила получать ласковые прикосновения, расслабляясь и громко вздыхая, а Лексе подобной роскоши никто не оставил. Я начала издеваться над её влажным клитором, мягко выводя коготком причудливый ритм.

— По факту мы стараемся уничтожить или ослабить каждого боевого мага, который будет выступать на арене против члена нашего клана. Хватит!!! — Её слёзы, окончательно пропитав повязку, катились по раскрасневшимся щёкам извилистыми ручейками.

— Как тебя скрыли с арены в прошлом году? — Такие прозрачные, чистые, наверняка горьковато-солёные слёзы. Я потянулась к щеке блондинки и прошлась языком вдоль дорожек. — Не плачь… Здесь тебя хотя бы не убивают. Повторю: каким образом вы одурачили всю школу?

— Я была слишком слаба для битвы. У нас есть люди в пищеблоках и на кухне Высшего совета. Мы сварили зелий на всех в этой чёртовой школе. Избежала арены не только я. Ещё пара девчонок из параллельной группы и один парень. Нам дали

шанс выжить, — разразилась тирадой Лекса и закусила губу, чтобы снова не получить плёткой за неуместный вой.

Оправданы ли были риски? Отмазать четверых — это достаточно лихо, судя по масштабу аферы.

— Кто из Чёрных менталистов в Высшем совете? — Я приобняла девчонок, раскачивая их навстречу друг другу с новой силой. Не за спокойствием же они ко мне пришли?

Вилла в прямом смысле текла от каждого покачивания маятника и громко стонала, прерываясь лишь на возмущённые вскрики от ударов плетью по нежной попке. Хорошо, что она ничего не слышит. Для её же блага.

Синеволосая, будто кожей чувствуя, что на неё смотрят, мелко задрожала и напряглась. Сжав зубы, она, насколько это вообще возможно в её позе, выгнулась дугой и сжала кулачки. На пол потекла тонкая струйка, и воительница, ещё какое-то время вздрагивая, расслабилась.

— Никого. Шесть преподавателей и два куратора. Это наше руководство. — Отвлёкшись от Виллы, я вновь обратила внимание на Лексу.

Хм… Да там, оказывается, целое змеиное гнездо под свисающей над ними гильотине. Интересно.

Блондинка, не в силах терпеть издевательства, умудрилась прокусить себе губу, протаранив нежные пухлые губки острыми клыками.

— Кто из преподавателей? — Мой палец аккуратно прошёлся по ранкам, размазывая алые отметины, делая рот Лексы призывно-красным.

Она высунула язычок, облизнувшись, и ответила.

— Ава с кафедры Красной магии, Цукер. Из тех, кто у нас не ведёт: Нокс, Рихтенштейл, Шаллем и Каррия.

— Хорошо. — Я отвлеклась на её напухшую от напряжения и ожидания оргазма горошинку. — Кто из кураторов?

Лекса было открыла рот, но из горла вырвался сдавленный хрип. Видимо, кураторы-то как раз о своей безопасности позаботились. Что не исключает той версии, что кое-кто из Высшего совета в их рядах всё-таки присутствует. Просто такая шваль, как Лекса и другие ученики, об этом ничего не подозревает. Для их же блага.

— Вы знаете, что по вашему следу идёт инквизитор? — Мои руки, устав скользить по давно уже изученному материалу, коснулись другой дырочки. Лекса напряглась и тут же выдала ответ.

— Да. Кураторы боятся его.

Я улыбнулась. Если боятся, значит, основания для страха у

них действительно есть. Следовательно, магией древнейших пользуюсь не одна я.

— Зачем ты прицепилась ко мне? Что вам нужно? — Два пальца аккуратно, неглубоко вошли в попку Лексы. Она охнула и скороговоркой произнесла:

— Ты — серьёзная угроза. Мы ещё не понимаем, почему, но ты постоянно встаёшь на пути и рушишь планы.

— Подробнее… — Пальцы проследовали ещё глубже и медленно начали скользить.

Периодически я смачивала их во влаге, упорно не желающей покидать розовые губки Лексы, которые так красиво растянуты по границе вибрирующего члена. Лекса снова начала постанывать, отвлекаясь на свои ощущения. Чёртова эгоистка. Я схватила её за клитор и прошипела:

— Говори!

— Я не знаю. Мне сказано лишь находиться возле тебя постоянно и наблюдать. Совсем недавно ты помешала ритуалу удалённого уничтожения. Чёрные тебя не любят. И их неприязнь постепенно перерастает в ненависть.

Это уже что-то. Одна загвоздка: мне немного страшно оставлять Лексу в таком состоянии. Она на взводе, и если её пытка не превратится в оргазм, то в оставшейся памяти могут появиться нестыковки… Пора заканчивать.

— Как ты относишься к Вилле? — Я ритмично начала доводить Лексу до пика, сознательно игнорируя Виллу и слишком громкие крики обеих.

— Эта сучка вечно путается под ногами. Она мне мешает. А-а-а-а-а! — Тело светловолосой бестии начало мягко поддаваться моим манипуляциям. Она начала двигать бёдрами в такт моим движениям, будто стараясь помочь, хотя помощь здесь требовалась только ей.

— Я… Я… Я… — Она задыхалась, ловя ртом воздух и сама не понимая, что ей сейчас нужно.

Зато я прекрасно это знала. Чуть сместив Виллу, аккуратно вынула из неё член, чем заслужила недовольное рычание синеволосой, оставшейся без внимания.

Нехорошо это. Взгляд скользнул по лежащей неподалёку в гордом одиночестве бабочке, которая через секунду уже сидела на клиторе воительницы, даря той сладость влажных утех и провоцируя жмуриться от удовольствия, несмотря на повязку.

Я встала между Виллой и Лексой, вплотную занявшись блондинкой. Чтобы её удовлетворить, мне даже игрушек не потребовалось: пальцев двух рук и шустрого язычка хватило с головой, чтобы за полминуты довести блондинку до исступления.

Я выпытала имена всех членов Чёрных менталистов, которые известны Лексе. Хоть она и была низшим звеном, сейчас любая информация на вес золота.

Больше не было слёз, прокушенных губ и отрицаний вроде «Отпусти!». Я планомерно вела её к пику удовольствия. Короткий вскрик — и Лекса, напрягшись, как и Вилла некоторое время назад, тоже залила мой любимый многострадальный ковёр.

Пока Лекса рефлексировала, я с некоторой грустью во взгляде посмотрела на Виллу.

Очень интересно, моя синеволосая подруга, разочаруешь ли ты меня сегодня?

Глава 23. Утро и кружевные трусики

Утро выдалось безрадостным. Я проснулась с головной болью и тяжёлыми веками. Мельком взглянув на часы, убедилась, что проспала совсем мало. Кофе. Нужно кофе, и побольше. А ещё обязательно сходить в душ, чтобы наверняка смыть с себя остатки грязи, в которой я изгваздалась этой ночью.

Впрочем, девчонкам понравилось. Обе ушли довольные и почти счастливые, хоть и косящиеся друг на дружку. Самым противным в ситуации стало то, что Вилла оказалась ни в чём не виновата. Она в действительности на уровне интуиции не переваривала Лексу и даже под зельем не смогла назвать объективных причин. Ненависть с первого взгляда, кажется, чувство характеризуется именно так.

Через полчаса надо быть на занятиях, а после обязательно зайти к Юнгу. Он, видимо, совсем соскучился, раз не вышел на связь даже тогда, когда я уничтожила камеру. Отношения с инквизитором лучше двигать вперёд на позитивных нотах, нежели прячась и увиливая от ответа. Впрочем, всю правду я ему рассказывать не буду. Наверняка, о секте он знает и с некоторой долей вероятности оценивает её как угрозу. Единственная проблема в том, что если они первыми к нему не полезут, то так и пропадут из поля зрения. Хотя, откуда мне знать, что творится в голове у Юнга?

Едва я вышла из душа и уложила волосы в строгую, тугую и немного даже целомудренную (хи-хи) косу, в комнату влетела Вилла.

— Привет коварным соблазнительницам! — Она протянула мне стакан с горячим кофе, но пришлось вежливо отказаться — рядом на столике дымилось полведра приготовленного собственноручно напитка.

Синеволосая, ничуть не обидевшись, фривольно уселась в кресло, которое ещё вчера было моим импровизированным троном.

— Ри, мне вот какая мысль покоя не даёт, — начала она будничным голосом. — Зачем ты вчера притащила к нам Лексу? Мы ведь могли и с тобой так же неплохо развлечься.

Кто о чём, а мёртвый о сердцебиении…

— Разве тебе было плохо? — спросила я, всё ещё сонно потягивая кофе из своей огромной любимой кружки.

Вилла игриво сползла по креслу, задрав вверх стройные длинные ножки и разглядывая меня. Её и без того короткая юбка вообще перестала покрывать что-либо. Чёрные, полупрозрачные

кружевные трусики предательски облегали каждый изгиб её молодого, упругого тела.

— Мне всё понравилось. — Синеволосая кукла, не стесняясь меня, запустила руки под тонкую ткань нижнего белья. — Просто было бы в разы лучше, если бы мы были вдвоём.

— Такая маленькая, а инстинкты, как у большой хищной бабы. — Я тоже присела на кресло и взяла её тонкое запястье в свои руки, управляя процессом «от» и «до».

Вилла легко поддалась, зная, что уж мне-то она довериться точно может. Во всяком случае, так казалось.

— Ну… Мы вроде бы помирились. — После этих слов из её груди высвободился долгий, томный стон, и я немного добавила ритма.

— Я не гарантирую, что у нас с ней больше ничего не будет, — твёрдо сказала я, чуть сильнее пройдясь по её особо чувствительным местам. Вилла всхлипнула. — Твой протест забавен тем, что ты тоже любишь упиваться властью, но прекрасно знаешь, что я тебе этого никогда не позволю.

— Почему? — поинтересовалась воительница, жмурясь от удовольствия и перебирая ножками в воздухе.

— Потому что однажды я дала себе слово никогда больше не становиться рабыней, — отрезала я, исступлённо запуская свои пальчики внутрь Виллы и усаживаясь на воительницу так, что при всём желании она смогла видеть только мою спину.

Мне было больно, и от этих эмоций никуда не деться. Я могла прикрыть их равнодушием, злостью, хамоватостью или даже деланной заботой об оргазме Виллы. Но с лица стереть это выражение удавалось далеко не всегда.

— Молчи, — приказала я, понимая, что нам до выхода осталось не больше десяти минут. — Не отвлекайся.

Синеволосая послушно расслабилась, изредка царапая мою попку ногтями в моменты, когда я специально увеличивала темп или остроту ощущений. В какой-то миг её бёдра сами начали тянуться навстречу моим пальчикам, напрашиваясь на особо глубокие пируэты. Влажные розовые губки беспрепятственно пускали меня в горячее, сочное, тугое от напряжение лоно.

Вилла стонала всё громче, уже не разбирая, что она делает. Её руки хаотично, с силой хватали меня, вцепляясь в мягкое, податливое тело. Синеволосая, лишённая возможности перевернуться, задрожала, протяжно взвыла, с ещё большей силой вцепилась в мою попку, оставляя на розовой коже вдавленные лунки от коротких ногтей и… выкрикнув что-то невразумительное, кончила, через несколько секунд расслабившись и больше напоминая безвольную, тряпичную

куклу.

— Сходи в ванную комнату — и нам пора, — выдернула я из сладких грёз Виллу и изящно перекинула ногу, чтобы с неё слезть.

— Ты злишься? — Синеволосая взмахнула ресницами, уставившись на меня холодным, манящим взглядом пронзительных глаз цвета индиго.

— Нет. Иди скорее, а то опоздаем на занятия.

Шумный поток учеников почти иссяк. Оставшиеся, в том числе и мы с Виллой, в спешке разбегались по аудиториям. Она попрощалась, обещая зайти чуть позже, но я её остановила — слишком много впечатлений за последние дни, событий и не клеящихся друг с другом ситуаций. Обязательно нужно выспаться и обмозговать всё произошедшее.

Эти… как их там? Чёрные менталисты, да. Вспомнив их нелепое название, я невольно хихикнула, заходя в аудиторию. Осмотрела всю нашу разношёрстную группу и прошла на своё место, не обращая внимания на шёпот за спиной.

Лекция выдалась скучной и затянутой. Лекса то и дело поглядывала на меня, не решаясь ни заговорить, ни передать записку. Мы снова сидели у Цукера, и теперь преподаватель предстал передо мной в совершенно ином свете.

Автоматически записывая абзацы теории о ментальной защите, я размышляла. Почему они организовали свой обособленный кружок, вполне понятно. Менталисты — одна из служебных и очень значимых каст Империи. Её особенность в том, что в отличие от Гильдий, которые принимают к себе только представителей определённого клана или расы, в Орден менталистов принимают всех. Кошек, среди которых этот дар настолько редок, что вероятнее встретить слепого гоблина на лесной опушке вдали от гор; ящеров, настолько же непроходимо тупых, насколько сильных и безбашенных, паразитов-лапимальеров, всех! Лишь бы был дар, а остальное не суть важно.

Если я правильно поняла Лексу, то, скорее всего, бразды правления чёрными держит кто-то извне. Учеников с таким даром до конца обучения доходит совсем немного: большинство в силу своего слабого физического и магического развития гибнет на арене ещё в конце первого курса. Потом — чуть меньше, и к концу четвёртого года обучения их всего несколько человек, но уже со способностями специалистов экстра-класса.

Наверняка извне пришла инициатива сохранить как можно больше потенциальных сотрудников, но руководство навстречу не пошло, ибо скидок в школе не делали ни для кого. Исключение составляла Лия с третьего курса, но мне даже страшно подумать,

сколько отстёгивала в бюджет школы её семья.

Защита своих представителей и будущих сотрудников — это в любом случае хорошо. Вопрос в том, зачем они проводили ритуал уничтожения? Кто перешёл дорогу чёрным мозгоправам? Убить на арене, в честной схватке — одно, совсем другое — имея условно равные шансы, вести нечестную игру.

Собственно, о чём это я? Обязательно надо заглянуть к товарищу Юнгу. Всех карт я ему не открою, но обязательно дам зацепку на укрытого паутиной тайны покровителя Лексы. Пусть не напрямую, без имён и паролей, но Жозеф не трёхлетний ребёнок и вполне может распутать этот клубок змей самостоятельно. Заодно и интеллект прокачает.

Трель звонка, отозвавшаяся в моих ушках беспощадным набатом, заставила Цукера умолкнуть на полуслове. Он нервно теребил страницы старого фолианта, для крепости подшитого серебряными скобами. Мы, как и полагается прилежным ученикам, остались сидеть на местах, не порываясь на выход, пока преподаватель не закончил хотя бы предложение.

Окинув нас довольным, колючим взглядом, Цукер договорил и молча кивнул головой в знак прекращения лекции.

На выходе из аудитории меня догнала Лекса. Взяв за руку, она потянула меня в подсобку.

— Поговорить надо.

Всё-то тебе надо, пушистый ты кусок лицемерия и лжи. Я улыбнулась.

— Ты после занятий что планируешь?

— К Юнгу забежать обещала. — Лекса побледнела от упоминания фамилии преподавателя.

— Зачем?!

— Он решил мне дать на изучение редкий экземпляр книги с рецептами. По заверениям Жозефа, там есть довольно интересные штуки, — скаля клыки, продолжила я.

— Жозефа?! — в возмущении, чуть не криком, взвизгнула блондинка.

— Ну, он сказал называть его так. — Сейчас я олицетворяла саму невозмутимость.

— Ри, ты с ним спишь что ли?! Почему Жозеф? Почему не мистер Юнг? Ты вообще представляешь, что нам может светить за секс с преподами?!

— Нам может светить небо в алмазах и безграничное наслаждение, — напевно произнесла я и подмигнула Лексе. — Кстати… Ты как после вчерашнего?

Светловолосая бестия оглянулась по сторонам и запустила руки под мою юбку, язычком прощупывая зону декольте.

— Я не прочь повторить… Ри… Ты же просто чудо!

— Хватит! — Я отстранилась, хоть внутри меня и начинало разгораться желание. Потом добавила, но уже чуть тише и спокойнее. — Нам пора на занятия, пойдём.

Глава 24. Нет окна и дверь размыта

Я смотрела в окно. Из открытой форточки веяло ароматами весны и жизни. После сезона проливных дождей начали распускаться цветы, которые наполняли ароматами разгульный ветер. По веткам деревьев прыгали птицы, беззаботно стрекоча что-то на своём, только им известном языке.

Когда-то давно мастер Аарон дал мне попробовать пузырёк с зельем, которое позволяло понимать, о чём говорят животные. Потом он долго смеялся, видя, как я стараюсь заткнуть кошачьи ушки хоть чем-нибудь. Такой глупости можно наслушаться только в психиатрических санаториях. Поэтому… У меня больше никогда не возникало желания послушать, о чём говорят птицы, пусть лучше ЭТО остаётся в моём сознании как «Чирик-чирик».

После того, как нас отпустили, к нашему удивлению, за десять минут до конца занятия, я, пробираясь через Сад знаний, школьный двор, учебные корпуса и столовую, чтобы замести следы для особо любопытных, прошла в крыло преподавателей, без труда отыскав кабинет Юнга.

Табличка на массивных дверях из нечитабельной и с витиеватыми вензелями на этот раз висела стандартная. Это вызвало улыбку на лице: видимо, кто-то из руководства всё-таки сказал Юнгу не выпендриваться с уникальностью.

Сиюминутную радость прервал голос из глубины кабинета.

— Чего ты опять стоишь как памятник? Заходи, Рийзе.

Я потянула за ручку и снова оказалась один на один с внушающим страх подозрительной сущностью инквизитором.

— Здравствуйте, профессор Юнг. — Картинно я отвесила поклон.

— Полно, Ри, давай без официоза. Рассказывай, что там по результатам, — скривился инквизитор, стараясь к разболтанной речи прикрутить серьёзное лицо.

Выходило у него из рук вон плохо.

Я отвернулась. Почему-то сегодня, несмотря на не очень радужное утро, веселье без спроса лезло в мою голову.

— Лекса выговорилась. У неё не покровитель, незарегистрированный Орден, — сказала я, ожидая реакцию Юнга, а потом добавила, желая выгородить бывшую: — Они о руководстве ничего не знают. Она выдала только имена исполнительного планктона.

— Давай по порядку, — прервал мою скороговорку преподаватель. — Что за Орден?

— Менталисты. Как они себя называют «Чёрные менталисты».

В конце прошлого года арены избежала не одна Лекса, а четыре человека на нашем курсе. Они защищают своих. Не думаю, что это ваш профиль, профессор.

Инквизитор нахмурил брови, обдумывая сказанное мной. Он встал с кресла, прошёлся по кабинету и задумчиво уставился в окно. Глубокая межбровная складка, свидетельствующая о напряжённой работе мозга, постепенно разглаживалась. Видимо, весна имеет особое воздействие не только на меня.

— Ри, вы никогда не задумывались о том, что поют птицы?

«… Жук навозный вкусен очень,
расколбас полон горючей,
угр-р-р-р-х, солнышко, б**,
перо вылетело, здесь земля,
почему мне не дает трясогузка,
Гузка, гузка…
У сыча короткий хер
Спа-а-а-ать, оладушек,
моншер.
Чирик-чирик».

Нет уж. Если я ещё раз буду слушать поток сознания мелких пернатых идиотов, то точно сойду с ума. Я представила, в каких муках будет корчиться инквизитор, слушая эту невнятную чушь, доносящуюся со всех сторон или мест, куда проникают звуки улицы.

— Хорошее настроение, Ри?

— Нет. Просто когда-то я пробовала зелье, которое позволяло понимать птиц, зверей и букашек. Это не те сокровенные секреты, которые нам, разумным, стоит знать.

Юнг расхохотался. Отсмеявшись, он спросил.

— У вас есть рецепт этого чуда? Я слышал, что кое-что было раньше в имперских библиотеках, но сейчас этим секретом владеют немногие.

— Мне его давал попробовать мой учитель — мастер Аарон. — Я внимательно посмотрела на Юнга, который даже не изменился в лице.

Весьма странно… Если моё личное дело он читал, то должен знать, где я родилась. И что Аарона забрали как раз совсем другие стражи, не имперские. Точнее, не забрали, а убили. Но и он десяток с собою прихватил. Хороший был дедушка. Жаль, настоящего имени своего так и не открыл.

— Я знаю, что на начало обучения у тебя был бонус в виде хорошей базы, — кивнул головой Юнг, задумчиво глядя в окно.

— Тогда, может быть, вам дать рецепт зелья? — съязвила я.

— Нет. — Он развернулся и медленно направился ко мне.

Было неуютно. Я вцепилась в подлокотники кресла, будто из него меня сейчас выкинут. Неведомый, животный страх заставил моё сердце биться чаще. Расширенными от ужаса глазами я наблюдала за инквизитором, который неспешно приближался.

Он присел на одно колено и больно ухватил меня за запястье. Резкая боль от пяток до кончиков ушей прошлась по моему телу внезапной волной. В глазах потемнело, тёплый дневной свет сменила чернота, рассыпавшаяся в одно мгновение тысячами ярких искр.

* * *

В себя я пришла в глухом подвале. Как эта тварь доставила меня за пределы школы?!

Тянуло сыростью. Бетонные стены, порядком выщербленные от времени, в свете тусклого светильника красовались зелёными островками растительности и тёмными кровоподтёками.

Судя по тому, что я не достаю ногами до пола, а руки, скованные кандалами, предательски болят, дело плохо.

Тяжёлая дверь, скрипя, приоткрылась. Вошёл Юнг. Не тот красавчик, от которого исходили слюнями некоторые одногруппницы. Усталый, потрёпанный жизнью мужчина с абсолютно равнодушным взглядом без какого-либо выражения смотрел на меня и молчал.

Ситуация такая, что слова здесь и вправду становились излишними.

Наконец он после минуты ожидания просьб и мольбы с моей стороны, заговорил:

— Я просил тебя выяснить, кто покровитель Лексы, — голос Юнга звучал сухо и буднично. — Ты выяснила, и сейчас явно что-то скрываешь. Даю тебе шанс рассказать мне всё. Это в твоих же интересах.

— Я не понимаю, что вы хотите, — всё еще пребывая в оторопи от происходящего, ответила я, стараясь не выдать охватившего меня ужаса. — Всё, что вас могло бы заинтересовать, вы услышали в кабинете.

— Ответ неверный. Я до последнего не хотел применять к тебе меры, Ри.

Инквизитор прошествовал к столу, который прятался во тьме дальнего угла. Металлический лязг и мгновенно разгоревшаяся жаровня, отсвечивающая на стену оранжевыми бликами, не

предвещали ничего хорошего.

Холодная, будто изо льда, рука коснулась моей спины.

— Итак, Ри. Расскажи-ка мне о мастере Аароне.

Тонкое лезвие скользнуло вдоль позвоночника от шеи до поясницы. Капли крови слились в тёплый ручеёк, с противным звуком по капле срывающийся на каменный пол.

Я мысленно поблагодарила своего учителя. Оберег молчания пригодится, и сейчас, даже если очень захочется, не скажу этой подлой твари ни слова.

Спина начала болеть. Не так, как затёкшие от оков руки, но это только начало.

— Говори! — Я почувствовала, что Юнг бросил мне в спину какой-то порошок, и тут же закричала.

Соль.

— Ещё? — Из равнодушно-отстранённого голос инквизитора превратился в ехидный.

Я замотала головой.

— Наш сосед. Я помогала ему по хозяйству с десяти лет. Он был очень старым и плохо видел. Двигался с большим трудом. Все над ним смеялись, а мне почему-то стало его жалко, поэтому…

— Чему он тебя учил? — Лезвие упёрлось в подмышку и устремилось вниз, рассекая кожу на рёбрах, боках и бедре.

— Всему. Сначала делать с помощью магии простые бытовые вещи, а когда сосуд Силы подрос, мы перешли к зельям.

— Не хочешь, значит, по-хорошему. — Вдобавок к объятой огнём спине присоединился правый бок.

Я вскрикнула, на глазах выступили слёзы.

— Не надо…

Юнг присел на корточки, и захватил в клещи мизинец на ноге.

— Времени у меня мало, — небрежно бросил он. — Даю тебе ещё один шанс. Аарон учил тебя древнейшему диалекту?

— Нет.

Рывок — и хруст сломанных костей, парализующая сознание боль и мой голос, заходящийся в вое.

— Хорошо. Повторю вопрос ещё раз.

* * *

Ледяная вода привела в чувство.

Говорить я больше не могла. Тело превратилось в зияющий, пульсирующий кусок боли. Кажется, на таких моментах

некоторые осознают, что у них есть ещё и душа, но это не ко мне. Прозрение заключалось в том, что сейчас я умру.

— Рабство покажется тебе раем по сравнению с нашими казематами… — Смысл речей инквизитора был далёк и неважен, будто фоновый шум.

Рабство… Знакомое слово. Слово, всколыхнувшее во мне всю злобу, на которую может быть способна молодая, но очень разгневанная кошка.

Я разлепила спёкшиеся губы и ответила, зная, что на это уйдут последние силы, связывающие вместе тело и разум.

— Ублюдок. Я за тобой ещё вернусь.

— Заб…

* * *

— …удь. — Голос будто из другой реальности.

Я сидела в кабинете Юнга, он так же с силой держал меня за запястье.

— Мразь! — выкрикнула я, отвесила ему оплеуху и выбежала из кабинета прочь.

Жива!

За спиной послышался недоумевающий тон и грязные ругательства инквизитора.

«Забудь». Ха! Этот убогий змей не рассчитал силы. В иллюзии, которую он создал, я умерла, а потому фокус с потерей памяти не прошёл.

Жива!

Прочь, подальше от этого изверга.

Стемнело. Будто в тумане, я добежала до своей комнаты в общежитии и без сил завалилась на кровать.

Сон — лучшее лекарство…

Глава 25. Ночной визит

Выспаться мне не удалось. Разбудил меня всплеск чужой портальной магии. И кого это принесло глубокой ночью.

Кто бы это ни был, пока я была не в состоянии дать достойный отпор, пришлось притвориться, что сплю. Вёл себя гость очень аккуратно. Ноздрей коснулся его запах… Обычный человек, к аромату мужского молодого тела примешался другое знакомое амбре: бумага. Скорее всего, человек пришёл сюда благодаря магическому свитку. Это не инквизиция — те твари передвигались на чистой магической энергии.

Прислушалась. Так и есть хруст бумаги резанул по ушам, что тут сделаешь, типичный подросток, не продумывающий детали. Но зачем он сюда пришёл?

Движения сковывало одеяло, в которое я была плотно закутана. И в этот момент до меня дошло: ушки! Если гость видел, как они поворачиваются, то наверняка догадался, что это была неудачная комедия мёртвого бревна.

Ощущение и горечь провала сами собой подорвали тело с кровати, руки ухватили за тонкое горлышко огромный глиняный кувшин и на слух метнули в незнакомца.

Снаряд достиг цели: через секунду я уже рассматривала бесчувственное тело, распластавшееся среди крупных черепков по ковру.

Ибо нечего лезть ко мне в комнату без приглашения!

И что мне теперь делать с этим телом? Я оттёрла с лица кровь и удостоверилась, что мне не показалось — сокурсник из параллельной группы. Кажется, зовут его Ван, мы пересекались на занятиях, но ничего — ни хорошего, ни плохого я о нём сказать не могу. Совершенно нейтральный тип. Вопрос один, и он главный на повестке этой ночи: что парнишка здесь забыл?

Перенёсся он сюда далеко не случайно, так как двигался с чрезмерной осторожностью.

В несколько секунд обдумав, план действий, я решилась влить в него небольшую часть сыворотки правды. Почему нет? Сами боги велели!

Быстро разбавив порошок небольшим количеством воды, я, воспользовавшись бессознательным состоянием Вана, залила ему в рот зелье. Осталось только подождать.

Когда положенное время вышло, я начала приводить парня в чувство.

И хорошенько же его припечатало! Среагировал гость только на пощёчины: более щадящие методы не действовали.

— Всё, хватит, — хрипло выдавил он и открыл глаза.

— Наконец-то, — небрежно бросила я, — очнулся. Вставай и говори всё.

— Что «всё»? — Он начал подниматься с пола. — И вообще, зачем ты начала бросать в меня, что под руку попадётся?

Я вальяжно прошла к креслу, плюхнулась в него и деловито закинула ногу на ногу, уложив хвост около левого бедра. Поскольку свет уже в комнате горел, парень мог меня хорошо разглядеть. Чёрно-красный ажурный халат с алым поясом на талии явно смущал Вана, но паранжи, увы, у меня не было, да и неудобно в ней. Я с раздражением заметила, в какие места устремлён взгляд Вана, и немного разочаровалась. Хлебом не корми, всё равно на грудь смотрят. Даже обидно. Чтобы прервать молчание, я задала закономерный вопрос:

— Никогда не видел четвёртый размер?

— Видел… — покраснел собеседник. — Но зачем ты в меня вазу бросила?

Я ухмыльнулась. Совсем глупый, что ли? Или у парней между своими всё-таки существует подобная практика — гулять по женским комнатам ночью? Если да, то я о ней ничего не слышала, да и Юнг только-только знатно потрепал мои нервишки. Чего он ждёт? Что отвечу, зачем бросила кувшин? Ну ладно.

— Бросала я, потому что нечего было в чужую комнату среди ночи проникать.

— Видеть-то четвёртый размер я видел, — чуть не давясь слюной, продолжил Ван. — Но не трогал. Был бы не против такой возможности — пощупать, оценить, так сказать, — ответил он честно, не подозревая о воздействии сыворотки.

— Губу закатай, садись и рассказывай, зачем ты здесь, — холодно проговорила я. Так как кресло было занято мной, парень решил сесть на кровать, но пришлось остановить: — На кровать нельзя. Вон стул, — указала я пальцем. — Бери и садись напротив меня.

— Да что так строго? — возмутился гость, но сделал, как попросила. — Допрос, что ли?

— Нет. — Я изобразила милую улыбку и через миг сделалась вновь серьёзной. — Внимательно слушаю.

— Хорошо. Расскажу, как есть, — начал он. — Недавно был у профессора Кессабита, и он рассказал, что меня кто-то пытался убить. Предположительно, менталисты. Вот он и посоветовал поближе познакомиться с кем-то из кошек, потому что они чувствительны к подобным проявлениям магии.

— Интересно, — я подумала, что это слишком странно. Сначала о менталистах рассказывает Лекса, потом этот… что

вообще происходит? Вслух же я спросила: — То есть ты решил, что я просто так буду тебе помогать? И не нашёл, как лучше это сделать, потому явился среди ночи?!

— Да нет же. Просто тебя в школе не поймаешь. То ты в библиотеке, то ещё где-то с подружкой своей носишься. Тем более в другой группе. И я не говорю, что просто так помогать. Можно же поговорить. Я был бы не против дружеских отношений.

— Видя то, как ты пялишься, сомневаюсь, что только дружеских. Хорошо, давай дальше. Как сюда попал?

— Найс добыл где-то свиток. Сейчас покажу. — Он сунул руку в карман и ничего не нашёл. Залез в другой — и там пусто.

Глупый человечек. Свиток был уже не у него.

— Не ищи. Твой свиток у меня, — остановила я его бессмысленные поиски.

— Очень нехорошо поступила. Верни, пожалуйста. Это не твой свиток.

Простой. Глупый. Наивный. Ну как он умудрился дожить до второго курса?

— Не мой, но я его отдам, когда наступит время. А сейчас слушаю дальше. Ты же не всё рассказал.

— Ты права, сегодня вечером я виделся с Арнати с пятого курса. Она назвала меня чёрным менталистом, но дело в том, что я ещё с начала второго курса оттуда ушёл. И в отличие от них на арене выступал, как ты знаешь. Может, из-за этого они и занялись мной. Да, наверное, так и есть. Я сейчас подумал. Если ими однажды займётся Инквизиция, не коснётся ли меня это? У меня и без них проблемы всплывают одна за другой. — В этот момент он остановился.

Вот и славненько. Значит, парнишка не подсыл, его ко мне привело совсем другой тропой. Но почему именно ко мне — непонятно. Я почувствовала, что меня начал снова одолевать сон. Глупости, конечно, но режим надо восстанавливать. Ещё одно заклятие на комнату повесить, что ли?

— Прекрасно. Я узнала даже больше, чем думала. — Довольная, я поднялась с кресла и выключила свет. — Я спать ложусь. Завтра продолжим. — Я начала стягивать с себя халат. — Не смотри на меня. Понял?

— Это-то я понял. Но свиток верни. Мне нужно попасть в комнату.

Пришлось сделать вид, будто не слышала. Освободилась от халата и легла в кровать, накрыв себя одеялом.

— Свиток ты получишь в лучшем случае завтра. Будешь знать, как без разрешения заходить в гости. Доброй ночи. — Я перевернулась на бок, зевнула и глубоко вздохнула.

— Спокойной, — недовольно буркнул Ван и перебрался в моё кресло.

Вот и отлично поладили.

Глава 26.Сон и Явь

Выходка этого нахала чуть не сыграла с ним злую шутку. Ван, конечно, рожа наглая, но в подозрительных делах ни в этом году, ни в прошлом замечен не был.

Я слышала его возню. Парень явно старался произвести поменьше шума.

Мерное, не слишком раздражающее шелестение покрывала, глухой звук скидываемых на ковёр подушек убаюкивали. Я почти моментально провалилась в сон.

Передо мной раскинулась изумительно яркая, зелёная поляна, усыпанная контрастной россыпью полевых цветов. Я засмеялась и с радостными мыслями начала собирать букет. Красные маки, которыми многие брезгуют, считая однодневками, мышиный горошек, львиный зев — буйство красок услаждало взгляд, пока…

Кажется, я споткнулась и провалилась в яму. Чувство падения, когда перехватывает дыхание и страх, поселившийся где-то в животе — такое ни с чем не спутать. И снова подвал. Юнг помахал передо мной какой-то ржавой, измызганной в чужой и моей крови и загнутой в неполное кольцо палкой.

— Успокойся, Ри. — Крюк вошёл в один из порезов на бедре, зацепив мышцы и край кожи. — Говори мне всё, говори. Рассказывай.

Я молчала, кусая и без того мятые, в засохшей крови губы. Слёз уже не было — все запасы закончились много часов назад.

— Говори, я сказал! — Он дёрнул за крюк. Меня обожгло болью, и сознание милостиво померкло.

Ведро ледяной воды выдернуло из блаженного небытия.

— Думаешь, если это иллюзия, ты протянешь ещё?!

И тут до меня наконец дошло понимание, что я могу использовать Силу. Древняя магия запечатана оберегом, но у меня осталась совсем другая — легальная. К черту личные запреты и принципы! Иллюзия, говоришь?

Всё, что у меня было, я превратила в кристаллы. Сосуд силы мгновенно опустел. В ту же секунду бросила всю мощь, которая была подконтрольна, в незадачливого инквизитора и с наслаждением наблюдала, как кривая ухмылка прекратилась в гримасу боли, а мерный, будничный говор — в царапающий слух крик…

— А-а-а-а-а-а! — Я подорвалась с постели, лихорадочно оглядывая комнату.

Не может быть! Впору рвать на себе волосы и добровольно

идти на костёр!

Ван корчился на полу, не понимая, за что ему досталось. Рваные и грязные от крови лохмотья вместо одежды прятались в густой алой луже, быстро растекавшейся по ковру.

— Да твою мать!

— А-а-а-а! — Ван не мог даже связно говорить. Дело совсем худо.

— Спать! — выкрикнула я, заплетая чары.

Терпеть боль ему ни к чему. Всё объясню потом, как исправлю. Вот только хватит ли сил?

Я метнулась к тумбе, где стопками лежали пергаменты для создания свитков. Прорисовка образа «Закрытие ран» заняла не больше чем полминуты.

Ещё один пергамент. Круг, пятиконечная звезда, вязь слов, неразрывно соединённых друг с другом, немного соли и воды. «Восстановление кровопотери».

Лицо Вана из иссиня-бледного превратилось румяное, страдальческая гримаса исчезла, и я, успокаивая дыхание, села. Теперь он хотя бы не умрёт. Но поработать всё ещё нужно, иначе раны зарубцуются.

Как назло, у меня под рукой на этот случай не было ни книги, ни рецепта, ни готового зелья. Если использовать чистую магию, то Силы не хватит даже на половину запланированных работ.

Что же я наделала?! Чёртов Юнг, чтоб его лапимальеры на части драли!

Время — четыре утра. На горизонте занимается рассвет. Это тот самый период, когда сон сладок и крепок. Я прочитала заклинание и перенесла Вана на свою кровать, стараясь сделать это максимально аккуратно. Он скривился, но не проснулся. Дыхание сменилось на прерывистое, но потом успокоилось.

Самое противное то, что сосуд Силы почти моментально впитал его боль и наполнился до краёв свежими страданиями. Я всегда брезговала такой энергией. Теперь она как нельзя кстати.

Глянула на безобразную лужу крови, потом ещё раз изучила содержимое полок. Нет. Оставлять его одного здесь не вариант, звать кого-либо на помощь — тоже.

Есть один-единственный выход. Я, конечно, рискую, но… В конце концов, пытки Юнга прошла. Если у него есть способ учуять применение артефакта — карты в руки. А я должна исправить то, что сделала. Ван виноват лишь в том, что оказался не в то время и не в том месте.

Думай, Ри, думай. Кто у нас не спит в четыре часа утра? Декан? Не факт, да и слишком опасно. Уборщики? Бесполезно, а

потому не стоит рисков.

Архивариус Грусиус. Да, эта крыса определённо не спит.

Старший архивариус уже много лет пытается выслужиться и попасть в касту кураторов, но безуспешно. Об этом знают все ученики и втихую посмеиваются. Сухой, длинный как шпала, маг-табличник истинно не понимает, почему его за последние десять лет так и не повысили. Искренне жаль этого нескладного, неумного и очень заносчивого служивого, но ничего не поделаешь. Как минимум, подозрительные действия планктона никто не оценит как стороннее воздействие. Я выдохнула и поплелась за миской с водой. Взяв горящую свечу, разлила по дну воск и прочитала «Досье».

Имя, дата и время рождения с точностью до минуты. То, что нужно.

Заклинание простенькое и в классической школе бесполезное. Максимум, который используют все ученики и многие преподаватели, — узнать точную дату дня рождения. Мне же «Досье» просто необходимо.

Ещё раз убедившись, что парень спит, прочла «Призыв Пустоты» и вырвала у себя из хвоста волос. Это неприятно. После нехитрых манипуляций с узлами в руках у меня оказалась шкатулка.

Я любовно её погладила. Привет, родная. Давно не виделись. Да, я тоже очень по тебе скучала. Тёмное, старое дерево ответило приятным теплом и мягким, едва уловимым свечением.

Приступим. Карандаш заскользил по крышке шкатулки, выводя имя «Грусиус Цап» и его временные координаты на древнейшем языке. Замочек, переварив информацию, открылся, давая доступ к трём предметам. Но для начала я наложила «Иллюзию» на голос. Архивариус терпеть не мог особ женского пола, а потому звуки придётся трансформировать.

Готово. Шкатулка уместилась на моих коленях. В правую руку я взяла иссушённое ухо со странной, почти бархатной поверхностью, а в другой уместилось равнодушно-холодное стеклянное око.

Ну что, Грусиус Цап, ты готов к продвижению по службе?

Око открыло перед внутренним взором стол, на котором с усердным перфекционизмом архивариус разложил папки, свитки и фолианты с записями. Одиноко горел светильник, бросая бледно-жёлтые отблески на массивный дубовый стол.

— Грусиус, сын моего рода!!! — взревела я громовым голосом так, что сама испугалась.

— А?! Кто здесь?! — Картинка дёрнулась из-за прыжка архивариуса, а потом плавно, но быстро показала мне кабинет.

— Слушай внимательно, потомок. — Я старалась быть убедительной, придавая иллюзорному резкому тембру глубокую серьёзность. — Сегодня пробьёт твой час, и если будешь готов, удача улыбнётся тебе. Мечта последнего десятилетия сбудется. Звёзды говорят, что сейчас наступает период твоего возвышения.

— И… Как мне подготовиться? — спросил Грусиус, садясь на прежнее место.

— Встань! — Он подорвался с места. — Иди в Синюю библиотеку.

— Зачем?!

— Ты хочешь всю оставшуюся жизнь сидеть архивариусом или, наконец, начнёшь действовать? — решила надавить я на его вечную жажду трудоголика.

— Я иду. Но кто ты? — Цап не торопился выходить из кабинета, ставя меня в неудобное положение. Расспросы нужно прекратить.

— У тебя есть три вопроса на отвлечённые темы. Первый ты использовал, осталось два. Итак, я — Ведон, хранитель твоей семьи. В следующий раз думай, прежде чем что-то спрашивать.

— Хорошо, Ведон, — кротко ответил Грусиус, разом успокоившись и прибирая письменные принадлежности. — Иду. Что мне там нужно?

— Так-то лучше. Тебе нужно знать, как с помощью свитка срастить рваные раны. — Я посмотрела на кишки, отсвечивающие из живота Вана и лохмотья мяса, держащиеся на лоскутах кожи в нескольких местах.

Ван, будто бы чувствуя мой взгляд, застонал.

— Ведон, а что это за звук? — поинтересовался архивариус.

— Грешники это, Грусиус, грешники… Здесь мы все вместе. Исполни свой долг, Грусиус, и ты никогда не будешь издавать таких стонов. Ты использовал второй вопрос.

— Ой, — спохватился Цап.

Между делом я придвинула к себе поближе пергаменты, а глаз и ухо положила рядом, накрыв левой ладонью.

— Поздно, — с насмешкой в голосе ответила я. — Ищи труд Флавиценны.

— Но…

— Никаких «но». Открывай раздел «Реанимация при полостных ранениях».

Архивариус послушно перечерчивал свитки, и я вместе с ним.

Два расходника мы создали, используя труды Флавиценны, ещё один касался реабилитационной, эстетической стороны лечения.

Увлёкшись процессом, который в самом деле доставлял ему

удовольствие, Грусиус между делом спросил:

— А откуда ты знаешь, что мне пригодятся именно эти свитки?

— Ты задал третий вопрос, потомок. Знай же, что совсем скоро наступит момент, когда это знание даст тебе возвыситься над остальными. Спрячь их в сумке и всегда носи с собой, потому что это время уже близко… А теперь иди спать. Будет день и будет пища.

Я убрала ухо и око обратно в шкатулку. Прочитав «Отзыв в Пустоту», вновь спрятала артефакт. Надёжно и всегда при мне. В отличие от обычной, классической школы магии, вовсе не затратно.

С довольным видом осмотрела три свежеиспечённых одноразовых артефакта. Их создание высосало Силу, оставив крохи на донышке сосуда. Ничего…

Единственное, что меня коробило — это время, которое утекало сквозь пальцы. Успеть починить Вана нужно хотя бы до начала второго занятия.

Я аккуратно освободила его от лохмотьев и приступила к делу.

Моим планам не суждено было сбыться в отличие от предсказания, которое я в шутку дала Грусиусу…

Глава 27. Как с пользой прогулять пары

Покромсало Вана знатно. С другой стороны, ему откровенно повело: артефактор — это не чихнувшая мышь, а малораспространённая специализация. На создание свитков третьей-четвёртой ступени у меня ушло раз в десять меньше энергии, чем если бы это делал рядовой ученик. Это мне и в преимущество, и одновременно в недостаток.

Многим в школе повезло иметь боевую спецификацию — им проще всего удавались смертоубийственные заклинания. Кому-то больше удавалась магия ментального воздействия, иллюзии или исцеления.

Если я доживу до пятого курса, то, скорее всего, только с развитым навыком материализации предметов. Как ни прискорбно это осознавать, но боевые заклинания меня истощали почти моментально, другое дело — создание из ткани пространства взрывоопасных кристаллов, клинков, льда… Вроде бы на вид поражающие элементы одни и те же, но принцип подчинения материальной действительности совершенно другой.

Я аккуратно очищала раны Вана от крови и случайно попавших туда нитей одежды. Долгая, кропотливая и малоприятная для обеих сторон процедура, но перед восстановлением это сделать обязательно нужно. Мёртвая плоть и посторонние предметы, если их не удалить на этапе перед лечением, в будущем могут доставить своему носителю достаточно неприятностей.

— Ри! — Дверь начала открываться, пропуская вперёд Виллу, но я оказалась быстрее.

Единым рывком пришлось выскочить в коридор, пряча за спиной испачканные в крови руки.

— Вилла, иди на занятия, — затараторила я, делая взгляд как можно более сонным. — Меня не будет.

— Х… Хорошо. — Синеволосая кукла послушно кивнула, оглядывая мою неестественную позу. — Что мне сказать, если Лекса спросит? Она, вон, караулит этажом ниже.

— Намекни ей, что я в одном из тренировочных залов. Или где-нибудь в библиотеках. Всё остальное вечером. Заходи после четырёх.

Сверкая глазками цвета индиго, Вилла искренне улыбнулась и подмигнула. Её щёки занялись лёгким румянцем.

— Договорились, Ри. Я зайду после пяти. Думаю, и тебе, и

мне так удобнее.

Я оглянулась по сторонам и быстро поцеловала её в губы.

— До встречи.

Вернулась в комнату. Так, ничего не забыла? А дверь следовало запереть для всех. Страх того, что Ван сляжет или умрёт, заставил позабыть меня о безопасности в принципе как таковой. А если бы инквизитор зашёл, пока я болтала с Грусиусом? Что бы было? Сказать или промолчать под пытками — это одно, а быть пойманной с поличным — полное фиаско. Дверь надо запирать. И точка.

О чём это я? Ах, да. Надо прочитать «Концентрацию» — недосып и нервное напряжение последних дней могут самым нехорошим образом сказаться на таком ювелирном деле, как восстановление.

После очищения ран пришлось собрать остатки пазла: я вернула на место болтавшиеся лоскуты кожи и куски мышц. Отыскала в комнате край левого уха и… кое-что ещё. Аккуратно приставила всё по местам, прикрыла глаза, сосредотачиваясь на желаемом эффекте, и разорвала свиток.

В течение получаса пришлось наблюдать, насколько правильно всё срастается, ибо даже в некоторых книгах были описаны забавные с точки зрения постороннего, и плачевные для пострадавшего случаи, когда правая и левая кисти менялись местами; ещё чаще в полный раздрай попадали пальцы. Апогеем глупости было «возвращение» телу совершенно ненужной запчасти.

Если смотреть трезво, то курьёзы случались в основном в военно-полевых госпиталях на диких окраинах при крупных столкновениях. Когда аврал и десятки раненых, а лекари по несколько суток не спят, вероятность ошибки всегда увеличивается.

Но лучше уж так, чем совсем никакой магии: там, где я выросла, в нескольких тысячах километров, о магической школе ходили только мифы и легенды. Люди лечились по старинке: травами, камнями, а от серьёзных травм умирали или оставались инвалидами без права на жизнь.

Похоже, кусок члена я Вану поставила всё же кривовато. Поджав губы, пришлось подправлять — вряд ли парень простит мне столь досадную оплошность.

Полное действие свитка длилось порядка двух часов. Ещё раз перепроверила: всё на месте. Приступим к покрывшимся сухой плёнкой кишкам. Там не было ничего критичного, но на всякий случай я всё же создала для этого отдельный пергамент: никогда не лечила настолько серьёзные травмы, оттого накосячить было

страшно.

Треск второго свитка разорвал тишину комнаты в клочья. Ван скривился, начал стонать и ворочаться.

Я не видела объективных причин, почему его в глубоком сне преследует боль, пока не догадалась взглянуть на парня через призму Истинного взгляда — умения, которое чаще всего встречается именно у кошек.

Спокойная аура истощенного ранениями организма светилась белым, периодически мелькая красными сполохами активности. Но это было ещё не всё. В некоторых местах, по краю, проскальзывало что-то чёрное, чужое. Оно хорошо маскировалось, то и дело рассыпаясь микроскопичекими точками, и, надо сказать, ОНО делало это достаточно хорошо. Отойти чуть подальше, и ничего подозрительного не заметишь. Надо будет порасспросить Вана, что это за Сущность он приютил — уж больно хитрое у неё исполнение.

Время третьего свитка пока ещё не пришло, так как действие первых двух были ещё не закончены. Тоскливо посмотрев на Вана, я пошла в душ. Прибралась, вернув хаосу в комнате некое подобие порядка. Потом уселась в кресло, заварив себе кофе и… поняла, что дико хочу спать. Желательно не меньше суток без перерывов. С мыслями о том, что режим этой школы меня когда-нибудь доконает, я задремала.

Из лёгкой дымки подобия сновидений меня вырвало копошение Вана. Он попытался перевернуться на бок. Спрыгнув с кресла, я подошла к парню и внимательно рассмотрела свою работу. Отлично. Белые полосы новой кожи виднелись то здесь, то там, но главное, что вся починка позади. Глянула на часы. Закончилась уже третья пара. Отхлебнув остывшего кофе, разорвала над Ваном третий свиток, чтобы никто со стороны не догадался, что здесь произошло, и произошло ли вообще.

Парень пришёл в себя. Взгляд ошарашенно блуждал по потолку и стенам, и я наконец решилась спросить.

— Как себя чувствуешь?

— Превосходно. Что со мной было? — поинтересовался он, видимо, на автомате натягивая на себя мой халат, который подхватил с тумбочки.

— Не столь важно. Давай потом поговорим об этом, хорошо? — примирительно ответила я, разглядывая голого парня, который сейчас был слегка не в себе.

— Хорошо. Ты отпустишь меня наконец?! — Он быстрым шагом направился к двери, похоже, плохо соображая, что происходит вокруг.

— Ван, — решила уточнить я. — Глянь-ка в зеркало.

Он повернулся и увидел там бледного парня в роскошном чёрно-красном халате.

Сквозь зубы выматерившись, сдёрнул с себя шелковую ткань и, прикрывая руками самое интересное место, начал метаться по комнате в поисках своей одежды.

— Ты, конечно, можешь сейчас уйти через дверь, но дойдёшь вряд ли. А тряпки свои можешь не искать, их пришлось сжечь.

— Зачем?! — удивился он, явно не понимая, что боль, которая низвергла его в состояние комы, пришла неспроста.

— Ван, я всё объясню, но позже. Сейчас ты можешь успеть к началу четвёртой пары. Держи.

Он ловко поймал свиток, который я отобрала накануне, но почему-то мешкал.

Кто-то с силой дёрнул за ручку двери, но, не добившись результатов, начал стучать.

— Ри! Ри! — узнала я голос Виллы.

Пришлось открывать. Синеволосая, фурией влетев в комнату, сначала уставилась на Вана в неглиже, а потом обратилась ко мне.

— Тебя Юнг ищет! Срочно! Злой как чёрт, он обошёл уже все библиотеки! Теперь по боевым залам шляется!

— Хорошо. — Я вытолкала Виллу из своей комнаты. — Иди отсюда. Сейчас же!

Синеволосая испуганно и с некоторой обидой посмотрела на меня — в глазах читался немой укор.

— Иди уже, вечером поговорим! Быстрее!

Потом я обернулась к Вану.

— Чего встал?!

— Кажется, я что-то припоминаю… — с неуверенностью в голосе начал говорить он.

— У себя будешь вспоминать. Дави на тапок! Живо!

— Да что случилось-то?!

— Сказала: брысь!!! — и добавила немного убедительности своим словам: — Сейчас здесь будет инквизитор.

Глава 28. Схема, которая должна сработать

Ван исчез, а мне срочно нужно было хотя бы что-нибудь предпринять. Почему Юнг меня разыскивает, почему злится и бегает по всей школе с выпученными глазами? Тысяча вопросов, среди которых есть один главный: что мне со всем этим делать?

— ТЫ ГДЕ??! — проорало в моём сознании.

— Я бы ответила, но женский врач утверждает, что там тоже нет, — съязвила я, маскируя волнение под полное спокойствие и безразличие.

— Ты мне нужна. СЕЙЧАС. Жду тебя в своём кабинете, — небрежно бросил Юнг, видимо, решив, что у меня слишком короткая память.

Но он ошибся. Я не страдала синдромом жертвы, и повиноваться не собиралась. Вообще, слишком реалистичный сон дал мне понять, что я хочу в действительности: убить его.

— А с чего вы взяли, профессор Юнг, что ваше желание будет исполнено? Наша последняя встреча совсем не задалась.

— Ри, прекрати. Ничего страшного с тобой не случилось. Ты жива и здорова. И сейчас мне очень нужна.

— Зачем? — Это было уже любопытно.

— Объясню при встрече, — коротко ответил инквизитор.

Своими руками устранить Юнга вряд ли получится, потому что сложно определить, какая на нём защита. В иллюзию инквизитор поверг меня с помощью скрытого артефакта — прямое воздействие Силы или хотя бы её приближение я бы смогла почувствовать.

— Сейчас не могу. — Пришлось потянуть время. — Через час я буду рада вас видеть у себя в комнате. Комнату подсказать?

— Да.

— Пятьсот тринадцать. Пятый этаж, — промурлыкала я, бросая Юнгу удочку с эротическим подтекстом.

— Буду, — ответил инквизитор, видимо, успокоившись.

Эх, как же я люблю мужчин, которые что-то скрывают! Они всегда отвечают односложно и будто без эмоций, оставляя всё вкусное на переработку собственным мозгом. Юнг не исключение. Его явно распирало от необходимости, но вместо того, чтобы сказать хотя бы что-нибудь по делу, он открестился банальной фразой.

Когда канал связи схлопнулся, я стала лихорадочно соображать, что же мне делать? Читай книги на Книгочей. нет.

Поддержи сайт — подпишись на страничку в VK. Почему он всполошился? Засёк всплеск энергии моего артефакта? Похоже на то. Но опять же, фигушки что он из меня вытрясет. С другой стороны, под подозрением у него только я, и ситуацию в корне надо менять.

Убить Юнга? Не факт, что получится, и даже если удача мне улыбнётся, на его место придёт другой инквизитор.

Что предложить этой твари вместо мелкой рыбёшки, чтобы совсем отстал? Только акулу. И претендент на это место у нас только орден чёрных мозгоправов.

Найдя выход, я хищно улыбнулась. Прости меня, Лекса, возможно, это подло. Но ты начала первая.

Стоило наложить небольшую иллюзию для изменения голоса. С точными данными мне помогло «Досье».

Я проверила дверь, и второй раз за день достала шкатулку. Мелком вывела полное имя Лексы и дату рождения. Замок щёлкнул, и крышка показала мне три предмета с очень приятными возможностями. Для осуществления задуманного мне понадобится только ухо. Я взяла в руку иссушенный хрящ и зашептала.

— Я уже иду. У тебя и остальных членов Чёрного Ордена есть полчаса, чтобы сдаться. Будьте благоразумны. За вами наблюдают давно, а вы не раз показали, на что способны. Через сорок минут жду всех членов ордена у центрального входа в женское общежитие. Я понятно изъясняюсь?

Лекса наверняка оторопела, но око я брать сознательно не стала, чтобы держать под контролем свою комнату.

— Поняла… — ответила моя бывшая безжизненным голосом.

— Бежать вам некуда. Созовите всех членов ордена и ждите. Император всегда справедлив. И без фокусов!!!

— Х-х-хорошо. — Голос Лексы звучал очень слабо.

Испугалась, бедняжка. Ну что же, у каждого разумного случаются такие моменты, когда страшно.

Наверняка сейчас побежит докладывать остальным участникам ментального подполья. Я усмехнулась. Для верности надо проделать эту шутку ещё с парой учеников, только постарше. Паника. Мне нужна их паника.

Я закрыла шкатулку и снова написала имя.

Это может показаться забавным или нелогичным, но догонять и атаковать всегда проще, чем сидеть и мучиться в неизвестности. Что решат сделать менталисты? Придёт ли инквизитор? Пересекутся ли прямые, чтобы на ровном месте создать ситуацию, выгодную именно мне?

Через полчаса во дворе стало оживлённо. Я смотрела из окна,

стоя на лестничной клетке на относительно тихий дворик и нутром чувствовала приближение угрозы. Движения чёрных бросалось в глаза дёрганностью. Кто-то выходил из парадного входа, кто-то подтягивался с мужского общежития, пара персонажей оказалась здесь при помощи порталов. Держались они разрозненно, но их выдавали слишком скованные жесты и бесцельные прогулки.

Невдалеке показался обеспокоенный декан одного из факультетов, следом за ним по пятам следовал мой утренний собеседник — Грусиус Цап. Архивариус не упускал случая угодить руководству, а потому его появление меня не слишком удивило.

Из-за поворота появился Юнг. Собственной персоной. Вместо привычной, обыденной одежды на нём красовалась мантия цвета густого красного вина. Мозгоправы оживились, но инквизитор их будто бы не замечал. Уверенным шагом он шествовал к парадному входу к моему общежитию, и я сомневалась, что кто-нибудь мог бы его остановить. Но вот к ордену менталистов это никаким боком не относилось.

Обступив Юнга плотным кольцом, они не оставили ему шансов пройти мимо.

Глава 29. Побоище

Инквизитор обратил внимание на ситуацию только тогда, когда столкнулся лицом к лицу с одним из учеников. Он сделал шаг в сторону, но пропускать его никто не намеревался. Окружившие «Чёрные» крепко сцепили руки и запели. То, как бурлила Сила, сопровождаемая их хором, я чувствовала нутром. Она не сопровождалась эффектами, была невидимой глазу, но меня, будто от тошнотворного запаха, выворачивало наизнанку. Началась головная боль. Но даже это не отвратит любопытную кошку от раскрытого окна.

Всё-таки менталисты решили атаковать. Среди них были только ученики, мелкие сошки. Ни преподавателей, ни кого постарше я там не увидела. Бросили своих шестёрок в мясорубку… Ненависть к чёрному ордену полыхнула во мне с удвоенной силой.

Юнга понесло. Он сник как безвольная марионетка, будто кролик, зачарованный змеёй, скинул мантию и достал из-за голенища ритуальный кинжал. Кривой, с письменами, которые издалека мне было сложно разобрать.

Остальные, кто не причастен к действу, разбежались по краю двора, как тараканы, спрятавшись по углам и трусливо наблюдая за тем, что происходит в кругу, состоящем из менталистов, впавших в магический транс.

Юнг сопротивлялся. Это было видно по движениям, которые он проделывал, будто переступая через себя. Инквизитор откровенно проигрывал. Его лицо превратилось в гримасу противостояния. Смерть ищейки карающего ордена сейчас не играла мне на руку. Наоборот, он должен остаться в живых.

Мысль о том, что я должна помочь мелькнула и сразу же пропала.

Лезвие ритуального ножа неотвратимо приближалось к шее инквизитора. Хор чёрных становился громче. Я на секунду прижала ладони к ушкам, чтобы не слышать их заунывного пения. И тут меня будто молнией ударило. Да эти твари всех вокруг гипнотизируют. Сволочи!

Я подхватила цветочный горшок, забралась на подоконник и бросила в самого старшего члена круга, не забыв придать импровизированному снаряду в полёте нужную траекторию простеньким заклинанием, которое формировалось на образ в сознании.

Цветочная икебана была сама по себе немаленькой, а высота пятого этажа и сила, которую она набрала за время падения, и

вовсе придали ей убойной мощи. Старшекурсника буквально вырвало из круга. Разбитая голова безвольно повисла на шее и тело, будто в замедленной съёмке, начало падать вперёд.

Круг разорван. Как только структура контура стала нарушенной, инквизитор, не опуская руки с кинжалом, издал рёв, в разные стороны испуская из своей тушки вращающиеся с бешеной скоростью диски. Стройный хор сменился душераздирающими криками боли, парадный вход в женское общежитие пестрел разрастающимися алыми лужами.

Юнг с презрением отбросил от себя нож и посмотрел в окно. Увидев меня, он заорал:

— Рийзе, твою мать! Спускайся немедленно!

Ага, сейчас. Я замотала головой, изображая страх. В какой-то мере моё лицо действительно выдавало истинные эмоции. Их всех убил не инквизитор. Это сделала я.

— РИЙЗЕ! — Голос Юнга ворвался в моё сознание. — Ты мне нужна! Сейчас!

— Нет. Там… Там… — Я всхлипнула. Руки тряслись, поворачивая ручку, чтобы открыть дверь своей комнаты. — Там трупы. Профессор, я не могу…

И это было отчасти правдой. Осознание того, что это всё произошло с моей подачи, оглушило. Прав был мастер Аарон, когда говорил, что я добра до тех пор, пока речь не зайдёт о моём собственном благополучии. Как всегда, он оказался прав.

— Спустись и помоги мне. — Тон инквизитора из нервного мгновенно сменился на холодный и рассудительный. — Здесь ещё есть живые. Прошу. Клянусь, я не причиню тебе вреда. Выходи.

— Хорошо.

Я схватила с тумбы стакан с водой, охладила и выпила залпом. Немного полегчало.

Сердце бешено колотилось, стараясь вырваться из тесной грудной клетки. Так дело не пойдёт. «Концентрацией» злоупотреблять нельзя, но сейчас именно тот случай.

Вниз я спускалась, будто восходила на эшафот. Это конец. Юнг, явно нервничая, отдавал распоряжения. Изуродованные, нашинкованные тела и отлетевшие конечности заворачивали в магический кокон и относили в сторону морга. Убирали в основном старшекурсники, но встретились и два преподавателя, оказавшихся неподалёку. Ава. Преподавательница Красной магии помогала зачищать останки членов своего же ордена. Пусть и подпольного. Её хладнокровию можно было позавидовать. Лицо не транслировало ни одной эмоции, маска безразличия упала один-единственный раз, когда она украдкой глянула на меня с ненавистью, а потом вернула себе прежнее выражение, как ни в

чём не бывало.

Только один труп никто не трогал. Это был декан, который появился здесь неизвестно зачем.

Над ним причитал архивариус. Тело было располосовано пополам: от паха до межбровья. Грусиус бил себя в грудь и кричал что-то о том, что такие раны он залечить не в состоянии.

Я отвернулась. Здесь не раны залечивать, а делать полноценное воскрешение, параллельно убив на это тучу свитков. Те разовые артефакты, созданные сегодня утром под моим руководством, что архивариус носил с собой в сумке, уже не помогут.

— От «Гнева Инквизитора» не спасёт ни один свиток. — Тяжёлая ладонь Юнга опустилась мне на плечо. — Мы сами с трудом лечим раны, которые нанесли своими заклинаниями. Они… Мертвы окончательно и бесповоротно.

По моим щекам катились слёзы. Это. Сделала. Я.

Чудовище.

— У нас есть четверо выживших, Ри. Мне нужна твоя помощь.

— Зачем? — прошептала я сдавленным голосом.

— Чтобы я не упустил ни одну деталь. Слишком странные события здесь творятся. Их всех бросили на меня как пушечное мясо.

От этих слов я повернулась к Юнгу и уткнулась ему в грудь, обильно перепачканную чужой кровью. Сил сдерживаться больше не было. Я сжимала в кулаках плотную ткань его рубашки и рыдала. Громко, приступами, стараясь выпустить из себя всё, что накопилось за последние дни, и больше к этому не возвращаться.

Юнг погладил меня по голове и поцеловал в макушку.

— Не плачь, Ри. Так было нужно.

Глава 30. Новый шаг

Не знаю, сколько я простояла, уткнувшись в инквизитора. Может быть, пять минут, а может — целый час. Наконец, выплакавшись и оторвавшись от него, спросила:

— Чем я могу им помочь?

— Пойдём, — мрачно ответил Юнг, прижав меня ещё ближе к себе. — Объясню, что делать.

Инквизитор повёл меня через Сад Знаний в странную пристройку. Она пряталась за корпусом, где заседал Высший совет. Забавно, но ни мне, ни остальным до этого архитектурного сооружения никогда не было дела, хотя я помню, что оно здесь стояло всегда. Подойдя ближе, нутро взвыло, ощущая «Отвод глаз» и «Животный ужас». Это же просто внештатный лазарет!

Да… Со временем я становлюсь на порядок чувствительнее к чарам.

Мы прошли в узкую, малоприметную дверь и оказались в длинном коридоре. Юнг не стал вести меня куда-то дальше, а пригласил в первую же комнату. Преподаватель жестом пригласил сесть, а сам занял место напротив, в тот же момент уйдя в свои мысли.

Я пребывала в странном состоянии: непривычные вещи вызывали безразличие, даже на инквизитора мне на самом деле было плевать.

Наконец, что-то обдумав, Юнг обратился ко мне:

— Как себя чувствуешь, Ри? — Преподаватель впился в меня изучающим взглядом.

— Нормально, — сухо ответила я, ни капли ему не соврав.

Инквизитор поднялся и налил мне воды.

— Послушай, — решил начать он, протягивая мне стакан, — я знаю, что это тяжело. Смерть обескураживает, но все мы через это проходим. Ты пользовалась правом первокурсницы?

Я молча кивнула. У девочек в самом начале обучения есть привилегии. Переход на второй курс нам не обязательно было оплачивать жизнью соперника. Кто-то из девчонок игнорировал поблажку, у меня же на убийство будто стоял невидимый блок. Все три мои соперницы на арене в конце первого курса остались живы.

— Значит, ты ещё никогда не убивала?

— Нет.

— Всё бывает в первый раз. Четверо выжили, и мне нужна твоя помощь. — Юнг встал, достал с полки книгу и стопку пергаментных листов. — Их надо привести хотя бы сознательное

состояние.

— Можно мне их для начала осмотреть? — робко спросила я, глядя в глаза инквизитору.

На секунду он задумался.

— Да, пойдём.

Мы вышли из комнаты и двинулись вдоль по коридору. Раненые находились в разных комнатах. Возле каждого дежурили: два старшекурсника-лекаря, один куратор и… Ава. Преподавательница, по всей видимости, заметала следы, чтобы выжившие не выдали лишнего. Каждый из лекарей дал отчёт по своему подопечному. Они уже не умирали, но долго сдерживать боль у эскулапов не получится. Каждому из пострадавших нужно массированное восстановление. Лекса оказалась в последней комнате. Ей повезло выжить. Хотя с какой стороны посмотреть. Терпеть пытки в иллюзиях инквизитора тоже такое себе удовольствие.

Я поджала губы и вышла. Смотреть на изуродованную плоть, хоть и бывшей, но подруги, наслаждения не доставляло.

Потом мы вернулись в кабинет. Я, наконец поняв, что рефлексировать сейчас не время, деловито притянула к себе пергаменты и чернильницу. Открыла книгу и сосредоточенно стала изучать содержание.

Юнг молча наблюдал за моими действиями. Понимание того, что я пришла в относительную норму, заставило его снова заговорить.

— Почему ты меня спасла, Ри? — Инквизитор пододвинулся поближе.

— Неужели не понятно? — Я сопроводила свои слова ехидной ухмылкой. — У меня не было выбора.

— Выбор есть всегда, — выдал преподаватель заезженную фразу.

— Но далеко не всем он приходит в голову. Особенно в критических ситуациях. — Мне пришлось возразить. Ещё больше хотелось ударить инквизитора по голове чем-нибудь тяжёлым. — Встречный вопрос: зачем я вам была нужна?

Мои пальцы на автомате листали страницы фолианта в ветхом переплёте. Попутно я изучала силу действия свитков, которые необходимо воплотить. На небольшом клочке бумаги вырисовывалась смета работ. Похоже, придётся сидеть здесь и терпеть общество Юнга до глубокой ночи.

— Пока ты не приступила к созданию, расскажу. В конце концов, шёл я именно за этим.

Я вспомнила, как он вырядился. Плащи винного цвета с соответствующими нашивками инквизиторы надевают только на

церемонии или для совершения значимого дела, когда работа предстоит хоть и непыльная, но ответственная. Юнг следовал протоколу, и это означало, что меня ждёт интересный рассказ. Зачем он спалил место своей основной службы таким глупым позерством?!

— Понимаешь, здесь всё не так просто, как хотелось бы. — Инквизитор пристально смотрел на меня, убеждаясь, что я внимательно слушаю. — Мы следим, чтобы Древняя магия навсегда покинула границы Империи. Она опасна. Не менее опасны артефакты, созданные с её применением. Ты как-то спрашивала, как мы можем определить, где находится маг или что-либо связанное с ним. Артефакт оставляет след в Параллели. Он неявный, но всё-таки это маркер, по которому можно найти место. Меня отправили в школу, чтобы я мог вскрыть мага, который им обладает. Сложность задачи упирается в то, что в Параллель ученики ходят табунами. Ты там была?

Я кивнула. Врать бесполезно, но… Придётся.

— Несколько раз.

— И что ты там делала? — прищурился Юнг.

— То же, что и все остальные, — отмахнулась я и уточнила: — Мы там с преподавателями договариваемся.

«Договариваемся» читать как «трахаемся». Ни одна ученица правду не расскажет, потому что это в своём роде коррупция. За хорошую оценку, за отсрочку до сдачи работы, за привилегированное положение на занятиях и другие плюшки, которыми большинство девчонок пользовалось не стесняясь. А ещё в реальности у многих учениц случаются влюблённости, и не к однокурсникам. То, что запрещено в физическом проявлении, в Параллели делать почти разрешено. «Почти» — потому что, узнав об этом, по голове не погладят.

Как я и предполагала, именно моё первое появление в Параллели спровоцировало инквизицию заинтересоваться школой. До общей картины, скорее всего, приплели и другие странности.

Я слушала Юнга очень внимательно, и каждая его фраза меня откровенно радовала. Да, инквизиция рано или поздно сможет меня обнаружить, но не сейчас. Карателя наконец-то поняли, что им нужны «чёрные».

— Так что ты думаешь, по этому поводу, Ри? — Преподаватель, завершив объяснение нюансов своей работы, пристально смотрел: слушает ли его задумчивая кошка?

— Думаю, вы сможете распутать этот клубок, тем более что половина дела уже готова. — На самом деле мне нечего было ему ответить.

Юнг покачал головой.
— Тебя никогда не манила перспектива стать инквизитором?

Глава 31. Ава

Я подловила Аву на следующий день после резни. Когда закончилось занятие по Красной магии, пришлось немного подождать, пока остальные ученики покинут аудиторию. Преподавательница зарылась в бумаги, изредка бросая на меня заинтересованный и в то же время ненавидящий взгляд.

— Хотела бы поговорить с вами, — убедившись, что лишних ушей здесь нет, сказала я.

— Все хотят, немногие действительно разговаривают, — пренебрежительно скривилась она. — Ты выбрала не самые лучшие место и время.

— Да, — кивнула я, комкая в руках сумку. — Но встретить вас во внеурочное время весьма затруднительно.

Ава сняла очки и устало помассировала переносицу. Шесть пар подряд она взаимодействовала с толпами пубертатных, безбашенных магов. Её можно понять, но мне кровь из носа надо переговорить с ней о «чёрных». Хуже всего будет, если она откажется разговаривать в принципе.

— Зачем я тебе, Ри? — спокойно, подписывая какую-то очередную бумажку, спросила преподавательница. — Ты сейчас с Юнгом на короткой ноге, и мне очень печально осознавать, что именно ты встала на его сторону. Хорошая ученица, практикум так вообще выше всяких похвал… Но этот… — Ава уже не сдерживала шипения. — … инквизитор. Кусок говна! Убийца! И ты находишься рядом с ним! Давно вы планировали эту аферу?!

— Не было никакого плана, — спокойно ответила я, глядя ей прямо в глаза. — Я не хотела смерти ни одного из наших учеников. Но вы правы, наш с вами разговор будет касаться именно этой темы, а не Красной магии. Скажите время и место. Не хотелось бы, чтобы нам хоть кто-нибудь помешал.

Ава совсем сникла. По ней стало видно, что вчерашние события мимо неё просто так не прошли.

— Сейчас не могу сказать. — Она отвернулась, надеясь, что я не увижу стоящих в её глазах слёз. — Я дам знать, когда буду готова.

— Хорошо.

* * *

Церемония поминовения ушедших состоялась на третий день. Все ученики стояли на площади. Хмурые, будто пришибленные

навалившейся на них утратой. Хитрожопые лицемеры.

Я могла понять людей, которые приводили трупы в порядок. «Гримёры» — когда магией, а кое-где и голыми руками — подгоняли части тел, чтобы придать им приличный вид. Эти ребята устали и буквально смогли прочувствовать смерть. Что до остальных — не более чем позерство. Все эти дни в школе напополам с шушуканьем также звучали шутки и смех. Я могла бы поверить в искренность моих сокурсников, если бы их вид хотя бы отдалённо напоминал тот, который был у Авы. Но нет. Обсуждали в основном то, как Высший Совет решит вопрос перетасовки боёв на арене, и решит ли вообще? Фе. Мерзопакостные двуличные ублюдки. Как они есть: ни больше, ни меньше.

Двенадцать белоснежных гробов стояли вдоль аллеи. Грусиус, стараясь всем своим видом изобразить вселенскую скорбь, читал речь. В топку, туда же. Архивариус наконец-то получил повышение и, несмотря на явные морщины, которые превратили его лицо в страдальческую маску, светился от счастья.

Мне не терпелось услышать Юнга. Что скажет инквизитор тысячной толпе учеников? Будет оправдываться или же, наоборот, расскажет, какими чудесными были нынешние трупы?

Я уже начала зевать, когда моего плеча легко кто-то коснулся. Ответ нашёлся, стоило чуть повернуть голову: аккурат сзади меня стояла Ава.

— Пойдём, — еле слышно прошептала она и потянула за собой, увлекая прочь от этой лицемерной толпы.

* * *

Мы молча добрались до её скромных, но очень уютных и настраивающих на романтический лад апартаментов. Ава закрыла дверь и повернулась ко мне, жестом приглашая сесть. Я немного растерялась. По комнате расставлено слишком много кресел совершенно разных цветов и конструкций. На секунду замешкавшись, выбрала самое удобное, со спинкой и мягкими подлокотниками. Ава села напротив.

— Ну, я слушаю.

— Я знаю, что вы одна из них, — прищурилась я, ожидая её реакции.

Преподавательница побледнела, но, быстро взяв себя в руки, спросила:

— А Юнг?

— Нет, он не в курсе. Вам очень повезло, что он ещё не

допрашивал раненных, пожалев их чисто по-человечески. — На последней фразе я фыркнула. Были бы моя воля и срочная нужда в информации, начала бы пытать сразу же.

— И да: ваша «Зачистка сознания» фонила ещё сутки. Но Юнг не успел. Не благодарите.

— Ты с ним, — мрачно произнесла Ава. — Зачем ты сейчас играешь со мной в кошки-мышки? Мы потеряли всех. Практически всех. Меня он тоже вычислит рано или поздно.

На её лице читалась обречённость. Не та, которая вгоняет в ярость, именуемая героической. Не та, что заставляет трястись от каждого шороха и прятаться по тёмным углам. Ясное, безапелляционное и мрачное безразличие. Не знай я о тех кунштюках, которые вытворяли «чёрные», мне бы стало жаль преподавательницу. Но, как сказал инквизитор, поздно лепить белые крылья, когда по уши в дерьме. И ведь прав, тварь бесчувственная.

— Ава, я хочу предложить вам двойную игру, — решив, что пора заходить с козырей, сказала я. — Они мертвы. Но ваша верхушка всё ещё жива. И вы мне поможете.

— Тебе? Инквизиторской подстилке?! — Ава подскочила с места, нарезала пару кругов по комнате и вернулась, безвольно упав назад в кресло. — Я требую деталей.

Наш с ней разговор затянулся. Преподавательница в упор не хотела брать меня в пособники. Ава упиралась рогами в землю и кричала, что места в Ордене даются только тем, у кого есть способности, и точка. В итоге, она выудила информацию о том, что я была в застенках инквизитора. Пусть и иллюзорных, но боль и унижения были самыми настоящими. Ава поверила. Всему до единого слова. И лишь тогда, окончательно убедившись, что мне, по сути, есть за что держать зло на Юнга, нехотя согласилась.

Ещё пару часов прошло, пока мы обсуждали подробные детали плана. Уловив смысл как спасательную нить, Ава постепенно возвращалась к жизни. Во взгляде снова появилась чертовщинка, движения приобрели былую хищную точность, а мимика вовсю кричала о непрекращающемся флирте.

На несколько секунд я почувствовала притяжение. Губы Авы манили — невозможно стало толком сосредоточиться на разговоре. Подсаживаясь ближе, я потянулась за сладким, многообещающим поцелуем…

Красная магия! Опять!

Увидев, что её чары слетели, Ава испугалась.

Я улыбнулась ей, не собираясь сдавать позиции.

— Не надо Красной магии. У нас с тобой всё будет по-настоящему…

Глава 32. Неявный участник

— Я должна взять с тебя обещание. — Мой недоверчивый взгляд прощупывал Юнга с ног до головы на предмет подвоха.

— Какое? — Инквизитора порядком раздавило сложившейся ситуацией. В комнатах стонали раненные, ещё и наглая кошка требовала для прохождения формальной стажировки безапелляционные и тепличные условия.

— Я прекрасно понимаю, что в этой игре являюсь расходным материалом. Пообещай, что вытащишь меня живой, если возникнут непредвиденные обстоятельства.

Юнг оскалился и мерзко расхохотался.

— А где был твой инстинкт самосохранения, когда ты бросала горшок? А?

— Я прошу тебя дать мне обещание. Согласие я не подписывала, клятв не давала. Могу уходить, если вдруг…

— Да. Я тебя вытащу. Обещаю. — Инквизитор был серьёзен. — Мне действительно очень повезло: ты не совсем зелёная в плане способностей. Но прошу, будь осторожнее.

Мы пожали друг другу руки.

Ава ответила на поцелуй, страстно вцепившись в мои губы. Её руки схватили свиток переноса в Параллель, но я выбила пергамент. Тонкая, лёгкая бумага, едва шелестя, упала и покатилась прочь.

Преподавательница вопросительно посмотрела на меня.

— Ты не хочешь в Параллель?

— Нет, зачем нам эти ухищрения? Ты и так можешь делать с моим телом всё, что хочешь?

— Действительно всё? — Ава приподняла бровь.

— Да! — выпалила я, но затем, чуть подумав, добавила: — В пределах разумного, естественно.

— Отлично. — Она запустила свои тонкие, умелые руки под юбку, и, убедившись, что я без трусиков, начала меня ласкать нежными пальчиками.

Другой рукой Ава расстегнула поочерёдно аккуратные, круглые пуговицы на белоснежной рубашке. Не доходя до конца, она с силой сжала мою грудь, выдавив из меня короткий, испуганный стон.

— Думаешь, из меня так легко выдавить жалость? — сильно переигрывая, поинтересовалась Ава. — Я ведь не сторонница романтики. Ты точно этого хочешь?

Я кивнула.

— Встань на четвереньки.

Пришлось послушаться. Быстро освободив меня от оставшейся одежды, преподавательница начала старательно связывать. Я еле сдерживалась, чтобы не захохотать в голос — даже мне, малолетке, доступны простейшие заклинания на плетение узлов. Если бы Ава действительно увлекалась этим, ей бы не составило труда обездвижить меня в считанные минуты.

Провозившись со мной около получаса, она удовлетворённо фыркнула.

— А теперь попробуй что-нибудь наколдовать, ушастая ведьма.

С технической точки зрения Ава права — мои движения ограничивались кончиками пальцев. Никаких звуков, кроме мычания, не добиться: мешал мягкий шарик, не позволяющий сказать ни слова.

Но более интересно совсем другое: как и ожидала, все страдания умело сыграны. Натурально, творчески, так, что я даже почти поверила. Та же самая лицемерка, только маскировка у неё более подобающая. Жаль.

Юнг оказался прав: настоящая скорбь сопровождает немногих. И уж точно не убийц своих подопечных.

Я изучала пол, собранный из мозаики, не собираясь тратить сил для ответа. Ждать, сейчас нужно ждать. Мои ушки уловили скрип. Пришлось поднять голову, чтобы разглядеть, что происходит.

Одно из кресел повернулось, открывая моему взгляду архивариуса. Он опустил поджатые в коленях ноги и подошёл ко мне.

— Милорд… — Ава прильнула к Грусиусу и встала на цыпочки, после чего я услышала сочный звук поцелуя между этими двоими. Руки преподавательницы освобождали архивариуса от одежды, в то время как я ожидала самого страшного.

Милорд Ордена — Грусиус?!

Этот худощавый, длинный как шпала, несуразный тип с дёрганными движениями? Неуверенный в себе, ненавидящий учеников, а в особенности — учениц, невнятно разговаривающий? Он? Зачем тогда… Чёртова самоуверенность! Как я могла использовать на нём артефакт, за который пришлось отдать несколько месяцев жизни?

— Ну что, моя дорогая, приступим?

Я в страхе смотрела на него. Оцепенение, сковавшее всё тело, позволило только замотать головой, за что получила от Авы весьма чувствительный шлепок по попке.

— Дарю тебе небольшой аванс. — Грусиус присел на

корточки, заглядывая в мои глаза, и прошептал: — Расскажешь мне потом про Ухо Древнего?

Сейчас, ага. Всё тебе рассказала и выложила как на духу, говна кусок.

Сальная улыбка не сползала с его лица. За спиной архивариуса встала Ава, поглаживая его тощие, костлявые плечи.

— А как же я, милорд? — томным голосом спросила она. — Неужели этой шлюшке достанется самое вкусное?

— Нет, моя дорогая, все сливки только для тебя.

Архивариус увлёк Аву за собой, властно бросив в кресло, что, казалось, ей даже очень понравилось. Я прикрыла глаза, не желая видеть их соития, да и, по большому счёту, это неинтересно.

— Смотри внимательно. — Высокомерный тон Грусиуса прозвучал в моей голове набатом.

Глаза открылись сами, будто кто-то цепкими, не очень аккуратными пальцами, заставил подняться веки.

Ава лежала на кресле, высоко задрав ноги. Архивариус педантично, не без противного чавканья, от которого меня кривило, вылизывал ей киску, как преданный пёс, собирающий последние капли влаги. Она еле слышно постанывала, а когда Грусиус углублялся в исследование её дырочки языком, негромко вскрикивала, будто вчерашняя школьница, которую вот-вот застукают родители. И кое-кто её всё-таки застукал…

На секунду меня проняло. В комнате Авы людей на порядок больше, чем три…

Глава 33. Оргия «чёрных»

На этих двоих было противно смотреть и вовсе не от зависти. Ощущение опасности не отпускало, да и разум понимал, что когда на кону стоит информация об артефакте, Грусиус вряд ли будет милостив. Это ж надо было так вляпаться! Ещё хорошо, что на самом деле милорд «чёрных» тщеславный ублюдок, и перед допросом с пристрастием решил показать мне всю мощь своего члена.

Половой гигант, ха.

Уж за год рабства я поняла прекрасно, что много не значит хорошо, и размер члена вовсе ни о чём не говорит. Но Грусиус гордился. Засовывая в Аву свой рабочий инструмент, он чуть ли не выдавливал из неё фальшивые стоны, от которых резало слух.

Насчёт того, что я не наколдую ничего стоящего со связанными руками, архивариус конкретно промахнулся. Мои пальцы, которые пока ещё могли двигаться, скользнули в подпространство и начали по буковке выводить послание для Юнга. И Ава, и Грусиус — менталисты, работу с эфиром они вряд ли уловят, хотя это и есть та новейшая магия создания, доступная редкому классу артефакторов. Выкусите, похотливые обезьяны!

Пальцы медленно, чтобы не привлекать внимание, делали своё дело. Архивариус раз за разом устраивал акты самолюбования: вытаскивал из извивающейся Авы член и на несколько секунд зависал, рассматривая его, поглаживая, и не забывая продемонстрировать мне в профиль. Смотри какой! Да, очень красиво, хех.

Так же, напоказ, он грубо имел преподавательницу, бесцеремонно входя во все её дырочки, не заботясь о том, чтобы Аве было хоть немного приятно.

Да… Я ещё как-то терпела подле себя лиц мужского пола, но после такого, боюсь, отвращение меня будет мучить ещё очень долго.

Ава закусывала губы, пока архивариус методично обрабатывал её попку, тараня без всякой пощады.

Я смотрела на гримасы преподавательницы и удивлялась: зачем? Зачем красивой, эффектной, имеющей власть женщине этот ублюдок, который чешет за её счёт своё эго? Ну, не только эго, конечно… Его по-паучьи длинные пальцы без предварительных ласк вцепились в её клитор, вывернув нежную кожу. Преподавательница не удержалась и вскрикнула от неожиданности. Грусиус мерзко улыбнулся и повторил, заставив свою партнёршу дёргаться так, будто она лежала не в кресле, а на

раскалённой сковороде.

Послание для Юнга было почти готово, когда архивариус, скривившийся от очередного немузыкального вопля Авы, зло посмотрел в мою сторону.

— О, смотрю, сладенькая кошечка тоже хочет поучаствовать?

Преподавательница, воспользовавшись заминкой, аккуратно извлекла из себя член Грусиуса, перевернулась на животик, и, пододвинувшись, жадно вцепилась в орган губами.

Архивариус грубо взял её за волосы, и минет превратился в пытку. Он безжалостно насаживал свой член на рот Авы, та, яростно упираясь руками, пыталась сопротивляться, чтобы вдохнуть воздуха, но милорд был непреклонен.

Она давилась, по щекам обильно текли слёзы, но преподавательница продолжала раз за разом глотать безразмерный член архивариуса.

Я почувствовала неладное. Ощущение присутствия других людей давило меня, заставляя жадно озираться по сторонам, но никого не было. Грусиус, продолжая издеваться над Авой, небрежно бросил:

— Я знаю, чего ты хочешь, маленькая Ри… Но я не люблю малолеток, а вот остальные участники Ордена…

В комнате засияли порталы. Я лихорадочно оглядывалась по сторонам. Не меньше шести. Оттуда выходили наши кураторы… Пара преподавателей, которых я не знала по имени, и… старик Цукер. Пока ещё они были в одежде и с некоторым недоумением смотрели на Грусиуса, который играючи справлялся со ртом Авы.

— Чего смотрите, олухи??! В вашем распоряжении вон та жаждущая секса кошечка. Сделайте ей приятно перед тем, как она мне поведает о важном.

Ловушка закрылась. Мои пальцы, дрогнув последний раз, оцепенели и больше не шевелились. Да и проблематично управлять своим телом, когда связана, как баран, по рукам и ногам.

Здесь, по всей видимости, собрался весь цвет Ордена менталистов. Мне было неприятно от ощущения на себе их похотливых взглядов. По всей видимости, трахать меня они будут далеко не через силу.

А теперь остаётся ждать, придёт ли Юнг вовремя, да и придёт ли вообще? Что-то мне не очень хочется дарить в пользование свою киску этим мужланам.

Первым очнулся от ступора Цукер. Он присел на корточки, поддев пальцем мой подбородок, и заставил посмотреть в глаза.

— Да, моя сладенькая Ри, вы меня очень удивили на нашем небольшом свидании в Параллели. Думаю, сейчас состоится

логическое завершение начатого. — Он подмигнул мне и поднялся, расстёгивая поясной ремень.

Следом потянулись другие мужчины. И всё это в неприятной атмосфере невнятных звуков Авы, давящейся гипертрофированным членом архивариуса.

Чья-то не слишком мягкая ладонь коснулась моей киски, но всё это, по сравнению с тем, что творил Грусиус, казалось самым деликатным из подходов.

— М-м-м, какая мокрая, — раздался за спиной незнакомый голос одного из «чёрных».

— И какая беззащитная… — вторил ему другой.

Пятерня, находящаяся, у меня между ножек, начала активно ласкать губки, поглаживая, раздвигая, обильно увлажняя их. Если бы не картина жёсткого траха преподавательницы и закрытый мягким шариком рот, я бы застонала.

Меня подхватили на руки и перенесли на одно из кресел, уложив на спину. Цукер, старый хрен, не удержался и решил попробовать меня на вкус. Его язык, надо признаться, орудовал мастерски, и я против своей воли всё-таки начала постепенно приближаться к пику наслаждения. Руки оставшихся нежно шарили по моему телу, лаская каждый сантиметр. Один из «чёрных» решил вынуть у меня изо рта шарик, чтобы открыть ещё одно поле для использования. Действия куратора прервало шипение Грусиуса.

— Не смей! Ты забыл, что она не зелёная первокурсница?

Архивариус наконец оттянул Аву за волосы, освободив свой длинный член от её рта. Преподавательница шумно вдохнула, за что сразу же получила от милорда оплеуху. Не став церемониться, милорд уложил её на живот и, крепко держа за ноги, грубо вошёл. Судя по восхищённым воплям Авы, именно в киску.

Язык Цукера своё дело знал. Я еле сдерживалась от захлёстывающих меня волн возбуждения.

Где же, мать его, Юнг?!

Ледяные, ничего не выражающие глаза архивариуса смотрели куда-то мимо меня. Со стороны могло показаться, что его тело — пустая оболочка, которая совокупляется из физической необходимости, по ошибке. Вообще, конечно, мерзкий тип. Именно из-за его присутствия мне стало как-то не по себе, пока пальцы Цукера осторожно не проникли внутрь моей киски.

— М-м-м-м! — заворочалась я, понимая, что одной сейчас из этой заварухи мне не выгрести.

— А ничего так у вас вечеринка, — раздался у меня в голове ехидный голос Юнга. — Я присоединюсь?

Глава 34. Стражи инквизиции

— Ну наконец-то. Думала, оставишь меня на растерзание этим уродам, — бросила я по ментальному каналу. В самый первый раз действительно обрадовалась появлению инквизитора.

— С чего ты взяла, моя маленькая Ри, что не брошу? — Я могла поставить тысячу золотых на то, что у Юнга в родословной по материнской линии присутствовали жирные тролли.

— Жозеф, я серьёзно. Ещё минута — и меня оттрахают как сучку. Не умру, конечно, но поставлю зарубку, а потом создам точно такую же ситуацию тебе: шестеро голых мужиков с эрекцией и один связанный, беспомощный служитель инквизиции, — с раздражением ответила я, всё острее ощущая в себе пальцы Цукера.

— С кем ты там разговариваешь? — напрямую спросил один из кураторов, напряжённо хмуря брови и не переставая методично лапать меня.

— Со мной. — Юнг появился в центре комнаты, подняв вверх правую руку с зажатым в ней ярко-жёлтым артефактом. — Светлейшая инквизиция! Мордой в пол, уважаемые!

Всю развесёлую компанию будто молотом придавило. Они рухнули одновременно, даже Ава, кубарем скатившись с кресла, валялась на ковре и восстанавливала дыхание. Да, любовь с милордом определённо требовала жертв.

Юнг стоял напротив и с нескрываемым интересом разглядывал мои прелести.

— Тебе придётся побыть в таком положении ещё несколько минут. Сейчас придут стражи, — сухо проговорил он. — Одной рукой с этими узлами я мало что сделаю, а постороннюю магию «Пресс» не любит.

Я молча кивнула. Секунды тянулись очень медленно. За это время я успела покрыться стыдливыми румяными пятнами по всему телу. Сама не понимаю, откуда во мне проснулась излишняя скромность, но присутствие инквизитора уверенности в себе не добавляло.

Мы молча смотрели друг на друга, не видя смысла разговаривать при посторонних людях. Так бы всё и оставалось, но архивариус, находившийся сзади Юнга, зашевелился, пытаясь подняться.

Я замычала, привлекая внимание инквизитора к Грусиусу. Юнг повернулся слишком поздно — милорд «чёрных» успел справиться с воздействием «Пресса» и уже твёрдо стоял на ногах.

— Чароплёты хреновы! — прошипел инквизитор, мгновенно

вытащив из-за голенища сапога изогнутый нож.

Ритуальный клинок полетел в архивариуса, а тот каким-то чудом за доли секунды открыл зеркальный портал и по-крысиному туда прошмыгнул. Как только Грусиус исчез, на пол упал нож, в свете ламп алея каплями крови на обоюдоостром лезвии.

— Приплыли, — с нотами грусти в голосе выдохнул Юнг, подбирая нож. — Надо было не твоей красотой наслаждаться, а за этим упырём смотреть внимательнее.

Тут я полностью с ним согласна. Жаль, во рту был вкус мерзкой резины, иначе ещё бы и ответила. Моё внимание привлекло то, что инквизитор вытирать клинок вовсе не торопился. Аккуратно держа его за рукоять, будто что-то постыдное, он пристально оглядывал остальных.

Стражи появились внезапно. Без каких-либо спецэффектов они материализовались в комнате и тут же деловито начали вязать приличную горстку «чёрных», перекидываясь редкими сухими фразами с Юнгом. У меня складывалось впечатление, что инквизитор в организации особым успехом не пользуется. Или просто показалось? Надо будет расспросить Жозефа об этом чуть позже. В конце концов, он официально является моим наставником.

Среди стражей был один экземпляр, который выделялся на фоне остальных. Одежда не имела знаков отличия, его выдавала точность движений и более человеческое отношение к пленникам. Если остальные стражи заламывали руки и вешали подавители бесцеремонно, то этот, наоборот, старался никого не повредить. А ещё у него кристально чистые бледно-голубые глаза и густая шевелюра, состоящая из сплошных локонов, которым обзавидуется любая барышня.

Я так и оставалась в состоянии связанного барана. Никто не обращал на меня внимания, занимаясь первоочередной задачей: обезвредить и утащить. По одному стражи исчезали, уводя своих жертв неизвестно куда.

Когда исчез последний сопровождающий, в комнате остались я, Юнг и тот самый деликатный инквизитор. Жозеф устало бросил артефакт в поясную сумку, прочитал заклинание, и… Я с наслаждением распрямила ноги. Потирая запястья, почувствовала, как на плечи лёг длинный плащ.

— Ни к чему тебе голым телом светить. И так ситуация недвусмысленная, — сказал тот красавчик, который пришёл со стражами. Потом он обратился уже к Юнгу: — Неплохой выбор, Жозеф. Да и сработали вы хорошо. Поддержку выделить для поимки архивариуса?

— Нет, думаю, мы справимся. В конце концов, он даже не архимаг.

— Но из-под «Пресса» всё-таки освободился. Я бы на твоём месте перестраховался.

— Мы с Рийзе справимся. — Юнг, безошибочно определяя, какие вещи принадлежат именно мне, подбирал с пола одежду. — Спасибо, Курт. Ты с парнями меня действительно выручил. Я у тебя в долгу.

— Не надо мне ничего, Жозеф. — Кучерявый крепко обнял Юнга. — Одно дело делаем. И да: отправь мне отчёт со списком обвинений, без них мы не сможем оформить дознание.

— Хорошо.

Они попрощались, и страж исчез так же внезапно, как и появился.

— Ну что, Ри, — инквизитор впал в задумчивость, на автоматизме протягивая мою одежду, — одевайся и давай отсюда сваливать. Ты ведь не откажешь мне в услуге помочь составить отчёт?

Я улыбнулась. Хоть Юнг и сам толкнул меня в эту заварушку, я была благодарна за своевременную помощь. А ещё меня откровенно радовало совсем другое обстоятельство: знающий кое-что про ухо Древнего Грусиус сбежал. Пока он не попался в лапы инквизиторов, я в безопасности.

Мы с Юнгом, конечно, архивариуса поймаем. Только мне обязательно стоит позаботиться о том, чтобы эта тварь была мертва и не подлежала допросу.

Глава 35. Подготовка к вылазке

— Блин, да неужели наконец всё закончилось, — проворчала я, появившись в кабинете инквизитора.

— Нет, всё только началось. — Юнг бросил на стол сумку, перекинутую через плечо, открыл и выложил два шара. Постоял, будто ловя озарение, и вернул один, жёлтый, на место, второй закинул в одну из корзин на стеллаже с книгами.

— М-м-м, а у вас всегда артефакты валяются в таком непотребном виде? — заметив небрежность в действиях Юнга, спросила я.

— Даже не думай. Это не совсем обычные корзины, — ответил инквизитор, с любовью погладив одну из них.

Нутро обычного бытового изделия заурчало и бережно выпустило коготки в руку Жозефа. Он довольно улыбнулся.

— Знаешь, что за вещи?

Я покачала головой. Судя по реакции, корзины были живыми существами, но подкласс кошачьих сбивал с толку. О «Цепных псах» я когда-то читала, о «Карманных гремлинах» тоже, но в своём семействе знала абсолютно всех существ, а эту тварь определить не могла.

— После ритуала Посвящения обязательно расскажу тебе, что это за прелесть охраняет мои артефакты. В книгах упоминания о них ты точно не найдёшь. Но только после.

Я фыркнула. Не очень-то и хотелось. Наверняка какая-нибудь специфическая приблуда из разряда «только для инквизиции». Напугал кошку лысым хомячком, клоун.

Ещё зависнув на несколько секунд, он взял две корзины с полки, поставил на письменный стол, открыл и начал рыться.

— Слушай, скажи честно, ты ожидала, что главарь — архивариус?

— Нет, — призналась я. — Ожидала, что милордом окажется либо кто-то из Высшего совета, либо один из заведующих по классификации боевой магии. Менталистов у нас раз-два и обчёлся, поэтому либо лапимальеры, либо шаманы или друиды.

— Первые две кафедры мне совершенно понятны, но третья? Друиды?! С чего ты взяла-то?

— Почему нет? Они, так или иначе, тоже воздействуют на разум. Пусть даже растений. У нас ведь большая часть учеников не разумные, а натуральные овощи.

Инквизитор улыбнулся.

— Интересный ход мыслей. Думаю, руководству Светлейшей инквизиции ты придёшься по вкусу.

— Не надо на вкус меня пробовать. Достаточно просто любить и преклоняться.

— Ты ещё сопля, — ласково произнёс Юнг.

— А ты недоумок, прозевавший Грусиуса. — Я плюхнулась в кресло и закинула ногу на ногу. — И если быть до конца честной, я дико голодна. Призвание и борьба против зла очень хороши, но мне действительно нужно что-нибудь перехватить.

— Не сейчас. — Юнг задумчиво перебирал артефакты, складывал в сумку, потом возвращал назад, в корзины.

Создавалось впечатление, что он сам понятия не имел, с чем идти на архивариуса. Я не удержалась и подошла к нему, встав по правую руку. Плетёные вместилища были пусты.

— Можно тебя погладить? — спросила я у одной из корзин.

— М-р-р-р-р, — ответило существо, и я совершенно безбоязненно протянула руку, коснувшись тёплого меха вместо высушенных прутьев каркаса.

Наверное, немного переборщила с лаской. Юнг презрительно скривился и немного осадил меня:

— Хватит, разбалуешь. Попривыкают ещё. Тебе же уже открыли содержимое.

Да, действительно, одна корзина наполнилась занятными вещицами. Другая, видимо, обидевшись, зияла пустотой.

— Совсем не знаю, что подобрать, — задумчиво протянул инквизитор. — На самом деле хочется чего-нибудь смертоубийственного, но Грусиус пригодился бы мне живым.

— В застенках, ага, — мрачно добавила я.

— Может, немного повеселее? Нам ещё за этим уродом гнаться по горячему следу.

— Кошек сначала надо кормить, а потом что-то требовать, — безапелляционно заявила я и потянулась к двум корзинкам, чтобы их почесать. — Правда, мои хорошие?

Кажется, эти замечательные питомцы меня по-настоящему полюбили.

— Иди уже, поешь, — обречённо выдохнул инквизитор.

— Спасибо огромное, мой великолепный учитель! — Я поднялась на цыпочки и, лучезарно улыбаясь, чмокнула его в щёку.

Юнг выдохнул и снова стал перебирать медальоны, свитки, ордена, небольшие шкатулки, пузырьки…

— У меня есть один небольшой вопрос, — уже собираясь уходить, сказала я. — Нам бы не помешала подстраховка. Судя по твоему долгому раздумью над артефактами и отрицанию необходимой помощи со стороны стражей… Не против, если я приглашу третьего члена?

— Смотря, чем он владеет, — пробормотал Юнг, неотрывно медитируя на содержимое корзин и даже не поворачиваясь ко мне.

— У него договор с Тёмным. Класс я не определила, но, судя по тому, как он маскируется от «Истинного взгляда», тварь там рангом не меньше третьего уровня.

— И ты, моя дорогая, решила смолчать? — Инквизитор наконец повернулся ко мне. Лицо его сияло. — Третий ранг! Ри, ты вообще понимаешь, что наш будущий член команды — это террорист-смертник?

— Ага, — ответила я, стоя в дверях. — Ну что, рискнём позвать парнишку?

— А с чего ты взяла, что он пойдёт? — Радость Юнга сменилась колючим недоверием.

— Ты сколько служишь инквизиции, Жозеф? Неужели за всё это время так и не освоил самый простой и действенный способ манипуляций?

— Ты о шантаже? — приподнял бровь Юнг. — Знаешь же, что это нехорошо, ведь так? Принуждая людей идти против личной свободы, можно нажить себе очень много врагов.

— Врагов можно нажить, совершенно не напрягаясь. А посредством того, что прикрываешься белым плащом, можно упустить очень и очень много отличных плюшек. Я редко вру самой себе. Парень у меня в долгу. Небольшом, но всё же.

— Ты ещё скажи, что знаешь все его секреты, — ехидно заметил инквизитор.

— Знаю, но мало. У меня не было времени его как следует порасспросить — спать очень хотелось, — сказала я чистую правду. — Он бывший член «чёрных». Думаю, в его интересах будет покончить с этой связью раз и навсегда.

— Ладно, добро, — устав от моей неуёмной уверенности, примирительно бросил Юнг. — Веди своего парня. Только ему — никаких обещаний!

Я кивнула и вышла, чуть ли не бегом направляясь в столовую.

Коридор, ведущий к дверям кормушки всея школы, был пуст за исключением одного-единственного человека, шедшего медленным, неуверенным шагом. Мои губы тронула улыбка.

На ловца и зверь бежит.

Глава 36. Вынужденный союз

— Привет! — как можно непринуждённее поздоровалась я, прибавив скорости.

— Здравствуй, — сухо приветствовал Ван.

— Ван, нам надо поговорить, но прежде я хочу поесть. Пойдём со мной, — я улыбалась, потому что кислую мину однокурсника нужно было разбавить чем-то более позитивным. В таком настроении он мне не союзник.

— Да я и сам хотел поговорить с тобой. Ты лучше скажи, это что-то срочное или нет?

— Очень! Очень важно, срочно и нужно! Потом объясню, — я развернула его и подтолкнула обратно, намекая, что так просто не отвертеться.

— Так, ты только не наглей, — выразил недовольство Ван, но, кто, собственно, его собрался спрашивать?

— Это не наглость ещё. Или тебе напомнить, кто из нас более наглый? — отрезала я, сразу расставив все точки над і, ведь не надо было вламываться ко мне в комнату среди ночи, потому что долги придётся возвращать долго и мучительно.

— Не надо. И так помню. Кстати, у меня к тебе есть вопрос.

— Ван, — перешла я на серьёзный тон, — давай так: я быстро поем, а потом мы поговорим. Не здесь.

— Хорошо, хорошо.

Пока я жадно уплетала заказанную еду, будто неделю голодала, Ван сидел смирно и наблюдал. Столовая была сегодня прибрана так, будто у нас в гостях должен был появиться Император собственной персоной, но понять хмурого вида однокурсника я не могла. Пришлось спрашивать в лоб. Как оказалось, парень решил поухаживать за одной мажоркой, которая от него носом вертит, да ещё и папашку подключила. Отчаянная попытка, однако. Немудрено, что щи у Вана кислее лимона.

После плотного ужина я заказала два приличных по весу свиных окорока. Кухрабочие быстренько вынесли всё, что я просила, мясо было хорошо упаковано: перевито бечёвкой и завёрнуто в пергамент.

У Вана отвисла челюсть. Я не стала объяснять, что к чему, не касается это его.

Мы покинули столовую и разместились на скамейке в Саду, чтобы наконец спокойно поговорить.

— Ван, нам нужна твоя помощь, — без долгих вступлений начала я.

— Вам — это кому? И что надо сделать? — недоверчиво переспросил он.

— Инквизитору и мне, — скрывать было бессмесленно, я решила сразу показать все карты.

— Тебе помогу, но вот инквизитору… Что-то я не хочу с ним видеться, — начал отнекиваться сокурсник, и, в принципе, его позиция мне была понятна. Но провернуть то, что я задумала без посторонней помощи было очень и очень сложно.

— Понимаю, ты же в прошлом, — я заговорила чуть тише, — чёрный менталист. Инквизитор в курсе, между прочим. Ты ведь знаешь о том, что случилось возле нашего общежития, поэтому… Можно сказать, что тебе очень повезло. И если ты нам поможешь, то инквизиция тебя точно не тронет. В противном же случае есть риск, что… Ты понял.

Конечно он понял, что я прибегла к шантажу. Но быстро и без возражений заполучить союзника было для меня на порядок важнее.

— Ладно. Только прежде чем услышать подробности, задам свой вопрос, — немного подумав, отозвался Ван, и я вздохнула с облегчением.

— То есть, ты согласен?

— Да. И так хватает другой головной боли. Может, на одну меньше станет. Так вот, мне тут птичка напела, что кое-кто напоил меня сывороткой правды. И поэтому ты знаешь про меня, чёрных менталистов и этим знанием теперь орудуешь, чтобы я пошёл вам навстречу. Неплохо провернула, неплохо. Это так?

Я с ответом тянуть не стала:

— Да. Но мне это было нужно, чтобы узнать, зачем ты проник в мою комнату. Остальное ты сам рассказал под действием сыворотки. Это уже не столь важно. Раз ты согласен помочь нам, то хочу предупредить: будет опасно.

— Опасно, говоришь? — задумался парень и снова переспросил. — Насколько?

— Мы будем ловить главу вашего ордена, — как можно беззаботнее вывалила я суть.

— Серьёзное заявление. В таком случае мне надо сходить в общагу.

— Зачем?

— Переоденусь во что-то менее приличное. Вдруг испачкаюсь. В крови… — улыбнулся Ван, но взгляд уже загорелся. Ещё один безголовый студент… ну надо же.

— Хорошо, иди. Только побыстрее. Я тебя здесь подожду.

— Скоро буду.

Глава 37. Туман над Янцзы

Пока Ван собирался, у меня было немного времени помедитировать. Грусиус — далеко не такой дурачок, каким казался на первый взгляд. Могу поставить что угодно на то, что у него тоже есть артефакт. Но какой? Какие вообще могут быть «фишки» у архивариуса? Грусиус не глуп, это следует учесть в первую очередь. С таким-то тщеславием, с каким он трахал Аву, долгое время являться теневым кардиналом можно только при наличии некоторой капли ума. Не блистать властью и шелками, а быть кукловодом, грамотно заправляющим картелем, который пару лет точно оставался незамеченным широкими массами.

Вопрос в том, что архивариус слишком быстро спалился. Зная, что по школе разгуливает инквизитор, ищущий остатки Древнейшей магии, счетовод пришёл на оргию, созданную им для того, чтобы проучить какую-то кошку?! Хотя нет. У меня всё-таки есть ухо Древнего. И не только ухо, а ещё два очень интересных потрошка…

— Спишь? — Ван стоял, недоумённо глядя на то, как я уставилась в прострацию.

— Нет. Пойдём быстрее, ещё кое-что объясню по пути. — Вручив ему один из окороков, поднялась со скамьи. — В общем, слушай внимательно. Сейчас мы идём за Грусиусом. Думаю, мой сладкий напарник наконец подобрал себе арсенал из артефактов, и мы отправимся за твоим милордом прямо сейчас.

— Он не мой милорд, — с достоинством произнёс Ван. — Сама знаешь.

— Я не это хотела сказать. — Пришлось остановиться, потому что до кабинета Юнга оставалось не более ста шагов. — Инквизитор идёт сейчас убивать и ловить архивариуса. Мы с тобой идём, чтобы дать милорду сбежать.

— Ты с ума сошла? — чуть повысив тон, выпалил Ван настолько громко, что пришлось приложить пальчик к его губам. — Ты с ними заодно?! Заодно с «чёрными»?

— Нет, — шёпотом ответила я. — За себя. Мне в разы будет лучше, если Грусиус свалит в закат.

— А я здесь причём?

— Ты должен владеть «Теневым Зеркалом». Я знаю, что твоя тварь сделает его по щелчку пальца. Не надо отпираться, иногда я знаю даже то, что мне не положено. Поставишь заклинание на меня, на себя и на архивариуса во время боя. Потом, как только милорд решить закусить мной, — тут же снимешь с него защиту. Я понятно изъясняюсь?

Ван мешкал. По выражению лица можно было предположить, что как раз таки этого заклинания он не знает.

— Сможешь создать три «Зеркала»?

— Да. А как же инквизитор?

— Сам разберётся, — протараторила я, надеясь, что Ван наконец-то перестанет спрашивать лишнее.

Это сработало. Объяснять ему досконально план никакого желания не было. Как и необходимости.

Мы ворвались в кабинет Юнга вихрем. Жозеф, погружённый в раздумья, слегка вздрогнул, но потом проворчал:

— Явились, голубки. А мясо вам зачем?!

— Как зачем? — промурлыкала я, отбирая у Вана ношу. — Родичам подарок принесла.

Я на ходу разворачивала окорока, подходя к стеллажам. Юнг успел убрать корзины на место, но это меня не остановило. Пергамент и верёвки полетели в мусорку. Каждая из вещиц благодарно приняла по подарку, сокрыв увесистые куски в своих недрах.

— Ри, ты зря тратишь время и силы, — назидательно сказал инквизитор. — Их можно не кормить столетиями. И родичи они тебе настолько же, насколько я повязан кровными узами с Императором. Им! Еда! Не! Нужна!

— Вот именно, — возразила я, не собираясь ставить благие порывы себе в вину. — Когда ещё их хоть кто-нибудь угостит?

С полки раздались два синхронных жалобных «мяу».

— Хрен с тобой, — в сердцах бросил Юнг, понимая, что спорить здесь не из-за чего. — Ты парня проинструктировала?

— Не-а, — ответила я, лениво усаживаясь в кресло.

Нельзя так много есть. Сразу в сон начало клонить. Но на полный желудок воевать гораздо приятнее. Надо будет как-нибудь отблагодарить Вана за ужин, если, конечно, рейд выгорит. Если нет — сидеть мне в подвалах инквизиции до ста пятидесяти лет, пока не поседеют косы и не спадёт печать мастера Аарона. А потом меня убьют за ненадобностью.

— Лучше бы вместо беготни за мясом рассказала ему, что мы будем делать.

— Да я… В курсе, — растерянно сказал Ван, до этого момента молча наблюдавший нашу с Юнгом перепалку.

— Да что я ему расскажу, если сама не знаю, как мы будем действовать?! Где план? Где оценка противника? Где артефакты и оружие? Мы в лес по грибы или на милорда «чёрных мозгоправов» идём?! — взвилась я. Настроение из сонного от мыслей о подвале и пытках тут же превратилось в ураганное.

Выбешивало всё: высокомерный Жозеф, который явно не

желал объяснить Вану, что и как; архивариус, который знал мою тайну, но до сих пор оставался в живых; парнишка, который оказался здесь, потому что сейчас мне позарез нужна поддержка именно Теневой энергии. Вся ситуация в целом рисковала вырваться из-под контроля. И итог будет неутешительным. Но здесь либо пан, либо пропал. Очень тяготило ожидание. Скорей бы пришла развязка.

Юнг что-то сосредоточенно твердил Вану. Я ловила обрывки фраз, и без того понятные: базовые навыки архивариуса он успел запросить в срочном порядке через службу, которую десять лет курировал сам Грусиус. А потому информация являлась неполной. Вряд ли Цап настолько глуп, чтобы доверять бумагам всю подноготную о себе. В том числе и особенности навыков боевой магии. Пустая трата времени.

Затем инквизитор дал нам по несколько более мелких одноразовых оберегов и по солидному амулету от ментального воздействия. Признаться, именно амулетами это было назвать сложно. Полноценные артефакты из платины и чистейших, пусть небольших, сапфиров. Надо отметить, служба снабжения у Светлейших судей всея и всех работает отменно. Мой орден на толстой, по виду собачьей, цепи стоил от полутора до трёх тысяч золотых. У Вана модель чуть попроще. На пальцах у Юнга и вовсе красовался массивный перстень с витиеватым руническим узором и одним большим танзанитом. Настолько прекрасный камень, насколько и редкий.

— Ну что, готовы? — Жозеф осмотрел нас с ног до головы, увешанных гирляндами разного рода полезных маячков и щитов.

Мы кивнули.

Инквизитор достал свой ритуальный нож, кровь на котором к моему удивлению и не думала засыхать. Юнг безбожно царапал деликатный мраморный пол своего кабинета, вычерчивая восьмиконечную звезду со сложной вязью символов.

Через несколько минут работа была окончена, и на месте холодного камня в полу зияла дыра цвета ночного неба, разве что без звёзд.

— Возьмите меня за руки, — приказал Юнг.

Мы повиновались, а затем вслед за инквизитором сделали шаг вперёд.

Непривычно было ощущать себя в невесомости настолько долго. Я чувствовала руку Жозефа, крепко сжимающую моё запястье, но совсем ничего не видела. Наконец в одну из томительных секунд ожидания и перманентного страха неизбежности мир перевернулся с ног на голову.

Мы втроём стояли в центре улицы, как идиоты, посреди

шумного движения. С жителями творилось странное: они спешили по делам. Слишком быстро, чтобы назвать их движения размеренными, и слишком дёрганно они себя вели, чтобы можно было сказать «это обычный день».

Инквизитор сгрёб нас в охапку и оттянул от дороги.

— Где это мы? — спросила я.

В этом маленьком городке стоял полдень. У нас же в школе, солнце давно спряталось за горизонт.

— Насколько я понял, очень далеко от школы, — задумчиво произнёс Ван, оглядываясь.

— Да, — подтвердил догадку Юнг, щурясь от слепящего светила. — Похоже, мы в Янцзы. — Он указал пальцем на густой тёмно-красный туман, спускающийся с гор, куда были устремлены взгляды множества горожан. — И, похоже, само Провидение намекает, что нас здесь ждёт знатная заваруха.

Мы с Ваном притихли. Нет хуже предзнаменования, чем Туман Войны.

Глава 38. Город

Первый раз в жизни мне довелось увидеть тихую панику. Жители городка размашистыми шагами направлялись кто куда. Некоторые останавливались друг возле друга, перешёптывались и шли дальше. Насколько я поняла, те, кто жил поблизости, сразу заходили в свои дома и запирали двери, в то время как туман становился гуще и плотнее, обволакивал горизонт густой алой завесой. Подобное я уже читала в старых свитках. Не добру это.

Ван, в свою очередь, тоже с интересом и волнением смотрела на происходящее. В отличие от народа, что сновал по узким улочкам, в его глазах не проглядывался тот страх, какой легко увидеть на лицах почти каждого из горожан.

И только инквизитор, будто оцепенел, уставился на кинжал. Он держал ритуальное оружие ровно до тех пор, пока рука не затряслась в конвульсиях. В следующий миг Юнг выронил его. Кинжал звонко упал под ноги, покрываясь ярко-оранжевым цветом, словно его раскалили в кузнице. От него пошёл слабый, едва заметный дымок. Инквизитор потёр правую ладонь левой, осматривая ту и хмурясь.

— Странно всё это, — проговорил он. — Такого ещё ни разу не было. Судя по реакции кинжала, хренов чароплёт должен быть не просто рядом, а внутри меня, но это невозможно.

— Мы так и будем здесь стоять? — поинтересовалась я.

Вана немного придавило. Видимо, ему что-то подсказывало, что зря парень согласился поучаствовать в поимке серьёзного преступника, если это слово вообще уместно.

— Не спеши, Ри, — холодно произнёс инквизитор, но в его голосе всё равно чувствовалась тревога. — Посмотри, что происходит. — Он указал на кинжал. Оружие покрылось льдом. И секунду спустя вновь накалилось до предела. И так до тех пор, пока Юнг не присел, применив какое-то заклинание. — Поставлю «Зов». Маяк с ума сходит.

Это я уже поняла, объяснения Юнга были излишними.

Инквизитор поднял кинжал и оглядел нас.

— Идёмте. Я знаю, куда нам нужно.

Не дожидаясь, пока мы с Ваном зашевелимся, он уверенно двинулся вдоль улицы, постоянно оглядываясь по сторонам. Мы поспешили вслед за ним. По пути Ван поинтересовался:

— Он всегда такой? — кивая в сторону озабоченного Жозефа, спросил он.

— Какой? — не поняла я вопроса.

— Сам себе на уме.

— Я знаю его едва ли неделю, но мне кажется, что всегда. В любом случае этот старый хрыч лучше знает, что делать.

Мы переговаривались тихо, но Юнг нас всё-таки услышал.

— Ри, выбирай выражения, пожалуйста. Я ещё молод и полон сил. И ты права. Вот, что нам нужно. — Он остановился и оглядел деревянную вывеску таверны с названием «Как дома». Необычный городок, надо сказать. Здесь вроде бы всё современно, но в то же время некоторые объекты похожи на средневековые. — За мной.

Юнг вошёл первым. Ван пропустил меня вперёд из вежливости, когда он заходил, от меня не укрылось, с каким профессиональным видом он огляделся по сторонам. На улице почти не осталось жителей. Вместо них город начали наполнять полицейские и охрана, причём в довольно большом количестве. Можно даже сказать, целая толпа. Ван стал надолго задерживаться в дверях, чтобы не привлекать их внимание, и прошёл в таверну. Особых проблем с блюстителями закона у меня никогда не было, но они мне в принципе никогда не нравились.

Таверна представляла собой просторное, уютное помещение, сделанное из дерева и наполненное обеспокоенными разговорами посетителей. Все столы уже заняты, поэтому многие сидели за барной стойкой. Другим и вовсе приходилось стоять. И это не удивительно, учитывая странности, происходящие в городе — каждый пытался как можно быстрее оказаться в безопасности. Пусть и в иллюзии, которую создавали крепкие стены.

Я и Юнг выделялись на фоне остальных, ведь все жители города — исключительно люди. Мы с некоторыми проблемами нашли себе немного свободного места и тут ко мне пришло понимание, что сокурсника рядом нет. Я потеряла Вана в толпе, но наконец завидев его снова, обернулась и махнула рукой.

Когда он подошёл и сел с рядом, я негромко сообщила:

— Мы здесь, чтобы получить информацию. Слушай, что говорят местные. Постарайся побольше узнать из их разговоров.

— Хорошо, понял, — ответил Ван коротко.

Юнг молчал. Когда ему подали блюдо, состоящее из картофеля, посыпанного зеленью, и сочного жареного куска мяса, он начал есть.

Бармен, или трактирщик, налил два стакана и подал нам. Я занялась тем же, что и остальные: выделила из гомона очень полезную беседу троих мужиков, сидящих неподалёку.

— Да, говорят, уже пропало тридцать человек. И это в течение часа! — эмоционально рассказывал друзьям один из них.

— Хорош заливать! Сказали, что двадцать восемь, — заявил второй.

— Так я ж округлил.

— Ты обалдел? Людей уже округляешь?

— Ну, а что такого? Это ж статистика!

— Статистика должна быть точной. А будешь округлять вот так своих же горожан, я тебя сам так округлю!

— Но-но, угомонись!

Второй не выдержал и дёрнулся, схватив первого за воротник. Третий сидящий с ними мужик попытался разнять драчунов. С трудом, но он смог успокоить обоих.

— Не время сейчас руками махать. Да, двадцать восемь человек пропало. Просто исчезли. И пугает больше всего, что это дети и девственницы. Об этом вы думали?

Чуть придя в себя от гнева, второй задал вопрос:

— С детьми понятно. Но откуда ты знаешь, что ещё и девственницы исчезли?

— У соседа моего дочь пропала. Ей всего четырнадцать. Примерная девочка, тут сомнений нет. И это не единственный случай.

— Знаю я этих примерных девочек. Днём школьницы-отличницы, а ночью трудятся в борделях, ага, — высказался первый.

— Я тебе сейчас башку снесу за эти слова, мразь! — Теперь не сдержал себя третий участник беседы. И только он подорвался с места, чтобы наказать больно языкастого, как тут же сел. — Тебе просто повезло…

Сначала я не поняла, почему он успокоился, но в следующий момент стало ясно: в таверну зашли двое служивых. Они направились к нам. Но мы-то здесь причём вообще?

Оказалось, что стражи интересовались ни мной, ни Ваном. Им зачем-то понадобился Юнг. Они даже не позволили ему доесть. Один скрутил инквизитору руки, второй нацепил наручники, добавив:

— Вы арестованы.

Что за неадекватный городок? За что его повязали?

Глава 39. Ритуалисты

Странное поведение стражей правопорядка меня несколько обескуражило. Они могли всерьёз подумать, что инквизитор и есть та самая причина? То, что он часть пазла, — безусловно, но не та сторона, которая стоит противовесом мирной жизни.

Я проскользнула между столпившихся полицейских, оказавшись рядом с Юнгом. Во-первых, заварушка с официальной властью совсем не то, что мне сейчас нужно. А во-вторых, если они нацепили на него подавители, то… Хотя нет, наручники самые обыкновенные.

— Это ошибка. — Спокойный тон придавал вес моим словам, но затягивать с объяснениями не стоило, потому что сейчас на взводе абсолютно все. — Мы прибыли для того, чтобы урегулировать ситуацию.

— Спасибо, Ри, я бы как-нибудь сам разобрался, — перебил меня инквизитор, вручая браслеты одному из удивлённых охранников. — У вас здесь орудует подпольный Орден. Это забота карательной организации, а не простых смертных. Мой совет: ждите и не путайтесь под ногами.

— Да откуда мы знаем, что ты настоящий инквизитор, а не Тёмный, вырядившийся для маскировки? — задал резонный вопрос человек, имеющий на плечах погоны десятника.

Он нервничал. Густые, чёрные как гудрон усы заметно подрагивали даже тогда, когда он молчал.

Юнг сделал печальный выдох и произнёс короткое заклинание. Тут же над его головой, моей и Вана появились ядовито-зелёные печати с гербом карателей. Вроде бы договаривались, что всё будет максимально скрытно, но не в этот раз. Теперь все взгляды посетителей таверны прикованы к нам троим.

Полицейские склонились в почтении. Старшина же учтиво извинился, а потом добавил зычным голосом:

— Граждане! Прошу, сохраняйте спокойствие. Всё находится под контролем. Этим троим прошу оказать всяческое содействие.

— Так-то лучше, чучело кукурузное, — язвительно заметил Юнг. — А теперь, с вашего дозволения, я хочу спокойно доесть.

Жозеф плюхнулся назад на стул, и, как ни в чём не бывало, продолжил трапезу. Охрана, молча переглядываясь под недвусмысленные, нервные смешки посетителей таверны, убралась с глаз долой.

Мы дождались, пока инквизитор расправится с блюдом и, не говоря ни о чём лишнем, вышли из таверны.

— Стражи порядка — это прекрасно, — щурясь от солнечного света, произнёс Юнг. — Что ещё лучше, то, что у нас с вами есть негласное разрешение на работы.

Мы с Ваном переглянулись.

— А разве до этого мы действовали незаконно?

— Не совсем. Одобрение от должностных лиц правопорядка избавит меня от лишних отчётов, которые так или иначе придётся писать властям города. Например, в случае порчи имущества или гибели жителей.

— У меня создаётся устойчивое впечатление, будто ты ведёшь меня по трупам, — сказала я.

— Так и есть, Ри. Это боевое крещение. Не стоит расстраиваться, некоторые стажёры ждут этого месяцами.

— Ясно.

Инквизитор вдруг споткнулся, застыл, покачался на носках и повернулся как флюгер в сторону гор.

— Они там, — злобно выплюнул он. — Пойдёмте, надо спешить.

Двигаться пришлось исключительно пешком. Мы вышли из города и спустились прямиком к подножию горы, с которой рваными клочьями свисал дурно пахнущий красный туман. Путь предстоял прямиком вверх. С того момента, как мы покинули таверну, прошло около часа. Ещё часа два займёт восхождение на не очень крутой, покрытый травой и растительностью склон.

Последний рубеж нашей незаметности — плато на вершине, усеянное множеством камней. Алый туман клубился за спиной. Долина же, открывшаяся нашим глазам, на удивление чиста. Изумрудная зелень, залитая тёплым, по-весеннему ласковым светом, радовала глаз. Но реальное положение дел несколько иное.

Я внимательно оглядела открывшуюся, удручающую картину. Восемь постов по периметру. В каждом ориентировочно есть часовой. В центре поляны с редкими худыми деревцами алтарь, вокруг которого ровным кругом стоит ещё девять человек. Особняком — десятый. Ещё чуть дальше виднеется корявый трон. Фигуру на нём я опознала даже без лишних догадок. Грусиус.

Двое волокут сопротивляющуюся жертву. Положив свою ношу на алтарь, быстро удаляются прочь сторожить сваленных по типу поленницы остальных пленников.

Полтора десятка сектантов занимается текущими делами: трое разделывают тушу кабана, один с полными ведрами быстрым шагом несётся к кострищу…

Я посмотрела на лагерь через призму «Истинного взгляда». Ярко-синие нити с естественными завихрениями тянулись из

груди архивариуса к «сопровождающему», который, в свою очередь, равномерно распределял потоки между девятью звеньями ритуального круга. Начиная от Грусиуса, сила магии возрастала, окутывая жертву в светящийся кокон. И это не энергия убийства.

— Значит так, — начал Юнг. — Сейчас оставим здесь часть сильных боевых амулетов и свитков. Они сильно фонят, и незаметно мы не подберёмся. Ван, Ри, слушайте внимательно. — Инквизитор принялся выкладывать из сумки свитки. — Давайте условимся. Если кто-то из нас видит неразрешимую ситуацию и кричит «портал», телепортируемся сюда. Если один из нас троих сильно ранен, его не трогаем. На быстрых заклинаниях перемещения тушке станет ещё хуже. Надеюсь, вас этому учили. — Мы кивнули. — В любом случае собираемся здесь. У меня в сумке свиток экстренного вызова стражей. Уверен, что он нам не понадобится. Тридцать с хвостиком низкоуровневых сектантов — это для меня пыль.

Я критически поджала губы. Количество людей стремилось к сорока. Их не тридцать, а тридцать восемь. Недооценивать своего противника тоже не лучшая тактика. Юнг самонадеян, и, видимо, жизнь его ничему не учит. Совсем недавно его чуть не убила горстка студентов. Как он дожил до ста лет? С таким наплевательским отношением к расчёту сил на голом энтузиазме не уедешь. Но инквизитор стоял перед нами в добром здравии и, возможно, ясном уме.

Что же ты делаешь, Жозеф? Выслуживаешься? Для меня это могло бы быть единственным оправданием действий Юнга. Впрочем, осталось ему совсем немного.

— А мне можно пользоваться… — неуверенно начал Ван.

— Да. Всем, чем хочешь и считаешь нужным согласно обстоятельствам, — перебил парня инквизитор, через секунду добавив: — Самыми ужасными вещами — и всё тебе сойдёт с рук. Гарантирую, но должен предупредить, что тебе лучше не увлекаться. Порталы можешь делать?

— Да.

— Тогда отлично. Ри?

— Могу, но не долго, — призналась я.

— Значит, Ван в приоритете, — чуть подумав, сказал Юнг. — А теперь обсудим дальнейший план.

Мы спустились с плато под прикрытием завесы, наложенной на нас инквизитором. Первым делом следовало незаметно обезвредить часовых и взять их одежду. Серые накидки, в которых поголовно ходили участники ритуала перманентно, могут спутать карты и предотвратить панику в лагере. Тем более нам сейчас

нужен лишь Грусиус.

Юнг действовал самостоятельно. Мы с Ваном шли вдвоём. Тактику избрали бесхитростную: сбить с ног и придавить амулетом. Для таких дел инквизитор ещё в школе собрал нам с собой одноразовые «Прессы» в виде восковых кукол, которые нужно положить на грудь или спину противника.

Первого часового мы взяли внезапностью. Сухощавый волосатый дядька с длиннющей бородой и волосами, заплетёнными в косы, даже не успел толком понять, что происходит. Ван набросился на него со спины, задирая плащ, а я тут же бросила амулет, и противник застыл без движения.

— Готов, — шёпотом констатировала я, аккуратно снимая накидку.

Второй часовой, беспокойный и вечно оглядывающийся по сторонам, насторожил. Пробрались мы хоть и скрытно, но не без трудностей. Нервная натура наконец нашла успокоение. Мой напарник на этот раз бросил тёмный пульсирующий сгусток, сваливший охранника с ног. «Пресс» ему уже не требовался: часовой распластался в глубоком обмороке. Но на всякий случай я положила восковую куклу. Очнётся, поднимет тревогу — кому это нужно?

Второй плащ был уже у меня в руках, когда я почувствовала на себе нечто чужеродное. Мне на плечи кто-то прыгнул, и, громко шипя, вцепился когтями в ключицы.

Едва я успела опомниться, тварь слезла и ускакала, оставив на память о себе глубокие борозды.

— Лечись! — бросил Ван, а сам выскочил вслед за неизвестной зверюгой.

Напарник вернулся через минуту. Кое-где на одежде выделялись мокрые капли крови.

— Что это было?

— Рысь, — беспечно сказал Ван. — Сейчас она доедает своего хозяина.

— Как? — Это всё, что я могла спросить, потому что пришлось сосредоточиться на свитке лечения.

— Ты забыла, что ещё в прошлом году я был одним из них? — подмигнул он.

Мы прикрылись серой холщовой тканью, накинув капюшоны, и по очереди вышли на поляну. Юнг уже медленно пробирался к архивариусу. Остальные занимались делами: они не отвлекались от выполнения обязанностей, беспечно считая, что здесь их никто не найдёт.

Юнг подобрался к Грусиусу раньше всех. Выудив уже знакомый мне ярко-жёлтый шар с артефактом, он проорал на всю

долину:

— Одно движение — и от милорда останется кровавый фарш!

Совершающие ритуал сектанты повернули голову в сторону инквизитора.

— Ри, Ван, прикрывайте! — коротко бросил он нам.

Я подала напарнику условный знак. Он мотнул головой.

— Что, Грусиус, не ожидал?! — победно проорал инквизитор. — И куда ты теперь скроешься?

Я бы на месте карателя не была так уверена. Да, прислужники-сектанты застыли, но это не повод расслабляться.

— Убивай, — прохрипел Грусиус. — Но я должен кое-что сказать. Рийзе, — его внимательный взгляд прощупывал меня будто изнутри, — зачем ты влезла, глупая кошка? Что я тебе такого сделал? Разве устраивает тебя тот мир, в котором мы все обязаны жить? Когда родные мать с отцом продают дочерей в рабство? Когда для того, чтобы получить квалификацию мага, нужно убить своего друга или приятеля? Неужели тебе это всё действительно нравится?

У меня в горле застрял ком. Кто такой Грусиус? Романтик? Революционер? Или просто очередной идейный вдохновитель, у которого слово и дело — расходящиеся понятия? Кем бы он ни был, сейчас он говорил чистую правду.

— Не обидно будет сидеть в казематах за свой маленький секрет, Ри? — Юнг недоумённо посмотрел на меня, потом снова на архивариуса. Тот продолжил: — Этот инквизитор пустит тебя в расход намного раньше, чем ты думаешь. Каратели — особая каста, я знаю. А ещё за последние сто лет никого с улицы туда просто так не брали. Не правда ли, Юнг, а?

Я ошарашенно посмотрела на Жозефа. Он прятал взгляд. Милорд Ордена говорил правду.

— У меня есть для тебя одна схема, Ри… Слушай внимательно…

Грусиус не успел договорить. Инквизитор яростно запустил в него что-то вроде града ослепительно белых стрел и завалился навзничь, обагряя весёлую изумрудную зелень хлещущей и растекающейся кровью.

— Портал! — закричала я.

Мы с Ваном оказались на плато.

— Ри… — осторожно начал напарник.

— Молчи, — остановила я его. — Обязательно потом поговорим. Но потом.

Долина мелькала десятками огоньков. Сектанты исчезали в пространственных тоннелях, бросая всё. Следом за ними ушёл и Грусиус.

Когда на поляне остались пленники и бьющийся в конвульсиях инквизитор, я попросила:

— А теперь давай назад. Нам с тобой этого идиота ещё спасти нужно.

Ван безоговорочно выполнил. Секунда — и мы с ним снова стояли на поляне. Я наклонилась к Юнгу, который вместе с кровью терял часть своей жизни, отдавая её земле.

Чтобы остановить кровь, пришлось разорвать несколько свитков, и мой запас закончился. Я потянулась к сумке инквизитора. Наткнувшись на клочья особого бледно-синего пергамента для вызова стражей, я повернулась к Вану.

— Сейчас все они будут здесь.

Глава 40. Беседа с десятником

Стражи, как и прошлый раз, появились без помпы, почти моментально материализовавшись из воздуха. Увидев знакомое лицо приятеля Юнга — кучерявого Курта — я расслабилась. Наверное, скоро придёт время, когда появление сотрудников карательной организации не будет вгонять меня в тремор, но сейчас я рада хотя бы одному знакомому лицу.

Глава стражей, моментально сориентировавшись, сделал навстречу мне несколько шагов.

— Не прошло и полгода, — весело сказал Курт. — Что у вас тут произошло?

Я вкратце пересказала, что случилось. Ван стоял рядом и иногда отвечал на уточняющие вопросы. Потом один из стражей отвёл его в сторону, и они исчезли. Я недоумённо посмотрела на пустое место, где только что стоял мой напарник.

— Успокойся, — спокойно проговорил Курт. — Ему озвучат немного вопросов и отпустят. Сейчас он в уже школе, а вот нам с тобой есть что ещё обсудить.

Стражи развязывали пленников. Некоторые из них, которые прошли «обработку», сопротивлялись, пытаясь драться, но дети и молодые девушки по сравнению со здоровенными мужиками всегда в проигрыше.

— Общее положение дел я уточнил. Скажи, пожалуйста, зачем вы пошли сюда, не вызвав подкрепление? И ты, и Ван утверждаете, что сектантов здесь было около тридцати человек…

— Тридцать восемь, — поправила я.

— Тридцать восемь. — Курт бросил уничижающий взгляд на Юнга, над которым со свитками химичили лекари. — Разве ты не знала, что в ситуации, когда количество противников превышает количество человек в бригаде втрое, вы обязаны оповестить об этом стражей?

Я помотала головой. Мои догадки подтвердились: Юнг шёл против правил, подвергая риску и себя, и нас с Ваном.

— Юнг не давал мне должностных инструкций.

— Чем мотивируя? — уточнил десятник.

— Тем, что я пока стажёр, а заучивать огромный свод правил, пока не определимся с датой инициации, бесполезно.

— То есть эта хитрая жопа тебе популярно объяснила, что ты никто и звать тебя никак, верно?

Я кивнула.

— Ладно. Ещё один вопрос: Юнг вешал на вас защиту?

Я молча показала амулеты под серой мешковатой накидкой.

И я, и Ван — мы оба были увешаны магическими девайсами, как новогодние ёлки, но продемонстрировать более полусотни приблуд здесь и сейчас могла одна я.

— Ты меня не так поняла, — мягко рассмеялся Курт. — Он ставил на вас «Щит инквизиции»?

— Не знаю, — пожала плечами я.

Глава стражей сжал кулаки, быстро спрятав их в карманы инквизиторского одеяния.

— Ладно, — процедил кучерявый сквозь зубы. — Теперь давай решим, что нам с тобой делать. Твой куратор сейчас недееспособен. Ты ещё не передумала вступать в ряды инквизиции?

— Нет. — На самом деле руководство Юнга мне не очень нравилось. Жозеф слишком самонадеян, и я очень сомневалась в том, что моя стажировка не станет прямым противопоказанием цельности и здоровью моего тела.

— Отлично. Значит, смотри. Сверху мне уже спустили распоряжение, что я буду заменять его в вашей школе. Дел наш горе-герой оставил предостаточно. — Курт улыбнулся. — По всем вопросам до инициации и принятия присяги ты можешь задавать мне. Пока я окончательно не проясню ситуацию о положении вещей с Орденом Чёрных, придётся находиться там. Возможно, какие-то члены ещё остались функционировать, а заразу надо вырезать под корень. Что касается тебя, то через пять дней у нас в Центральном Управлении планируется обряд. Ты уже не раз доказала свою лояльность и готовность помочь. Этот случай пойдёт в копилку достижений. Но я должен поставить вопрос ребром: либо ты учишься в школе, либо целиком и полностью переходишь под крыло инквизиции, учишься в нашем филиале и проходишь обкатку в полевых условиях. Ты готова покинуть стены школы навсегда?

Что он только что сказал? Бросить обучение в этом рассаднике элитных убийц и шлюх? Запросто! Ровно два года назад я, ещё зелёный абитуриент, пришла сюда за знаниями, чтобы избежать прямой опеки моего владельца и в надежде к пятому курсу получить хорошую должность при дворе Императора, на крайний случай, в центре одной из многочисленных провинций. А сейчас… Сейчас идёт второй год обучения, и у меня при воспоминании об арене трясёт. Не от страха перед смертью — одолеть меня в поединке могут лишь единицы. Мучает совсем другое. Потерять себя. Перестать ценить чужую жизнь, хотя, признаться, я редко восхищалась другими людьми. С тех пор, когда начала учиться у мастера Аарона, во мне прочно поселились высокомерие и отсутствие жалости. Но

разумного всегда можно наказать, и он усвоит урок, а мёртвому будет уже всё равно.

Уйти из школы, совершить невозможное — я «за» руками, ногами и хвостом. Никакой арены, никаких поединков, уроков секса, где приходится спасть с откровенно отвратительными экземплярами. Всё забудется как страшный сон. А всю интересующую информацию можно будет получить в процессе обучения в инквизиции. Чем не выход?

— Да, я хочу покинуть школу, — твёрдо сказала я.

Курт на секунду прикрыл глаза.

— Мне нравится, что ты думаешь, прежде чем сказать что-либо. Но имей в виду, между тобой и инквизицией не должно быть секретов. У тебя ведь они есть, так?

Я остановилась и непонимающе посмотрела на десятника.

— Юнг сказал тебе, что все инквизиторы могут использовать Древнюю магию и артефакты, которые созданы с её помощью?

— Нет.

— Поступив к нему в стажёры, ты теперь полностью легализовалась. Инициация — чистая формальность. Ты поклянешься использовать свои знания во благо Империи под страхом смерти. Всё, что у тебя есть, весь потенциал, на который способна. Поняла?

— Да.

— Так какой у тебя секрет?

Ледяные шипы вонзились в горло, у меня перехватило дыхание. Я не смогла произнести ни слова.

Курт внимательно на меня посмотрел и ласково погладил по голове.

— Влипла ты, дорогая. «Боль Ахерона» умеют ставить единицы. И чуть больше полусотни человек смогут её распознать. В который раз я убеждаюсь, что Юнга отправили в школу по ошибке. Этому идиоту не по зубам даже такое простое задание.

Курт с досады сплюнул себе под ноги. Я оглянулась, чтобы посмотреть на Жозефа. Ни лекарей, ни моего бывшего наставника на поляне больше не было.

— А что будет с Юнгом? — спросила я, наконец понимая, что инквизитор накосячил сверх всякой меры.

— Сейчас он немного побудет в лазарете, — мечтательно, щурясь от солнца, произнёс кучерявый. — Потом его отправят на подробное дознание, а после, уже вне зависимости от результатов, наш дорогой Жозеф отправится в грязелечебницу.

— Снова в лечебницу?

— Это не совсем то, что ты думаешь, — ещё шире улыбнулся десятник. — Так или иначе, любая организация сталкивается с

проблемой снабжения. У нас эта служба состоит из провинившихся. Вот таких, как идиот Юнг, которые не понимают всей своей ответственности. Инквизиция — это не только власть. В подземельях от него толку будет очень мало. Жозеф принесет пользу, лишь работая на благо остальных членов организации. Как раз на свиноферме у нас который год подряд не хватает рабочих рук.

Я усмехнулась и устало опустилась на мягкую траву. Ноги уже не держали. Сверху вниз посмотрела на Курта и спросила:

— Неужели у него совсем нет шансов?

Десятник покачал головой.

— Всё слишком серьёзно, Ри. Я не буду вдаваться в детали. Юнг перешёл к нам около пяти лет назад, и никто из нас не мог ожидать настолько существенных проблем с его распределением. В конце концов, ему поручили расследовать самое простое дело: слабый артефакт, засветившийся в вашей школе. Но и его он провалил. Мало того, что он пытал тебя без особых на то оснований… — Курт сделал паузу, ожидая моей реакции, но не получил обратной связи и продолжил: — Он устроил массовую резню среди секты, которая находится вне нашей компетенции. Отправил тебя, стажёра, в логово без соответствующей подготовки. Извини, но в том виде, в котором я тебя застал после оргии «чёрных»… Так быть не должно, даже со стажёрами. И, наконец, грубое нарушение инструкции. Тридцать заложников остались целы лишь благодаря мирным намерениям Грусиуса. Я давно уже являюсь десятником и знаю, что далеко не все преступники абсолютное зло. Сложись ситуация чуть по-другому, за Юнгом числился бы кровавый след в полсотни человек за одну неделю. Ты представляешь? Пятьдесят чужих жизней. Инквизиция — не звери. У нас есть кровавые методы, отрицать это бесполезно. Но благодаря таким, как Юнг, о нас идёт дурная слава. Мы давно собираем по крупицам учение Древних и артефакты, и будь в народе хоть немного правильный настрой… Хотя, ладно. Давай об этом позже, что-то я заговорился.

— Я, если честно, очень устала, — призналась я, с трудом ворочая языком. Глаза слипались, хотелось одного: есть и спать.

— Вижу. — Кучерявый щёлкнул пальцами, и мы оказались в кабинете Юнга. На мраморном полу не было и следа от царапин ритуального ножа, которые несколько часов назад чертил Жозеф. Лёгкая прохлада, которую отдавал камень, немного взбодрила, и я поднялась на ноги. — Сейчас иди спать. И помни: через пять дней у тебя инициация.

— Хорошо. — Я спонтанно отвесила поклон десятнику. — До свидания.

— Я тебя жду завтра с утра, до начала занятий, — бросил через плечо Курт. — И ещё: не трогай больше этого парнишку Вана. Ему и так непросто совладать со своим Тёмным, а сегодня вы ему вообще руки развязали. Ни с кем не обсуждай произошедшее, хотя бы до завтра. Забежишь перед занятиями, и я тебе дам чёткие указания перед инициацией, поняла?

— А на пары мне обязательно ходить? — с надеждой на отрицательный ответ, переспросила я.

— Нет. Но лучше, если ты не будешь привлекать внимание, и эти пять дней вести себя как образцовая ученица. Иди и хорошенько отоспись. Остальное — завтра.

Я вышла из кабинета и побрела к общаге. Из кабинета декана вихрем вылетели Ван и один из стражей. Мы с напарником переглянулись. Он подмигнул мне, заставив расплыться в улыбке. Живы. Чисты перед карателями. Это уже хорошо и вселяет надежду.

Я дождалась, пока Ван вместе со стражем уйдут из коридора, чтобы хотя бы сегодня избежать объяснений. На улице царила глубокая ночь, во дворе было подозрительно пусто. Я кивком поздоровалась с вахтёром и поднялась к себе на этаж.

У моей двери, не решаясь зайти, наматывая на палец прядь синих волос, сидела Вилла. Увидев меня, она подскочила и бросилась мне на шею.

— Ри! Наконец-то!

Сон как рукой сняло, в голове закружились далеко не целомудренные мысли. Всё-таки здорово, что Вилла здесь, потому что мне определённо нужна разрядка.

Глава 41. Когда ты нравишься инквизиции…

Виллу в комнату я затащила почти волоком, даже не знаю, кому из нас двоих это было больше нужно.

— Куда же ты пропала, Ри? — выдохнула Вилла, целуя меня в шею.

Руки воительницы мягко сжимали мою грудь, заставляя твердеть соски. Я чувствовала, как нестерпимо начало давить кружево белья. А ещё меня одолела дикая жажда.

Пришлось мягко толкнуть Виллу на постель. В графине вода закончилась, и я пошла в ванную, чтобы наполнить сосуд. Там же в спешке выпила пару стаканов. Вернувшись в спальню, обнаружила, что Вилла времени даром не теряла. Раскрытые коробки с атрибутами, неумелая установка качелей…

— Неужели тебе так понравилось? — хищно улыбаясь и покусывая губы кончиками клыков, спросила я.

Вилла лишь залилась румянцем и упорно продолжила громоздить. Я помогла ей справиться, ведь без должной практики в таких делах не обойтись. Как этот мир ни крути, умения всегда приходят с опытом.

Вилла, пряча взгляд в пол и продолжая стесняться, протянула мне наручники, повязку для глаз и резиновый шарик для рта. Кляп я отбросила — сегодня очень хотелось послушать её стоны, а покров тишины, который никогда с моей комнаты не снимается, позволит не побеспокоить соседок по этажу.

Я зубами стянула с воительницы одежду, сопровождая каждое своё движение жаркими поцелуями, и помогла Вилле усесться в качели. Когда щёлкнул последний замочек на наручниках, приглушила излишне яркий свет.

— С чего начнём, моя сладкая? — Я склонила голову набок, собираясь выслушать пожелания. В делах, когда один желает немножечко боли, надо быть очень внимательным к партнёру.

Но Вилла молчала, загадочно улыбаясь. Всё было понятно без слов. Воительница сама не знала, чего хочет, оставляя инициативу на откуп мне.

Пожав плечами, я взяла стек с мягким, перьевым кончиком. Подругу манила неизвестность, и, щекоча нежным шелком её прелести, мне подумалось о том, что, наверное, есть какая-то своя изюминка в том, когда ждёшь сюрприза от партнёра, которому доверяешь.

Воительница крутила головой, стараясь чутьём уловить, на

какую часть тела в следующий раз опустятся пёрышки, а потом неожиданно для меня спросила:

— Так где ты была, Ри?

Её вопрос выбил меня из равновесия. Стек, вместо того, чтобы ласкать Виллу, хлёстко ударил её по нежной попке.

— Ну, Риииииии!

Ещё удар, только посильнее. Воительница закусила губу, было видно, что она старалась не подавать виду, что ей больно.

— Будешь много знать, я буду безжалостно тебя трахать, — сказала я, запуская пальцы в её горячее, влажное лоно.

Тело Виллы, отвечая на ласку, доверчиво подалось вперёд. С её губ не сходила похотливая улыбка.

— Так что у тебя случилось, Ри? Что за делишки у тебя с инквизицией? — томно проговорила воительница, и я пожалела, что отказалась от кляпа. Наглая девчонка сбивала мне весть настрой. Я приложила к её губам влажный пальчик, чтобы она замолчала. В ответ воительница игриво высунула язычок и прошлась по нему вдоль и поперёк, раззадоривая меня.

— М-м-м-м, моя сладенькая. — Моя левая рука шарила в коробке в поиске подходящего размера. — Чем тебя сегодня побаловать?

— И всё-таки: какие у тебя дела с инквизитором? — не унималась Вилла, замолкнув лишь после того, как я вставила в её мокрую дырочку упругий, гладкий и толстоватый член.

Воительница застонала, а я, чтобы пресечь все разговоры, напомнила ей:

— Не надо лишний раз упоминать инквизицию, иначе…

Раздался стук в дверь. Я подскочила, накинула халатик, а Виллу и вовсе накрыла тончайшим пледом, чтобы хоть как-то замаскировать, если гостю вдруг захочется заглянуть в комнату. Я никого не ждала.

На пороге стоял кучерявый.

— Доброй ночи, — поздоровался он, напоровшись на мой колючий взгляд.

— И вам не хворать. Какими судьбами? — спросила я, стараясь заслонить собой проём, но в то же время не показать инквизитору ничего лишнего.

— Да вот, не спится, — улыбнулся Курт. — Решил заглянуть к тебе на чашечку кофе.

— Закончился кофе, — с прохладцей в голосе ответила я.

— Ничего, я со своим, — не унимался десятник.

— Воды тоже нет.

— Не ври. Так я зайду?

— Говорите здесь. Я… немного занята, — мялась я, не желая

впускать кучерявого. Вообще, нарушение личных границ — это уже нехорошо. Тревожный звоночек, который ясно даёт понять, что на будущей работе у тебя, скорее всего, не будет выходных и разграничения обязанностей. Припереться посреди ночи и требовать кофе, пусть и символический — то ещё хамство.

— Хорошо. Хочу тебе ещё раз напомнить, чтобы ты никому не разбалтывала о своём особом положении в инквизиции.

Твою мать! Вилла же всё слышит.

— Тс-с-с-с! — Второй раз за сегодня мне приходится затыкать чужой рот.

— От тебя пахнет желанием и сексом, — пристально глядя мне в глаза, сказал десятник. — Так я зайду? Что я там не видел за свои сто лет-то?

Его подтянутая, сильная тушка вломилась в дверь, оттеснив меня в сторону. Упс. Я захлопнула за ним дверь, нутром чувствуя, что не сделай я этого, сюда вполне ещё может «случайно» забежать толпа мужиков из той же оперы, только рангом пониже… Не общежитие, а чёрт-те что!

Вилла под покрывалом зашевелилась. Курт бросил на конструкцию под пледом подозрительный взгляд.

— И что это вы тут делаете? Ой!

Меня разбирал смех, я отвернулась, чтобы сдержать улыбку.

— Ри, ты не познакомишь меня с гостем? Или я его знаю? — спросила воительница, мотая головой, будто бы это могло помочь ей увидеть из-под повязки хоть что-нибудь.

Десятник сам протянул руку и снял с головы Виллы маску.

— Симпатичная у тебя подружка. Ты ей ещё ничего не рассказывала? — Его пальцы внаглую заскользили по телу синеволосой. Что ещё хуже — Вилле откровенно это нравилось.

— Нет. Но она очень хочет узнать…

— Да! — Воительница, будто кошка, сама ныряла под прикосновения Курта. — Ри, почему ты не сказала, что у тебя есть такой симпатичный парень на примете?

Я поджала губы. Ситуация неприятная. Не ждала инквизитора, и быть здесь он не должен. Это моя территория.

— О, сладенькая, сейчас я тебе всё-всё поведаю, — ответил Вилле десятник, обнажая рельефные мышцы, скрытые под инквизиторской накидкой.

Глава 42. Обратная сторона

Я на секунду залюбовалась спортивным, перевитым тугими мышцами телом инквизитора. Чуть позже меня догнала мысль о том, что его сюда никто не приглашал. Мало того, что он припёрся ночью, внаглую, так ещё и Виллу решил под шумок оприходовать. А эта тоже хороша, нимфоманка мелкая. И ведь даже не стесняется.

Я безучастно наблюдала, как Курт, будто бы так и задумано, подхватил эстафету и начал увлечённо удовлетворять свои низменные потребности. Наверное, будь у меня чуть больше сил, я бы высказала негодование. Накатила усталость, захотелось прилечь на кровать, игнорируя восторженные вопли синеволосой и довольное урчание десятника. Пусть развлекаются. Последние события настолько меня вымотали, что я сама не заметила, как провалилась в сон.

Сумбур, обрывки воспоминаний, приправленных страхом и ненавистью, мучили весь остаток ночи. Глаза я открыла с истинным наслаждением, и тут же пожалела: на полу, обнявшись, среди разбросанных секс-игрушек и прочих атрибутов, спали Вилла и Курт. Голубки. Противными острыми коготками, тихонько пробираясь, внутрь заползала обида. На Виллу, на инквизитора, на жизнь в целом. Хотелось хоть кому-то доверять полностью. Но чем взрослее я становлюсь, тем жёстче фильтры. Вилла, что же ты так. Дрянь.

Я фыркнула про себя, тихо пробралась в душ, собрала учебники и выскользнула из комнаты. Пусть спят, а мне нужно хоть немного отвлечься. Например, заполнением головы знаниями.

Три занятия пролетели незаметно. К перешёптываниям за спиной я давно привыкла. Лишь бы не нарывались, потому что настроение сейчас, мягко говоря, отвратительное. То ли одногруппники уловили мой посыл, то ли звёзды сегодня противоречили конфликтам, но лекции прошли действительно плавно. Я собиралась пойти в столовую, чтобы выпить хотя бы чашку кофе, в идеале — съесть половину оленя и ведро сладостей, а потом снова лечь спать. Учить больше ничего не нужно, а работа в тренировочном зале пусть лучше останется тем, кто будет выступать на арене. При мысли о ежегодных боях, как о веренице жестоких смертей подростков, меня пробрала дрожь.

Я спешила, мелко перебирая ногами в неудобных туфлях, почти бежала по коридору, когда внимание приковала толпа абитуриентов, которых привели на экскурсию. Их было около

сотни, и, судя по количеству, это всего лишь одна партия. Каждый год на первый курс зачислялось около восьми ста человек. Контингент постигающих знания подбирался не самый благополучный: отвергнутые дочери и непокорные рабыни, парни с минимальными задатками магии, не желающие становиться ремесленниками или прислугой, просто беглые и отчаянные подростки в поисках лучшей жизни. Для поступающих школа зачастую становилась единственным выходом и домом на долгие пять лет. Для многих вновь прибывших она послужит гробницей. Чернь — она везде чернь, никто счёта загубленным жизням давно не вёл.

Я смотрела на самом деле не на толпу, а на сборище уже будущих трупов. Из всей весёлой стайки, пришедшей на экскурсию для отбора в школу, в живых останутся единицы, если останутся вообще.

Мой взгляд скользнул по знакомой до зубовного скрежета детали: разодранному уху с нетипичной для него белой кисточкой на общем сером фоне. Не может быть.

— Мелоди! — крикнула я, чувствуя, как от собственного голоса пробирает дрожь. Лишь бы это не оказалось правдой, и я ошиблась.

Ушко незнакомки дёрнулось, и она повернулась ко мне лицом. Путаницы быть не могло.

— Мелоди! — Мы бросились друг другу навстречу, расталкивая локтями тех, кто стоял на пути.

— Ри! — Единственное, что смогла выдавить из себя кошечка перед тем, как уткнуться мне в грудь и расплакаться.

Мы не виделись чуть больше трёх лет. За это время Мелоди вытянулась и похорошела. Жаль, что её патрон так и не потратился на то, чтобы восстановить ей ушко, которое она ещё по малолетству распорола подвернувшейся во время ныряния в речку корягой. Память услужливо подбросила её жалобное мяуканье и образ маленькой плаксы с чудными разноцветными глазами. Пришлось проглотить ком, вплотную подступивший к горлу.

— Ну, хватит, мелкая. На нас люди смотрят, — сдавленным голосом обронила я, сама уткнувшись взглядом в иссиня-голубое небо, чтобы не зареветь в голос.

— Да и фиг с ними! — пропищала сестра. — Пусть завидуют! Теперь я обязательно буду здесь учиться.

Будто чан с кипятком за шиворот вылили. Я оторвала Мелоди от себя, хорошенько её встряхнув.

— Не вздумай! — Кажется, шипение услышали не только абитуриенты, которые стояли рядом, но и куратор группы. —

Слышишь?! Не вздумай оставаться здесь. Ты не выживешь.

Мелоди отстранилась. Выражение её лица осталось точно таким же, как и несколько лет назад, когда мне приходилось отбирать у неё лишний стебель сахарного тростника — обиженное и непокорное. Всё было понятно без слов. Она останется в школе.

— Нет, — сказала сестра. — Решено.

Хоть я и знала, что уговоры бессмысленны, но попытаться стоило.

— Сестрёнка, прошу.

— Она будет учиться здесь, — вмешался куратор, который всё это время с интересом за нами наблюдал. — Рийзе, за неё уже уплачено, причём в двойном размере.

Я с непониманием уставилась на Себариса, молодого парня, который пару лет назад привёл меня в школу в первый раз. Куратором он хороший: между ним и его группами учеников всегда самые тёплые отношения. Но я не верила своим ушам.

— Себарис, но как так? — Парнишка поджал губы, явно что-то скрывая. — Не молчи!!!

— Не знаю подробностей. Но, возможно, «Истинный взгляд» даст тебе ответ?

Я повернулась к сестрёнке. В её чистой, сияющей белизной ауре плавали рваные чёрные клочья. Она тоже с подселенцем, как и Ван. Только в отличие от однокурсника, сущность, которая подчинена Мелоди, ещё слаба.

— Джинн??!

Себарис кивнул.

— Ри, ты сама понимаешь, ей теперь либо на костёр, либо в школу. Один из наших рекрутёров чудом вырвал её из лап озверевших деревенщин. Поэтому без вариантов.

— Ты где эту гадость подцепила, мелкая??!

Мелоди пожала плечами. Не в её интересах при всей толпе рассказывать, как это произошло, но со временем, уверена, смогу выдавить из сестрёнки правду. Хотя, какая уже разница?

— Я могу её украсть? Себарис, ну пожа-а-а-а-а-а-луйста!

— Ри! — шикнул на меня куратор, еле сдерживая улыбку. — Ты в своём уме? Мне их ещё к Высшему Совету на смотр вести!

— И?

— Что «и»??? Ждут их сейчас. Потом экскурсия и свободны.

— А можно мне самой ей показать, где и что?

— Ты ставишь меня в неудобное положение, Ри. — Себарис старался говорить полушёпотом, но выходило из рук вон плохо. Некоторые абитуриенты явно прислушивались к нашему с ним разговору.

— А ну, зелень небитая, перестали уши греть! — рыкнула я.

От нас демонстративно отвернулись.

— Себарис, ты был и остался моим любимым куратором, — мурлыкала я, пуская в ход всё оставшееся после тяжёлых дней и ночей очарование. — Мы больше трёх лет не виделись. Пожалуйста.

— Дождёшься нас у здания Высшего Совета — и она вся твоя. Только так, чтобы никто не видел. Поняла? Не подрывай мой и без того шаткий авторитет.

— Себарис, ты восхитителен! — Я чмокнула куратора в раскрасневшуюся, горячую щеку.

— А теперь брысь!

Я кивнула, сжала дрожащие пальчики Мелоди, ненадолго прощаясь, и побежала в столовую, чтобы успеть что-нибудь перехватить. Хотя бы половину оленя, можно и сырого.

Колонна притихших абитуриентов двигалась вдоль здания. Я стояла за углом и ждала, пока в поле зрения покажется Мелоди.

Завидев её, протянула руку и резко выдернула из толпы поникших учеников.

— И как тебе?

— Ну такое, — ответила сестрёнка, потирая предплечье, за которое я её вытащила. — Ты, Ри, в своём репертуаре, готова ласково и пинками загонять домой. До сих пор не отвыкла от твоей хватки.

Сейчас мне больше всего хотелось расспросить, как Мелоди жила всё это время, но чутьё упорно подсказывало, что не стоит. Её продали в рабство так же, как и меня. Но в отличие от сестрёнки, меня не стесняясь предлагали как наложницу, а её — только как прислужницу по дому. Оттого наши дорожки разошлись: сестру в первый же день забрал какой-то деревенщина с женой и огромным орущим выводком таких же мелких деревенщин, как и их папаша. Я же нашла пристанище у купца, торгующего редкостями. Не думаю, что жизнь Мелоди была слаще моей. Это вполне возможно, но маловероятно. Поэтому пришлось придержать язык. Захочет — расскажет сама. Знаю, насколько это больно.

— Ну что, пойдём осматривать школу?

— Может, ну её? — повела бровью сестрёнка. — Тут всего-то десять корпусов.

— Уверена? — Сомнительно, что потом Мелоди сможет легко ориентироваться.

— Без проблем. — Она помахала перед моим носом цветным буклетом. — Тут даже идиот разберётся. Кстати, у тебя остались конспекты с первого курса?

— Естественно.

— Это здорово. Тут мне какую-то жуть поведали, что у вас и среди учебного года резня на голом месте бывает. Подробностей не расскажешь?

Тут пришла моя очередь молчать. Массовое непотребство за два года существования в школе случилось только один раз, и причиной этому была я. Не хотелось бы вываливать на Мелоди всё это вот так, с разбега.

— Обязательно расскажу, но только потом. И не вздумай подробности вызнавать, это не поощряется. Насколько видно, ты хочешь стать отличницей?

— Давай о хорошем, — взмолилась сестра. — Лучше делись, какую тебе спецификацию определили?

Я всё-таки уговорила Мелоди прогуляться по территории. Солнышко, по-весеннему тёплое, сегодня превратило школьный двор в местечковый филиал ада, но коридоры корпусов оставались свежими и прохладными. От меня не укрылось, как упрямая и бескомпромиссная сестрица за несколько лет превратилась в злобное, недоверчивое и амбициозное существо. Наверняка не от хорошей жизни. С другой стороны, хоть в детстве она подарком не была, мы с ней почти всегда ладили.

Те, кто меня знал, с интересом косились на Мелоди. Распознать сходство было не так сложно, но проблематично: слишком сильно привлекали внимание её разноцветные глаза: один — карий, другой — зелёный, и рваное ушко с белой кисточкой.

Я проводила Мелоди до общежития для поступающих: здание, которое функционировало всего несколько месяцев в году в период наплыва учеников.

— Принеси мне, пожалуйста, конспекты, а потом у меня посидим, — робко попросила сестрёнка. Несмотря на то, что она явно набралась опыта и озлобилась, ко мне Мелоди до сих пор относилась трепетно, хоть и не без язв. — Здесь подожду, к вам пока нельзя.

Я кивнула. Да, поступивших не пускали к старшим по причине того, что это могло быть опасно для жизни. Или чтобы кутёж безответственной мелочи не мешал старшекурсникам готовиться к экзаменам. Так или иначе, правило есть правило.

Я помчалась к себе. Моментально взлетев на четвёртый этаж, потянула ручку двери своей комнаты.

То, что открылось моим глазам, было за гранью разумного. Приторный запах свежей крови тошнотворно защекотал ноздри. Пол залит алым, повсюду, вперемешку с тёмно-синими кишками волосы. Если бы меня спросили, как выглядит ужас, я бы описала

именно это.

Вилла и Курт валялись, размазанные по комнате и вывернутые наизнанку.

В момент осознания произошедшего, сердце споткнулось, и я провалилась в приглушённую, вязкую темноту.

— Конец первого тома-

Дорогие читатели! Второй том здесь, увы, выкладываться не будет. Ссылки запрещены, поэтому просто вбейте в поиск: «Алекс Ферр Инквизиция и кошка» — у меня для вас есть ещё много интересного.

Я бы рада быть с вами и здесь, но статистика сильно режется особенностями портала. Всегда ваша, Мира Соль. Целую, и до встречи:-)